

к 83 221

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЛЯО ЧЖАЙ

ЛИСЬИ
ЧАРЫ

ПЕТЕРБУРГ
МСМХХП

105221

31

К 83 — 221 1086502
ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

К И Т А Й

ИЗБРАННЫЕ РАССКАЗЫ

Л Я О Ч Ж А Я

— 1622 — 1715 —

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

К 85221
ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Л Я О Ч Ж А Й

ТОМ ПЕРВЫЙ

Л И С Ь И Ч А Р Ы

ИЗ СБОРНИКА СТРАННЫХ РАССКАЗОВ
ПУ СУНЛИНА (ЛЯО ЧЖАЙ ЧЖИ И)

П Е Р Е В О Д
И ПРЕДИСЛОВИЕ
В. М. АЛЕКСЕЕВА

П Е Т Е Р Б У Р Г М С М Х Х И I I

1086502 ✓

Л И С Ь И Ч А Р Ы

ИЗ СБОРНИКА СТРАННЫХ РАССКАЗОВ
ПУ СУНЛИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ.

У всякого народа, в особенности на заре его культурной жизни, есть смутное чувство, говорящее ему, что те животные, которые его окружают, не так уж далеки от человека, как это кажется, судя по отсутствию у них членораздельной речи—этой типичной принадлежности человеческой породы животных. Наоборот, именно эта жуткая странность, при которой, будучи в данный момент довольными и веселыми, животные не смеются; желая сейчас что-то сказать, не говорят,—эта странность пугает, как неразгаданная тайна, и двуногий царь природы начинает сомневаться в своем непрекаемом властительстве: наоборот, ему кажется, что его окружают существа, от которых он зависит, которые могут диктовать ему свою волю, благоволя ему или вредя. Одною из таких неразгаданных тайн человеку всегда представлялась лисица,—та самая лисица, которая, с одной стороны, была ему неприятна, воруя у зазевавшегося хозяина кур, но, с другой,—весьма приятна, в качестве превосходной шубы, сшитой из шкуры тех лисиц, что, в свою очередь, зазевались и попались в руки предприимчивому охотнику.

Кто из нас не знает, какими качествами наделил куму-лису, Лису Патрикеевну, воровку-лису русский человек? Кто не знает таких выражений, как: лисить, лису петь, подпускать лису, лисой пройти, не волчий зуб—так лисий хвост, лиса своего хвоста не замараает, кабы лиса не подспела, то бы овца волка с'ела и т. п., в которых лиса является образом человека лукавого, хитрого, пролазы, проныры, корыстного льстеца? Русский народ, конечно, не оригинален в данном отношении, и все вышесказанное является лишь примером человеческой изобретательности, первобытной, простодушной, наивной. Ей еще так далеко до развитого миропонимания, прошедшего школу научного наблюдения и успоко-

ившего свое жуткое ощущение соседства непонятных животных пониманием биологической панорамы.

Китайский народ, прежде всего, не отставал в этом отношении от других. Так, ему лиса представлялась всегда символом осторожности и недоверчивости. «Лиса сама закапывает, сама же и раскапывает» — при такой подозрительности никакого дела нельзя сделать. Затем, китайцу лиса точно так же, как и другим народам, кажется хитрым и лицемерным существом, водящим за нос сильных и свирепых зверей, как например, в одной басне, известной не только одним китайцам (хотя и помещенной в одном древнем тексте), — в басне о лисице, идущей впереди тигра и принимающей на свой счет почтительное поклонение, расточаемое встречными, — конечно, только тигру. Далее, так же, как и у нас, лисица в Китае представляется существом, одаренным особой способностью к вкрадчивому лицемерию, легко обольщающему жертву и потом безжалостно ее же эксплуатирующему. Наконец, все эти качества, на которые жалуется создающий басни и поговорки крепкий задним умом наивный человек, подчеркиваются китайцем, когда он говорит о лисе, как об определенно злом существе, одинаковом в этом отношении с шакалом и волком, хищном, свирепом, отвратительном. Отвращение к лисе видно даже в таком китайском выражении, как «лисий запах», означающем противную вонь, идущую от больных и неопрятных людей из под мышек.

Однако, китайцу, — не в пример, повидимому, прочим, — лиса, представляется и полезным существом. Не говоря уже о ее шкуре, ценимой не менее, чем где либо, китайская медицина знает весьма полезные свойства лисьего организма, части которого, например, печень, могут исцелять злую лихорадку, истерию, внезапные обмороки, а мясо ее, вообще, может, как говорят даже солидные китайские медицинские трактаты, — в особенности, если его приготовить должным образом, — исцелять случаи «крайнего испуга, обмороков, бессвязной речи, беспричинных, безрассудных песен, скопления холода во внутренностях, злостного отравления» и других подобных болезней. Лисья кровь, как говорит в своем знаменитом сочинении один из китайских мыслителей первых веков около Р. Хр., сваренная с просом, дает способность избегать опьянения, и т. д. и т. д. Одним словом, лиса, оказывается, не так уж безнадежно плоха. Наоборот, — и здесь китайская фантазия идет, повидимому, впереди всех народов — она оказывается наделенною редким свойством долголетия, достигающего тысячи лет, и, значит, вообще, сверхчеловеческими,

даже прямо божескими особенностями. Эти качества, прежде всего, делают, ее, конечно, доброю, ибо такова воля умиловляющего ее человека, который, страшась и подозревая ее в душе своей, боится ей это показать. Так, девятихвостая белая лисица, жившая в горе Ту, явилась древнему герою китайского исторического предания, императору Юю (23 в. до Р. Хр.), и он женился на ней, как герой на фее. «Небесная лисица, говорит другое литературное предание, имеет 9 хвостов и золотистую шерсть; она может проникать в тайны мироздания, покоящиеся на чередовании мужского и женского начал».

Эта волшебная фантастика, которою китайский народ, неизвестно даже с какого времени, окутывает простого плотоядного зверька, разрастается до размеров, которые, повидимому, совершенно чужды воображению других народов.

Вы проходите по китайским полям, и вдруг видите, что перед каким-то курганом стоит огромный стол, на котором покоится ряд древнего вида сосудов, знамена, значки и все вещи, свойственные, насколько вам известно, только храму. Вы осведомляетесь у прохожего мужичка, что это такое, и слышите в ответ: Это фея-лиса (Хусянье). Она, видите ли, живет где-то тут в норе, и ее упрашивают не вредить бедному народу, — и не только не вредить, а, наоборот, благодетельствовать ему, как благодетельствуют прочие духи. И вы, действительно, читаете на знаменах и особых красивых лакированных досках крупные надписи: «Есть у меня просьба — непременно ответишь!», «Смилуешься над нами, стадом живых» и т. д. Словом, лиса становится анонимным божеством, равноправным со всеми другими, которым в Китае имя легион. Вот, в этой-то своей роли божества, наделенного, к тому же, способностью принимать всевозможные формы, начиная от лисы-зверя и кончая лисой-женщиной и лисом-мужиной, во всяком их дальнейшем разнообразии, смотря по тому, на кого и во имя чего требуется действовать, вот в этом мире превращений лиса и кружит человеческую голову всевозможными химерами, создающими самое необыкновенное течение событий там, где обычная человеческая жизнь проста, убога, скучна. На этой почве и развились повести и рассказы Ляо Чжая, перевод которых здесь печатается. Перед русским читателем здесь разворачивается самая прихотливая картина сверхъестественного вмешательства лисицы в человеческую жизнь. Она окутывает его злым навождением, не давая ему жить спокойно в своем же доме и веля поступаться самыми насущными вопросами совести. Она обольщает бедного человека своею нечело-

веческой красотой и, воспользовавшись любовью, пьет соки его жизни, а затем бросает в жертву смерти и идет охотиться за другим. Лиса превращает его в бездушного исполнителя своих приказаний, велит ему действовать, как во сне, теряя ощущение подлинной жизни. И, боясь злых чар лисы, человек, в сердце которого есть решимость, не знающая сопротивления, объявляет ей войну, ловит ее, рубит ее, натравливает на нее ее врага, сам рискуя пропасть вместе с ней. Однако, если он действует исподтишка, если он, вместо того, чтобы самому проявить героизм, идет к колдуну за талисманом, или, если он, облагодетельствованный красотой своей лисьей подруги, желает от нее избавиться подловатым образом, стараясь при этом ничем не рисковать,—то горе ему! От него лиса отнимет все, что когда-либо ему дала, вынет семя жизни и погубит бесповоротно и окончательно.

Но, вмешиваясь таким образом в жизнь человека, лиса не всегда действует зло. Верно, что она морочит глупых людей, глумится над алчными и грубыми, охотящимися за счастьем, которое им на роду не писано. Верно, что она жестоко наказывает за распутство, а главное, за вероломство и подлость по отношению, главным образом, к ней же,—но разве может все это быть сопоставлено с теми нечеловеческими радостями, которые создает появление в серой и убогой жизни человека обольстительной красавицы, не требующей ничего такого, что осложняет жизнь, и отдающей человеку прямо и решительно, погружая его сразу же в подлинное счастье, в то незаслуженное и огромное, что в жизни творит жизнь и за которое человек идет на все, даже на свою явную гибель. Лиса приходит к человеку сама, влюбляет его в себя, любит его, становится восхитительной любовницей и верной подругой, добрым гением, охраняющим своего друга от злых людей. Она является в жизнь ученого еще более тонкою, чем он сам, и восхищает его неописуемым очарованием, которое человеку, женатому на неграмотной, полуживотной женщине, охраняющей его очаг и отнюдь не претендующей на неиссякающее любовное внимание, является особенно дорогим и которое разворачивает всю его сложную личность, воскрешает ее. С легким сердцем устремляется он к своей гибели. Очертя голову и повинувшись зову очарованной души, он сам своими же руками разрывает сети колдуна, в которые попала его чародейка,—и тогда она преображается, несет ему исцеление и, прощаясь с ним, ловко и легко устраивает ему счастливую, теперь уже мирную жизнь. Однако, не претендуй, жалкий человек, на счастье, ко-

торого ты не заслуживаешь! Лисий смех, леденящий душу, раздается в ответ на твои просьбы, и глупейший мираж будет дан тебе в удел вместо грубого счастья, которого ты цинично себе просишь.

Лиса не только женщина. Она может также явиться человеку и в образе мужчины. Это будет тонко образованный ученый, беседа с которым окрыляет дух; он будет товарищ и друг, преданный беззаветно и искренно, ищущий себе ответа в глубине чужой души, но возмущающийся и казнящий своего товарища за всякую попытку использовать его божественную силу в угоду грубому аппетиту. Лис живет вместе с человеком, ничем не отличается, кроме свойственных ему странностей, но иногда он—невидимка, и посылает свои чары только одному своему избраннику, сердце которого не заковано обывательским страхом и слепыми расказами. Лис-невидимка—все тот же преданный друг, иногда, правда, непостижимый в своих действиях, похожих скорее на действия врага, но потом, действительно, оказывающийся подлинным золотом.

Неся человеку фатальное очарование, приводя его к границе смерти, лиса сама же несет ему исцеление, помогающее, как ничто на свете. Она хранит пилюлю вечной жизни, горящую в вечном сиянии бледной колдуньи-луны и способную оживить даже разложившийся труп. И перед тем, как стать бессмертным гением надземных сфер, она еще раз вмешивается в жизнь человека и несет ему мир и счастье.

Переводчик и автор этого предисловия предполагает, что эта фантастика, это причудливое смешение мира действительности с миром невероятных возможностей может волновать русского читателя, если он хоть немного склонен к обособлению от жизни, и дать ему ряд переживаний, которые для русской и европейской литературы, вообще, необыкновенны и интересны.

Эти «Записи необыкновенного, сделанные Ляо Чжаем» (Ляо Чжай чжи и), можно сказать, не боясь преувеличения, являются в Китае самой популярной книгой. Более того, принимая во внимание число людей, могущих, вообще, держать книгу в руках, среди общей массы 500 миллионов китайцев, мы можем, пожалуй, утверждать, что эта книга является, если не самой известной, то, во всяком случае, из таких, говоря теперь уж обо всем земном шаре. Благодаря совершенной свободе печати и издательства, отсутствию понятия о праве собственности на какое бы то ни было литературное произведение, раз оно уже увидело свет в печати, благодаря дешевизне труда и бумаги, эту книгу вы встретите в любой книжной лавке,

на любом книжном уличном развале или лотке; вы увидите ее в руках у людей самых разнообразных положений и состояний, классов, возрастов. Книгу эту, прежде всего, читает, читает с восторгом и умилением перед образцом литературной изысканности всякий тонко образованный китаец, не говоря уже про людей с образованием, по качеству средним и ниже среднего,—людей, для которых Ляо Чжай—восхитительная недостижимость. Однако, и для тех, кто не особенно грамотен, т. е. не имеет того запаса литературного навыка и даже попросту запаса слов, которым располагает образованный китаец, Ляо Чжай—настоящий магнит. Правда, такой читатель понимает сложный, весь блещущий литературной отделкой текст из пятого в десятое, но даже самая фабула, самое мастерство рассказчика, развивающего перед читателем восхитительную картину человеческой жизни, пленяют его настолько, что он не выпускает из рук этой книги и, конечно, не менее образованного знает содержание ее четырехсот слишком рассказов, как содержание самых ходячих анекдотов.

Однако, нам может быть понятно, что читателю этого типа крайне досадно видеть себя в жалком положении человека, питающегося крохами от трапезы господ своих, и он естественным образом всегда стремился, так сказать, к уравниванию своих прав. И вот, если вы пройдете по Пекину, выйдете за ворота манджурского города, пройдете по главной улице до храма неба, то в этой части столицы вы увидите ряд чайных, где китайский простолюдин внимает своему шошуду, то-есть рассказчику, обладающему особым талантом и развитым умением переложить текст и даже стиль Ляо Чжая в такую форму, которая, сохраняя все богатство оригинала, создает особую ритмическую разговорную речь. Таким образом, здесь совершается художественное претворение книжной непонятной речи в живую и понятную,—и китаец низшего порядка оказывается точно также приобщенным к достоинствам Ляо Чжая, как и китаец порядка высшего.

Кто же автор этих рассказов, маг и чародей, сумевший овладеть умами Китая, этой литературной страны, избалованной тысячами поэтов и бесконечным рядом, вообще, выдающихся писателей?

Пу Сунлин (по фамилии Пу, по имени Сунлин), давший себе литературное прозвание или псевдоним Ляо Чжай, родился в 1622 г. и умер в 1715 г. в губ. Шаньдун, находящейся в восточном Китае, близ морского побережья, с которого простым глазом видны очертания печальной памяти Порт Артура. Место действия его рас-

сказов почти не выходят за пределы Шаньдуна, и время их не отстает от эпохи жизни самого автора. Вот что о нем рассказывает его, к сожалению, слишком краткая биография, находящаяся в описании уезда Цзычуань, в котором он родился и умер.

«Покойному имя было Сунлин, второе имя—Люсянь, дружеское прозвание Люцюань. Он получил на экзамене степень суйгун'а *) в 1711 году (т. е. когда ему было уже 89 лет), и славился среди своих современников тонким литературным стилем, сочетавшимся с высоким нравственным направлением. Со времени своего первого детского экзамена он уже стал известен такой знаменитости, как Ши Жуньчжан, и, вообще, его литературная слава уже гремела. Но вот, он бросает все и ударяется в старинное литературное творчество, описывая и воспевая свои волнения и переживания. В этом стиле и в этой литературной стезе он является совершенно самостоятельным и обособленным, не примыкая ни к кому.

«И в характере своем, и в своих речах покойный проявлял благороднейшую простоту, соединенную с глубиной мысли и основательностью суждения. Он высоко ставил непоколебимость принципа, всегда называющего только то, что должно быть сделано, и неуклонность нравственного долга.

«Вместе со своими друзьями Ли Симэй и Чжан Лию, также крупными именами, он основал поэтическое содружество, в котором все они старались воспитать друг друга в возвышенном служении изящному слову и в нравственном совершенстве.

«Покойный Ван Шичжэн всегда дивился его таланту, считая его вне пределов досягаемости для обыкновенных смертных.

«В семье покойного хранится богатейшая коллекция его сочинений, но «Станные рассказы Ляо Чжая» (Ляо Чжай чжи и) особенно восхищают всех нас, как нечто самое вкусное, самое приятное».

Итак, перед нами типичный китайский ученый. Посмотрим теперь, каково содержание его личности, как ученого, то-есть постольку, поскольку это касается воспитания и, вообще, культурного показателя. Остальное, неправда ли, уже сообщено в вышеприведенных строках исторической справки.

Китайский ученый отличается от нашего, главным образом, своею замкнутостью. В то время как наш образованный человек,—не говоря уже об ученом,—наследует в той или иной степени культуру древнего мира и Европы, являющуюся, вообще, сборным со-

*) Нечто вроде «действительного студента» Убылых дней.

единением разных отраслей человеческого знания и опыта, начиная с религии и кончая химией и чистописанием,—образованный и ученый китаец является,—и особенно являлся в то время, когда жил Пу Сунлин-Ляо Чжай,—наследником и выразителем только своей культуры, при чем, главным образом, литературной. Он начинал не с детских текстов и легких рассказов, а сразу с учения Конфуция и всего того, что к нему примыкает, иначе говоря—с канона китайских писаний, к которым, конечно, можно применить наше слово и понятие «священный», но с надлежащею оговоркой, а именно: они не заимствованы, как у нас, от чуждых народов и не занимаются сверхъестественным откровением, а излагают учение «совершенного мудреца» Конфуция о призвании человека к высшему служению. Выучив наизусть,—непрерывно в совершенстве,—и научившись понимать с полною отчетливостью и в согласии с суровой, непреклонной традицией, все содержание этой китайской библии, которая, конечно, во много раз превосходит нашу, хотя бы размерами, не говоря уже о трудности языка,—той библии, о которой в нескольких строках нельзя дать даже приблизительного представления (если не сказать в двух словах, что ее язык так же похож на тот, которым говорит учащийся, как русский язык на санскрит),—после этой суровой выучки, на которой «многи силу потеряли» и навсегда сошли с пути образования, китаец приступал к чтению историков, философов разных школ, писателей по вопросам истории и литературы, а главным образом, к чтению литературных образцов, которые он, по своей, уже выработанной привычке, неутомительно заучивал наизусть. Цель его теперь сводилась к выработке в себе образцового литературного стиля и навыка, которые позволили бы ему на государственном экзамене проявить самым достойным образом свою мысль в сочинении на заданную тему, а именно, доказать, что он в совершенстве постиг всю глубину духовной и литературной китайской культуры тысячелетий и является теперь ее современным представителем и выразителем.

Вот, значит, в чем заключалось китайское образование. Оно вырабатывало человека, отличающегося от необразованного, во-первых, тем, что он был в совершенстве знаком с тайною языка во всех его стадиях, начиная от архаической, понятной только в традиционном объяснении, и кончая современной, сложившейся из непрерывного роста языка, который впоследствии прошел еще целый ряд промежуточных стадий. Во-вторых, этот человек держал в своей памяти,—и притом самым отчетливым образом,—богатеи-

шее содержание китайской литературы, в чтение которой он, ведь, был погружен чуть ли не 20 лет, а то и больше! Таким образом, перед нами человек со' сложным миропониманием, созерцающий всю свою четырехтысячелетнюю культуру, и со сложным умением выражать свои мысли, пользуясь самыми обширными запасами культурного языка, ни на минуту не знавшего перерыва в своем развитии.

Таков был китайский интеллигентный человек времен Пу Сунлина. Чтобы теперь представить себе личность самого Ляо Чжая, автора этих странных рассказов, надо к вышеизложенной общей формуле образованного человека прибавить особо отличную память, поэтический талант и размах выдающейся личности, которой сообщено столь сложное культурное наследие.

Все это и отразилось на пленительных его рассказах, в которых, прежде всего, заблестал столь известный всякой литературе талант повествователя. Там, где всякий другой человек увидит только привычные формы жизни, прозорливый писатель увидит и покажет нам сложнейшую и разнообразнейшую панораму человеческой жизни и человеческой души. То, что любому из нас, простых смертных, кажется обыденным, рядовым, не заслуживающим внимания, то ему кажется интересным, тесно связанным с потоком жизни, над которым, сам в нем плывя, только он может поднять голову. И, наконец, тайны человеческой души, видные нам лишь постольку, поскольку чужая душа находит себе в наших бледных и ничтожных душах кое-какое отражение, разворачиваются перед поэтом во всю ширь и влекут его в неизбывные глубины человеческой жизни.

Однако, талантливый повествователь — это только ветвь в лаврах Ляо Чжая. Самым важным в ореоле его славы является соединение этой могучей силы человека, наблюдающего жизнь подняв голову над стадом двуногих, с необыкновенным литературным мастерством. Многие писали на эти же темы и до него, но, повидимому, только Ляо Чжай удалось приспособить утонченный литературный язык, выработанный, как мы видели, многолетней суровою школою, к изложению простых вещей. В этом живом соединении рассказчика и ученого Ляо Чжай поборо, прежде всего, презрение ученого к простым вещам. Действительно, китайскому ученому, привыкшему сызмальства к тому, что тонкая и сложная речь передает исключительно важные мысли,—мысли Конфуция и первоклассных мастеров литературы и поэзии, которые, конечно, всегда чуждались «подлого штиля» во всех его направлениях,—этому человеку всегда

казалось, что так называемое легкое чтение есть нечто вроде испод-него платья, которое все носят, но никто не показывает. И вот, является Ляо Чжай и начинает рассказывать о самых интимных вещах жизни таким языком, который делает честь самому выдающемуся писателю важной, кастовой китайской литературы. Совершенно отклонившись от разговорного языка, доведя это отклонение до того, что поселяне-хлебопашцы оказываются у него говорящими языком Конфуция, автор придал своей литературной отделке такую высоту, что члены его поэтического содружества (о котором упоминалось выше) не могли сделать ему ни одного возражения.

Трудно сообщить русскому читателю, привыкшему к вульгарной передаче вульгарных тем, и особенно разговоров, всю ту восхищающую китайца двойственность, которая состоит из простых понятий, подлежащих, казалось бы, выражению простыми же словами, но для которых писатель выбирает слова-намеки, взятые из обширного запаса литературной учености и понимаемые только тогда, когда читателю в точности известно, откуда взято данное слово или выражение, что стоит впереди и позади его, одним словом—в каком соседстве оно находится, в каком стиле и смысле употреблено на месте и какова связь его настоящего смысла с текущим текстом. Так, например, Пу Сунлин, рассказывая о блестящем виде бога города, явившегося с неба к своему зятю, как незримый другим призрак, употребляет сложное выражение в четыре слова, взятых из разных мест классической древней книги античных стихотворений (Шицзин 3, 3, 7, 2 и 1, 5, 3, 3), при чем в обоих этих местах говорится о четверке рослых коней, влекущих пышную придворную колесницу. Таким образом, весь вкус этих четырех слов, изображающих парадные украшения лошадей, сообщается только тому, кто знает и помнит все древнее стихотворение, из которого они взяты. Для всех остальных—это только непонятные старые слова, смысл которых, в общем, как будто, говорит о том, что получалась красивая, пышная картина. Разница впечатлений такова, что даже трудно себе представить что-либо более удаленное одно от другого. Затем, например, рассказывая о странном монахе, в молодом теле которого поселилась душа глубокого старца, Пу пользуется словами Конфуция о самом себе (Луньей 2, 4, 2): «Мне, говорит китайский мудрец, было пятнадцать—и я устремился к учению; стало тридцать,—и я установился... Теперь, фраза Пу гласит следующее: «Лет ему (монаху)—только «и установиться», а рассказывал о делах, случившихся восемьдесят, а то и

больше лет тому назад». Значит, эта фраза понятна только тем, кто знает вышеприведенное место из Конфуция, и окажется, что монаху было тридцать лет, следовательно, перевести эту фразу на наш язык надо было бы так: «Возраст его был всего на всего, как говорит Конфуций: «когда только что он установился», а рассказывал, и т. д.» Одним словом, выражения заимствуются Пу Сунлином из контекста, из связи частей с целым. Восстановить эту ассоциацию может только образованный китаец. О трудностях перевода этих мест на русский язык не стоит и говорить.

Однако, все это—еще сущие пустяки. В самом деле, кто из китайцев не знал (в прежнее дореформенное время) классической литературы? Наконец, всегда можно было спросить даже простого учителя первой школы, и он мог или знать или догадаться. Другое дело, когда подобная литературная цветистость распространяется на все решительно поле китайской литературы, задевая историков и философов, и поэтов, и всю плеяду писателей. Здесь получается для читателя настоящая трагедия. В самом деле, чем дальше развивается отборность своих выражений Пу Сунлин, тем дальше от него читатель. Или же, если последний хочет приблизиться к автору и понимать его, то сам должен стать Пу Сунлином, или, наконец, обращаться поминутно к словарю. И вот, чтобы идти на встречу этой потребности, современные издатели рассказов Ляо Чжая печатают их вместе с толкованиями цветистых выражений, приведенными в той же строке. Конечно, выражения, переведенные и объясненные выше, как примеры, ни в каких примечаниях не нужны, ибо известны каждому мало мальски грамотному человеку.

Таким образом, вот тот литературный прием, которым написаны повести Ляо Чжая. Это, значит, вся сложная культурная ткань древнего языка, привлеченная к передаче живых образов в увлекательном рассказе. Волшебным магнитом своей богатейшей фантазии, Пу Ляо Чжай заставил кастового ученого отрешиться от представления о литературном языке, как о чем-то важном и трактуемом только традиционные темы. Он воскресил язык, извлек его, так сказать, из амбаров учености и пустил в вихрь жизни простого мира. Это ценится всеми, и до сих пор образованный китаец втайне думает, что вся его колоссальная литература есть, скорее, традиционное величие—и что только на повестях Ляо Чжая можно научиться живому пользованию языком ученого. С другой же стороны, простолюдин, не имевший времени закончить свое образование, чувствует, что Ляо Чжай рассказывает вещи, ему родные, столь

милые и понятные, и одолевает трудный язык во имя близких ему целей, что, конечно, более содействует распространению образования, нежели самая свирепая и мудрая школа каких-либо систематиков.

В повестях Ляо Чжая почти всегда действующим лицом является студент. Китайский студент отличается от нашего, как видно, из сказанного выше, тем, что он может оставаться студентом всю жизнь, в особенности, если он неудачник и обладает плохой памятью. Мы видели, что и сам автор повестей Пу выдержал мало-мальски сносный экзамен лишь в глубокой старости. Мягко обходя этот вопрос, историческая справка, переведенная на предыдущих страницах, не говорит нам о том, что составляло трагедию личности Пу Сунлина. Он так и не мог выдержать среднего экзамена, не говоря уже о высшем, и, таким образом, стремление каждого китайского ученого стать «государственным сосудом» встретило на его пути решительную неудачу. Как бы ни объясняли себе — он, его друзья, почитатели и, наконец, мы — эту неудачу, сколько бы мы ни говорили, что живому таланту трудно одолеть узкие рамки скучных и вязких программ с их бесчисленными параграфами и всяческими рамками, выход из которых считается у экзаменаторов преступлением, — все равно: жизнь есть жизнь, а ее блага создаются не индивидуальным пониманием вещей, а массовой оценкой, и потому, бедный Ляо Чжай глубоко и остро чувствовал свое жалкое положение вечного студента, отравлявшее ему жизнь. И вот, он призывает своим раненым сердцем всю фантастику, на которую только способен, и заставляет ухаживать за студентом мир прекрасных фей. Пусть, думается ему, в этой жизни бедный студент горюет и трудится. Вокруг него порхает особая, фантастическая жизнь. К нему явятся прекрасные феи, каких свет не видывал... Они подарят ему счастье, от которого он будет вне себя, они оценят его возвышенную душу и дадут ему то, в чем отказывает ему скучная жизнь. Однако, он — студент, ученик Конфуция, его апостол. Он не допустит, как сделал бы всякий другой на его месте, чтобы основные принципы справедливости, добра, человеческой глубины человеческого духа и, вообще, незбываемых идеалов человека, были попорчены вмешательством химеры в реальную жизнь. Он помнит, как суров и беспощаден был Конфуций в своих приговорах над людьми, потерявшими всякий масштаб и в упоении силы начинающими приближаться к скоту, — да! он это помнит, и свое суждение выскажет всегда, чего бы это ему ни стоило. И как в языке

Ляо Чжая собрано все культурное богатство китайского языка, так и в содержании его повестей собрано все богатство человеческого духа, волнуемого страстью, гневом, завистью и, вообще, тем, что всегда его тревожило, — и все это богатство духа вьется вихрем в душе вечно юного китайского студента, стремящегося, конечно, поскорее уйти на трон правителя, но до этих пор носящего в себе неизбежно живые силы, сопротивляющиеся окружающей пошлости темных людей.

Кружа таким образом, своей мыслью около своей неудачи и создавая свой идеал в размахе страстей жизни, бедный студент сумел, однако, высказаться положительно и вызвал к себе отношение, далеко превышающее лавры жалостливого рассказчика. Исповеданные им конфуцианские заветы права и справедливости возбуждали внимание к его личности, и, таким образом, личность и талант сплелись в одну победную ветвь над головой Ляо Чжая. И настолько умел он захватить людей своей идейностью, что один император, ярый поклонник его таланта, хотел даже поставить табличку с его именем в храме Конфуция, чтобы, таким образом, сопричислить его к сонму учеников бессмертного мудреца. Однако, это было сочтено уже непомерным восхвалением, и дело провалилось.

Содержание повестей, как уже было указано, все время вращается в кругу и «причудливого, сверхъестественного, странного». Говорят, книга сначала была названа так: «Рассказы о бесах и лисицах» (Гуй ху чжуань). Действительно, все рассказы Ляо Чжая занимают исключительно сношением видимого мира с невидимым при посредстве бесов, оборотней лисиц, сновидений и т. д. Злые бесы и неумиренные озлобленные души несчастных людей мучают оставшихся в живых. Добрые духи посылают людям счастье. Блаженные и бессмертные являются в этот мир, чтобы показать его ничтожество. Лисицы-женщины пьют сок обольщенных мужчин и перерождаются в бессмертных. Их мужчины посланы в мир, чтобы насмеяться над глупцом и почитать ученого умника. Кудесники, волхвы, прорицатели, фокусники являются сюда, чтобы, устроив мираж, показать новые стороны нашей жизни. Горе злему грешнику в подземном царстве! Сколько нужно сложных случайностей и совпадений, чтобы извлечь его из когтей злых бесов! А главное, судьба! Да, судьба, — вот общий закон, в котором тонет все и тонут все: и бесы, и лисицы, и всякие люди. Судьба отпускает человеку лишь некоторую долю счастья, и как не развивай ее, дальше по-

ложенного предела не разовьешь. Фатум бедного человека есть абсолютное божество. Таков крик исстрадавшейся души автора, звучащий в его «Книге сиротливой досады», как выражаются его критики и почитатели.

Как же случилось, что все эти химерические превращения и вмешательства в человеческую жизнь, все эти туманные, мутные речи, «о которых не говорил Конфуций», не говорят и все классики, — как случилось, что Пу Сунлин избрал именно их для своих повестей, — и не только случайно выбрал, но — нет — собирал их заботливо всю свою жизнь? Как это совместить с его конфуцианством?

Он сам об этом подробно говорит в предисловии к своей книге, указывая нам, прежде всего, что он в данном случае не пионер: и до него люди такой высокой литературной славы, как Цюй Юань и Чжуан-цзы (IV в. до Р. Х.) выступали поэтами причудливых химер. После них можно также назвать ряд имен (напр., знаменитого поэта XI в. по Р. Хр. Су Дунпо), писавших и любивших все то, что удаляется от земной обыденности. Таким образом, под защитой всех этих славных имен, Пу не боится нареканий. Однако, главное, конечно, не в защите себя от нападок, а в собственном волевом стремлении, которое автор объясняет врожденной склонностью к чудесному и фатальными совпадениями его жизни. Он молчит здесь о своей неудаче в этом земном мире, которая, конечно, легла в основу его исповедания фатума. Однако, из предыдущего ясно, что Пу в своей книге выступает в ряду своих предшественников с жалобой на человеческую несправедливость. Эта тема всюду и везде, как и в Китае, вечна, и, следовательно, мы отлично понимаем автора и не удивляемся его двойственности, без которой, между прочим, он не имел бы той литературной славы, которая осеняла его в течение этих двух столетий.

Литературный перевод этих повестей, сделанный с оригинала, появляется на русском языке впервые. Все, что появлялось доселе, было или учебным переводом с примечаниями для руководства начинающих китаеведов *), или же переводом с иностранных переводов. Это обязывает переводчика предложить вниманию читателя несколько соображений, которые могут им, если он того пожелает, отчасти руководить.

Переводчик просил бы, прежде всего, не удивляться всему тому, что не совпадает с привычным чтением. Ведь, перевод на ки-

*) Четыре повести в «Китайской хрестоматии» Васильева, и др.

тайский язык наших произведений, например, поэм Жуковского, сна Татьяны из «Евгения Онегина», святочных рассказов и т. д. поверг бы китайца точно так же в крайнее удивление и вызвал бы недоуменный вопрос: где же тут литература, что интересного в этой диковинной чепухе, шокирующей литературный вкус читателя? Опасно — должен предостеречь переводчик, — будучи простым обывателем, мнить себя абсолютным судьей чужеземного творчества.

Выпускаемая книжка, конечно, фактически обращается к любому человеку, умеющему читать, но достоинство ее обращено только к тем, кто любит новое; кто всей душой стремится в новый мир человеческих чувств, переживаний, образов и слов; кто знает цену новому знакомству, новому проникновению в новые тайны человеческой души. Такому читателю, наоборот, показалось бы чрезвычайно странным и неприятным, если бы он в переводах с китайского увидел бы только то, что давно уже знал из своего опыта с чтением русской литературы.

Далее, переводчик просит не забывать, что дело происходит в XVII веке, в Китае, еще совершенно не затронутом европейской цивилизацией, и следовательно, молчащем во всех тех областях, которые в то время требовали от мирового писателя отзыва и ответа.

Затем, хорошо было бы, еслибы читатель, натолкнувшись в переводе этих рассказов на шокирующие чувство благопристойности места, взглянул на них так же, как глядят на светящийся предмет близорукие, т. е. через некоторые очки, восстанавливающие нормальное зрение и более не позволяющие видеть, вместо светящейся точки, радужное пятно. Читатель этого типа легко поймет, что фактическая непристойность, изображенная Ляо Чжаем в двух-трех словах, отнюдь не рассчитана на такое внимание, каким окружены соответствующие места у Гюи де Мопассана, Золя, не говоря уже о нашей литературе начала XX века, Арцыбашеве и других. Переводчику хотелось бы предупредить обычное лицемерие, а тем более ханжество читателя, не умеющего относиться к литературной вещи с должным чувством пропорции ее частей и форм.

Наконец, как выяснено уже на предыдущих страницах, перевод с китайского языка, располагающего двойственностью своего проявления в литературе и в разговоре, на русский язык, который этой двойственности почти не имеет — во всяком случае, ее не любит — такой перевод не может воссоздать оригинала во всей его красе. Протянуть от своих слов к их родникам те же нити, что протяги-

вает гениальный китаец; устроить читателю тот же литературный пир, что блещет и волнует в рассказах Ляо Чжая,—это значило бы стать Ляо Чжаем на русской почве. Переводчик есть только переводчик. Ему доступны фразы, слова, иногда образы, но переводчик Байрона не Байрон, переводчик Пушкина не Пушкин, и, значит переводчик Ляо Чжая не Ляо Чжай. Если ему удалось найти в себе проникновенное слияние двух разных миров—китайского и русского; если он сумел достойным образом передать содержание повестей на русскую литературную речь, легко читаемую и, действительно, отражающую подлинный текст, не делая уступок в угоду понятливости читателя, то последний вместе с переводчиком может быть только доволен.

В. Алекс. ев.

СМЕШЛИВАЯ ИН НИН *).

Ван Цзыфу из Лодян'я (в Цзюй-чжоу, губернии Шаньдун, в Восточном Китае) рано лишился отца. Обладая недюжинными способностями, он уже четырнадцати лет «вошел во дворец полукруглого бассейна **»). Мать чрезвычайно его любила и берегла, не позволяя ему без дела гулять за селом, по безлюдным местам. Сосватала было она ему невесту из семьи 'Сяо, но та еще до брака рано умерла, и, как говорят, «клич феникса к милой подруге» бедному Вану так и не утася.

Дело было 15-го числа первой луны ***). К Вану зашел его двоюродный брат, студент У, и увлек его за собой посмотреть на праздник. Только что вышли они за село, как за У прибежал слуга и позвал его домой. У ушел, а Ван, видя, как «девы гуляют, словно тучи на небе», в возбужденном упоении пошел гулять один. И вот, он видит, что идет какая-то барышня, держась одной рукой за прислугу, а в другой руке теребя ветку цветущей дикой сливы. Лицо ее такой красоты, что в мире не сыщешь, и смеется, смеется. Студент остановился, уставив на нее глаза и забывая о всяком приличии. Барышня прошла еще несколько шагов и говорит, обратясь к служанке:

«Смотри, как у этого молодца горят глаза: словно у разбойника!».

*) Переводчик оговаривается, что названия рассказов, для удобства русского читателя, переданы им в несколько распространенном—отною не измененном—виде. Вызвано это, главным образом, тем, что большинство рассказов Ляо Чжая названо собственным именем главного действующего лица.

**) Выдержал экзамен на первую ученую степень начстчика.

***) Праздник фонарей. Всю лунную ночь нарядные люди проводят на улице с фонарями в руках, оживленные и веселые.

Обронила цветок на землю и удалилась, смеясь и болтая. Студент подобрал цветок, грустно-грустно задумался...

Душа его замерла, куда-то исчезла. В сильном унынии вернулся он домой, спрятал цветок под подушку, поник головой и уснул. После этого он перестал говорить и даже есть, чем сильно встревожил мать, которая позвала монахов, служила молебны, но больному стало еще хуже—у него заострились кости, обтянулась кожа, и стал он скелет-скелетом. Пришел врач, посмотрел, пощупал, дал лекарство, вызвал пот... Студент только бормотал что-то в забытии, словно помешанный. Мать ласково спрашивала его, что с ним, Ван молчал, не отвечая ни слова.

Зашел как-то У. По секрету мать наказала ему допытаться у больного о причине его болезни. У подошел к постели; при виде его, у Вана покатались слезы. У стал утешать его, помаленьку расспрашивая, и тогда Ван сказал ему все, как было, и просил дать совет, как и что делать. У засмеялся и сказал:

— Какой ты, братец, чудак! Разве трудно сделать то, что тебе надо? Я просто расспрошу, поищу ее—вот и все. Ведь, раз она шла пешком по полю, то уж наверное не из богатого, знатного дома, и если она еще не замужем, то дело твое, вероятно, сладится. Если нет, то дадим им круглую сумму, и тогда уж наверное согласятся. Ты только поправляйся, дело это я уж беру на себя.

Услыша такие слова, Ван, незаметно для себя, улыбнулся и повеселел.

У вышел от больного, рассказал все это матери и стал искать, где живет красивая девушка. Но, как он ни расспрашивал, не находил никаких следов. Мать снова сильно беспокоилась, не зная, что делать. А с тех пор, как ушел У, лицо больного стало вдруг проясняться, и он даже начал понемногу принимать пищу. Так прошло несколько дней. У снова пришел, и студент кинулся к нему с вопросами: «нашел девушку, кто она?» У пришлось обмануть друга:

— Я нашел!—сказал он.—Готово! Я-то думаю, кто такая, а оказывается—дочь моей тетки и твоя троюрод-

ная сестра. Теперь мы еще чуть-чуть повременим свататься: ведь, родственникам неудобно вступать в брак, хотя, знаешь, по правде говоря, всегда это налаживается.

Студент так обрадовался, что даже брови поднялись, и спросил, где же она живет. У продолжал врать:

— Там, в юго-восточных горах, верстах этак в 15 отсюда.

Ван еще и еще раз просил похлопотать. С решительным и смелым видом У взял все это на себя и ушел. С этих пор студент стал понемногу питаться все лучше и лучше, с каждым днем приближаясь к окончательному выздоровлению. Посмотрел он под подушку: цветок, хотя и засох, но был цел,—и вот, весь уйдя в воспоминания, он держал его в руке и любовался, словно видя самое девушку. Затем, дивясь, почему У не приходит, послал ему записку, приглашая зайти, но У под разными предлогами не хотел приходить. Тогда Ван разозлился и опять затосковал. Мать, боясь, как бы он снова не захворал, стала спешно искать ему невесту, потихоньку заговаривая с ним о женитьбе, но Ван всякий раз отрицательно мотал головой не желая слушать; он со дня на день поджидал У, а от того попрежнему не было никаких вестей. Ван, тоскуя и досадуя, подумал, наконец, что каких-нибудь 15 верст вовсе уже не такая даль, чтобы стоило из-за этого кланяться человеку и от него зависеть. Взял нежно цветок в рукав и, набравшись духу, пошел сам искать девушку. А дома никто и не знал, что он ушел. Нерешительно шагая, не зная, у кого спросить дорогу, он прямо пошел по направлению к южным горам. Пройдя около 15 верст, он очутился среди гор, обступивших его со всех сторон... Было пустынно и красиво: всюду сине-зеленые тона и чистый воздух, бодрящий тело... И тихо, тихо—ни одного прохожего. Нет и дороги, лишь «птичьи пути», не для людей. Взглянул в глубь ущелья—и видит, что где-то там, среди лесных чащ и цветочных полян как будто притаилась маленькая девушка. Сошел с горы, направляясь в деревню. Видит, домочего, и все бедные хижины, хотя вид имеют очень

чистый и привлекательный. У входа в один дом растут шелковистые ивы, за забором видны персики и сливы, в перемежку с высокими, стройными бамбуками, в листве порхают и щебечут вольные птицы. Ван подумал, что это, пожалуй, сад и дом какого-нибудь ученого, и не посмел войти сразу, но, оглянувшись вокруг и высмотрев против дома большой и гладкий камень, уселся на него и решил отдыхать. Вдруг слышит, как за забором девушка протяжно зовет какую-то Сяо Жун, кокетливо-нежным голосом. Только что он прислушался, как девушка вышла из дома с цветком абрикоса в руках, нагнулась и стала закалывать шпильку. Увидя студента, остановилась и, еле сдерживая смех, вернулась обратно. Ван пристально всмотрелся: так и есть, это она—та самая, которую он встретил на празднике. Сердце его забилося бешеною радостью, но как войти, под каким предлогом? Хотел было назвать тетку, но, не будучи знаком с нею, побоялся ошибиться. Спросить некого. И вот, он, то сидя, то лежа, то гуляя взад и вперед, с утра и до захода солнца, просмотрел все глаза, даже забыл о голоде. Лишь от времени до времени он видел, как девушка, выставив половину лица, приходила посмотреть на него и делала вид, что удивляется, почему он не уходит. Наконец, вышла старуха, опираясь на палку, и обратилась к студенту с вопросом:

— Откуда вы, господин? Мне говорят, что вы пришли с утра и сидите здесь до сих пор. Что вы хотите делать? И разве ж вы не голодны?

Ван быстро вскочил на ноги и, приветствуя старуху, отвечал:

— Хочу повидать своих родственников.

Старуха была глуха; она растерянно сказала:

— Не слышу!

Ван повторил громче. Тогда старуха спросила:

— А как фамилия ваших почтенных родственников?

Студент ответить не мог. Старуха засмеялась.

— Как странно, — сказала она, — даже фамилии не знаете: каких же родственников можно разыскать, не зная их имени? Гляжу я на вас и вижу, что вы ученый дурень. Идемте-ка лучше за мной. Я дам вам поесть. Дома

у меня найдется для вас и небольшая постель. Проспитесь, а утром отправляйтесь себе домой, узнайте, наконец, фамилию ваших родственников и приходите опять искать: ничего, не опоздаете!

Ван только теперь почувствовал голод, и в надежде поесть, а главное, в сознании, что это приближает его к красавице, сильно обрадовался и пошел в дом вслед за старухой. Видит, — во дворе дорога устлана ровным белым камнем, и красные цветы сжимают ее с обеих сторон, лепесток за лепестком падая на ступени. Прошли к западу, открыли еще ворота — весь двор усажен цветами, парниками, куртинами. Старуха ввела гостя в дом. Белые стены сверкали, как зеркала. В окна влезали, словно чего ища, ветви дикой яблони. Цыновки, столы, сиденья — все блистало, сверкало чистотой. Только что Ван уселся, как кто-то стал на него украдкой поглядывать в окно. Старуха крикнула:

— Сяо Жун, скорее готовь кашу.

Служанка за стеной издала ответный крик. Ван сидел и подробно рассказывал, кто кому и как приходится. Старуха спрашивает его:

— Вашему деду по матери не была ли фамилия У?

— Да!

Старуха изумилась и промолвила:

— Да вы, ведь, мой племянник. Ваша мать — моя сестра. Сколько лет уже, как мы друг о друге ничего не знаем! Это потому что мы бедны, да и в доме нет подростка-мальчика... А ты, племянник, вот уже какой вырос, я и не признала тебя!

— Да я к вам, ведь, и шел, тетя, — сказал студент, — но, знаете, второпях забыл вашу фамилию.

— Твоей старухе фамилия Цинь. У меня детей нет. Есть, правда, нежное существо, да и то не от меня, а от другой. Ее мать вышла снова замуж, а ее оставила мне на воспитание. Она очень не глупа, но не совсем-то воспитана: только и знает, что беззаботно веселиться. Вот сейчас я пошлю за ней, пусть придет тебя приветствовать.

Через некоторое время прислуга изготовила и внесла пишу: оказались пылята, в горсточку величиной. Старуха

угощала студента. Когда кончили, и прислуга пришла убрать посуду, старуха сказала ей:

— Позови сюда барышню Ин.

Прислуга вышла. Прошло довольно много времени. Ван слышит, что за дверью кто-то тихо смеется. Старуха говорит:

— Ин Нин, здесь сын твоей тетки.

За дверями не прекращались взрывы и звуки смеха. Служанка втолкнула барышню в комнату, а та, зажав рот, безостановочно смеялась. Старуха посмотрела на нее сердито.

— Здесь гости! Что за манера смеяться, захлебываясь, хи-хи-хи да ха-ха-ха?

Девушка стояла, сдерживая смех. Студент сказал приветствие. Старуха представила его:

— Это господин Ван, сын твоей тетки. Одной семьи, а друг друга не знаем! Не смешно ли?

Студент спросил сколько сестрице лет. Старуха не разобрала. Студент повторил, а девушка так и смеялась во всю, не могла даже головы поднять и смотреть прямо. Старуха продолжала:

— Я сказала, ведь, что она мало воспитана: вот и видно. Уже 16 лет, а глупенькая, словно младенец!

— Она моложе меня на год,—сказал студент.

— А! Тебе, значит, 17,—отвечала старуха.—Ты не родинился ли в год гэн-у и не под «конём» ли ты *)?

Ван кивнул головой утвердительно. Тогда старуха опять спросила:

— Кто твоя жена?

— Нет у меня жены!

— Как? При таких способностях и при такой красоте, в 17 лет человек еще не имеет жены! Смотри, у Ин Нин тоже нет своей семьи. Как вы прекрасно друг к другу подходите! Жаль, что для брака есть запрет, касающийся близких родственников.

*) Особая система счисления лет по циклам, при чем каждый год приурочен к одному из 12 животных, а именно: к мыши, быку, тигру, зайцу, дракону, змее, коню, овце, обезьяне, петуху, собаке, свинье.

Студент молчал, уставив взоры на Ин Нин и не имея времени взглянуть на кого-нибудь другого. Служанка шепнула барышне:

— Глаза так и сверкают: разбойничий вид так-таки и не изменился!

Ин Нин громко рассмеялась и сказала служанке:

— Посмотри, не распустился ли голубой персик.

Быстро поднялась и закрывая себе лицо рукавом, засеменила мелкими шажками к выходу. Дойдя до дверей, она смеялась уже без всякого удержу. Старуха тоже встала, велела служанке сделать для студента постель и сказала ему:

— Милый племянничек, тебе, ведь, не легко было сюда придти. Так ты остался бы здесь на три-четыре дня, а мы потом, не торопясь, проводим тебя. Если тебе не нравится, скучно и пусто здесь у меня, то за домом есть садик, где ты можешь гулять и развлекаться. Есть и книги для чтения.

На следующий день студент пошел в сад за домом,— маленький садик, так в половину му*), весь покрытый, точно ковром, нежною травой, так как цвет ивы устилал все его дорожки. В саду был павильон в три маленьких комнатки, весь закрытый цветущими деревьями. Ван тихо шагнул, пробираясь сквозь цветы, и вдруг слышит чей-то свистящий с дерева смех. Поднял голову: оказывается, это сидит Ин Нин. Как только увидела студента, захохотала, как сумасшедшая, чуть не свалилась с дерева. Студент крикнул:

— Не надо, упадешь!

Девушка стала спускаться с дерева, все время неудержимо смеясь, и действительно, уже почти спустившись на землю, сорвалась и упала. Смех прекратился. Студент подерживая ее, тайком пожал ей руку у локотка. Девушка опять стала смеяться, прислонясь к дереву, не в силах идти. Прошло довольно много времени, прежде чем прекратился ее смех. Студент дождался, когда она перестала хохотать, и тогда вынул из рукава цветок и показал ей. Ин Нин взяла цветок и сказала:

*) Около 75 сажень.

— Засох! К чему его беречь?

— Ты, сестрица, обронила его в праздник первой луны— вот, я и берегу его.

— Какой же смысл беречь?

— Чтобы показать, что я тебя люблю, не забываю. С тех пор, как я встретил тебя на празднике, все мысли мои остановились на тебе, и я захворал. Я уже приговорил себя к превращению в странное создание *) и не чаял увидеть твое лицо, твою красоту. Как счастлив я, что ты удостоила меня своей ласковой мягкости и жалости!

— Ну, это, ведь, настоящие пустяки! Раз пришел к родным, то разве нам чего-нибудь для тебя жаль? Когда будешь отправляться, надо будет позвать прислугу и велеть ей нарвать тебе из нашего сада огромный букет, нагрузить на тебя и проводить.

— Сестрица, ты глупенькая, что ли?

— Почему вдруг я стала глупа?

— Да, ведь, я не цветок люблю, а ту, которая этот цветок держала.

— Разве нужно еще говорить о чувстве к родственнице?

— Любовь, о которой говорю я, вовсе не любовь брата к сестре, а любовь мужа к жене.

— А есть разница?

— Ночью быть на одной постели, спать на одной подушке,—вот что.

Девушка, опустив голову, довольно долго думала и проговорила:

— Я не привыкла спать с незнакомыми людьми...

Не успела она это проговорить, как незаметно подошла прислуга, и студент, испугавшись, быстро убежал. Вскоре после этого собрались у старухи, которая спросила Ин Нин, где она была, на что та отвечала: я разговаривала с Ваном в саду.

Старуха ворчала:

— Обед давно уже готов. О чем там было так долго болтать?

— Да вот, братец хочет со мной вместе спать...

*) Т. е. к смерти.

Не успела она это еще проговорить, как студент в ужасе стал ей делать страшные глаза. Девушка слегка улынулась и остановилась. К счастью, старуха не слыхала, а когда она начала подробно расспрашивать, студент сейчас же замял дело, говоря о чем-то другом. Затем, он вполголоса стал упрекать девушку, а она ему на это:

— Значит эти слова не следует говорить, так что ли?

— Это говорится,—сказал ей студент,—за спиной у людей.

— Так это за спиной у посторонних людей. Как же можно говорить за спиной у мамы? Да, ведь, и спальня-то самое обыкновенное, житейское дело; почему о нем нельзя говорить?

Студент, досадуя на ее наивность, не находил способа вразумить ее.

Только что они кончили обедать, как из дома пришли за студентом и привели двух ослов. Дело было так. Мать, поджидая его и не дождавшись, встревожилась и стала искать по всей деревне, но никаких следов и признаков сына не оказывалось. Она пошла к У, тот вспомнил о своих словах и велел ей идти поискать сына в юго-западные горы, и вот люди, пройдя несколько сел, добрались сюда. Студент вышел из ворот, встретил пришедших, вернулся и сказал старухе, прося позволения отправиться домой вместе с девушкой. Старуха обрадовалась:

— Я хотела сама к вам пойти,—говорила она,—и не только теперь, а давно уже, но по дряхлости своей не могу далеко ходить. Если можешь взять с собой сестру, чтобы представить ее тетке, то отлично—бери.

Позвали Ин Нин. Та пришла, смеясь:

— Что за радость у тебя, что смеешься,—ворчала старуха.—Как начнет смеяться, так и не унять. А, ведь, еслиб не смеялась, наверное, была бы прямо-таки совершенством.

Посмотрела на нее сердито и продолжала:

— Твой старший брат хочет идти с тобой. Изволь сейчас же собраться и сложить свои вещи.

Затем накормила, напоила пришедших за Ваном людей и, провожая их обоих, наказывала девушке:

— У твоей тетки земли и добра вполне достаточно, так что лишнего человека она прокормить может. К ним придешь, так и не возвращайся. Поучись немного грамоте и приличию, хорошенько служи старухе-тетке. Пусть она даст себе труд подыскать тебе хорошую пару.

Молодые люди отправились, дошли до границы гор, обернулись, и им казалось, что старуха, стоя у ворот, все еще смотрит на север, во след им.

Когда прибыли домой, мать студента, увидя красавицу, с удивлением спросила, кто это. Студент сказал, что это дочь тетки.

— Как?—удивилась мать,—ведь то, что тебе говорил У, был вздор. У меня нет сестер. Как же ты можешь быть племянником?

Спросили девицу; та отвечала:

— Я не от этой матери. Мой отец был по фамилии Цинь. Когда он умер, я была еще в пеленках, и потому не помню его.

— Это правда,—согласилась мать,—у меня была сестра замужем за неким Цинь, но умерла она уж очень давно; как же она может еще существовать?

Тут она стала внимательно расспрашивать о приметах сестры—ее лице, родинках и прочем. Все оказалось в полном соответствии. И мать опять с изумлением повторяла:

— Да, конечно, правильно. И все-таки, она давным давно умерла... Как может быть, что она еще жива?

Пока они недоумевали и рассуждали, пришел У. Девица убежала в дом. У расспросил обо всем и, узнав, долго молчал в полном недоумении, потом вдруг спросил:

— А что, эту девицу не зовут ли Ин Нин?

— Да, да,—сказал студент.

У стал громко выражать свое крайнее изумление. Когда его спросили, откуда он знает ее имя, то он рассказал следующее:

— Когда умерла тетка Цинь, ее муж жил вдовцом и подвергался наводнению лисы, от которого захворал сухоткой и умер. Лиса же родила девочку, по имени Ин Нин. Она лежала в пеленках на кровати, и все домашние ее видели. Когда Цинь умер, то лиса все еще от времени до времени приходила. Впоследствии достали талисманные

письмена Небесного Учителя*) и расклеили по стенам. Тогда лиса ушла, забрав с собой и дочь. Это уж не она ли самая?

Стали снова удивляться, догадываться, а из дома только и слышно было, что захлебывающийся смех Ин Нин. Мать сказала:

— Эта девица, все-таки, очень глупа.

У просил разрешения повидать ее лично. Мать ввела его в дом, где дева захлебывалась густым смехом, не обращая на них внимания. Мать велела ей выйти, и тогда она, напрягая все усилия, постаралась сдержать смех, повернулась к стене, и все-таки, долго не выходила. Потом, только что вышла и еле-еле раскланялась, как быстро повернулась и ушла обратно в комнаты, где опять засмеялась раскатистым, безудержным смехом. И все женщины, что были в доме, глядя на нее, открывали рты и тоже смеялись. У попросил разрешения пойти и посмотреть на лисьи чудеса, став для этого сватом. Когда он пришел на то место, где должна была находиться деревня, то никаких домов не нашел; были только горные цветы, и те уже опадали. Он вспомнил, где была схоронена его тетка, и ему показалось, что это как будто неподалеку отсюда, но могильный холм зарос, сравнялся с землей, и никаких сил не было его распознать. Поахал в досаде—с тем и вернулся. Мать Вана, подозревая, что Ин Нин—бес, вошла к ней и рассказала, что слышала от У. Девица несколько не изумилась. Даже, когда мать пожалела, что она теперь, бездомная, она не выказала никакого горя, а только хихикала. Все терялись и ничего не могли понять. Мать велела ей спать с младшей дочерью. И вот, она рано утром стала приходить к матери здороваться и спрашивать, хорошо ли та почивала. Ее рукоделия были совершенно исключительны по работе, удивительно ловки и тонки. Только и было в ней странного, что она любила неугомонно смеяться: несмотря на запрещения, она, видимо, не имела сил сдерживать себя. Однако, смеялась она грациозно. Бывало, бешено захохочет, а лица ее это не портит. Все ее очень

*) Так называет себя главный маг и чародей Китая, живущий в особом дворце, на юге и повелевающий всей нечистой силой. Его письмена боится всякий бес и оборотень.

полюбили, а соседки — и девицы и замужние — наперерыв старались ей угодить и понравиться.

Вот, мать Вана выбрала счастливый день и уже готова была сочетать молодых, но еще боялась, что, все-таки, это бесовское отродье. Как то раз она незаметно стала рассматривать Ин Нин против солнца — оказалось, что в ее теле и ее тени не было ничего особенного. Когда настал избранный день, она велела ей одеться в самое красивое платье и исполнить церемонии, требуемые от молодой жены, но девушка покатывалась со смеху и не могла делать никаких обрядовых движений. Пришлось прекратить церемонию. Студент стал бояться, как бы она, по своей глупости, не разболтала про тайные дела их спальни, но она оказалась тут весьма серьезной и хранила секреты, не проронив ни слова. Бывало, мать рассердится, но стоит только молодой засмеяться, как гнев исчезнет. Если случалось, что служанка в чем-либо провинится, то, боясь розог и плетки, просила ее пойти поговорить со старухой. Затем, приходила виноватая — и всегда бывала прощена.

Молодая любила цветы до безумия, разыскивая их повсюду, у родных и знакомых. Даже тайком тащила в ломбард золотые булавки, чтобы только купить еще каких-нибудь красивых цветов. И вот, в течение нескольких месяцев, крыльцо, ступени, заборы, даже ретирады оказались сплошь в цветах.

За домом росла роза Мусян, у самой стены соседнего дома. Ин Нин часто влезала на это дерево, рвала розы и, любуясь ими, закалывала их себе в волосы. Старуха, если видела это, всегда бранилась, но молодая не слушалась. Вот однажды, соседский сын увидел ее, пристально уставился и совсем потерял голову. Ин Нин и не подумала убежать, сидела и смеялась. Тот решил, что ее мысли уже с ним, и еще более распалился. Она указала ему на место под стеной и, смеясь, слезла; тот понял, что она назначает ему место свидания. Страшно обрадовался и, как только стемнело, направился туда. Оказалось, что женщина уже там. Подошел к ней, схватил и начал блудить. И вдруг — в скрытом месте он почувствовал слов-но укол шила, и боль проникла в самое сердце. Громко

закричал и свалился наземь. Вгляделся хорошенько: это вовсе и не женщина, а сухое дерево, валяющееся у стены; а то, к чему он прижался, оказалось дырой дождевого жолоба. Отец его, услыша крики, быстро прибежал и стал спрашивать, но сын лишь стонал, ничего не отвечая, и только, когда пришла жена, рассказал ей все, как было. Зажгли огонь, осветили дыру — смотрят: в ней сидит огромный скорпион, величиной с небольшого крабба. Старик отломил кусок дерева, убил скорпиона, поднял сына и унес его на себе домой. В полночь сын умер. Старик подал на Вана жалобу, в которой разоблачил все дьявольские причуды и странности Ин Нин. Начальник уезда, отнесившийся всегда с уважением к талантам Вана, отлично знал его за солидного и степенного ученого; он решил, что сосед его оклеветал, и уже велел дать тому палок, но Ван упрямился начальника освободить старика от наказания, и того отпустили домой.

Старуха сказала Ин Нин:

— Послушай, глупая, послушай, сумасшедшая! Ведь, я давно уже знала, что в твоей безмерной веселости таится горе. Хорошо, что теперешний начальник — такой светлый ум, и мы, слава Богу, не попались в кашу, а вдруг, представь себе на его месте дурака: тот, ведь, непременно по-тащил бы нас, женщин, в свидетельницы, и тогда с каким лицом было бы сыну моему показаться к родным и в селе?

Ин Нин с серьезным видом поклялась, что больше не будет смеяться.

— Нет таких людей, — возразила старуха, — которые бы не смеялись... Только надо время знать.

Однако, Ин Нин с этих пор уж больше совсем не смеялась, даже когда ее дразнили и вызывали. Тем не менее, целый день ни на минуту не становилась грустной.

Однажды вечером, сидя с мужем, она вдруг заплакала; слезы так и закапали у нее из глаз. Тот удивился, а она, всхлипывая, говорила ему:

— Раньше я не сообщала тебе этого, боясь испугать, да и жила я с тобой еще слишком мало времени. Теперь же я вижу, что ты и твоя мать оба любите меня, даже слишком и совершенно меня не чураетесь следовательно, сказать все напрямик, пожалуй, беды не будет. Я, действительно,

лисьей породы. Перед тем, как умереть, моя мать отдала меня матери-бесу, у которой я и жила более десяти лет. И вот, теперь, когда у меня нет братьев и когда вся моя надежда только на тебя, я скажу, что моя мать осталась лежать в горах; над ней некому сжалиться, чтобы похоронить ее вместе с отцом моим; в могиле царят горе и досада. Если бы ты не пожалел хлопот и затрат, то, может быть, велел бы нашим слугам покончить с этой обидой, и тогда все когда-либо воспитывавшие девочек, не допустили бы более, чтобы их бросали и топили *).

Студент согласился, но выразил опасение, что могила затерялась в густых зарослях травы, и отыскать ее будет трудно. Жена сказала ему, чтобы он не беспокоился. И вот, в назначенный день, муж с женой повезли гроб на могилу, которую Ин Нин быстро нашла среди путанных чащ и падей. Действительно, там оказался труп старухи, еще с остатками кожи. С плачем и причитаниями положила она труп в гроб и повезла к могиле отца, где и погребла мать с ним вместе. В эту самую ночь студент видел во сне старуху-лису, которая пришла благодарить. Проснулся и рассказал сон жене, а та сказала, что она с лисой даже виделась этой самой ночью, но старуха не велела ей пугать мужа. Студент выразил досаду, зачем она не оставила старуху дома. Ин Нин сказала:

— Она, ведь, бес, а здесь много живых людей и царит земной дух. Разве можно ей тут долго жить?

Ван спросил про Сяо Жун.

— Она тоже лиса,—сказала жена,—и очень способная, понятливая. Моя мать-лиса оставила ее, чтобы смотреть за мной. Она, бывало, соберет плодов или еще чего и кормит меня: вот, я ее и ценила, жила с ней душа в душу. Вчера я спросила мать о ней: оказывается, она уже замужем.

После этого, каждый год, в тот день, когда едят холодное **), муж и жена шли на могилу Цин'ей, кланялись и прибирали могилу.

*) Известное варварское попустительство, наблюдаемое в Китае, где, под давлением острой нужды, телят новорожденных девочек, как лишние рты, которые в дом ничего не приносят, а, наоборот, с выходом замуж, становятся чужим достоянием.

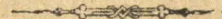
**) Весенний праздник, в третьей китайской луне.

Через год Ин Нин родила сына, который еще грудным ребенком уже не боялся незнакомых людей. Увидит кого—сейчас смеется: много, видно, было в нем материнского.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РАССКАЗЧИКА.

Мы видели, как девушка заливалась глупым смехом, и, казалось, неправда ли, что в ней нет ни сердца ни души. Однако, устроить у стены такую злую штуку, кто мог бы умнее ее? Опять же, так любить и жалеть свою мать!.. Быть бесовской породы, и вдруг перестать смеяться, даже наоборот—заплакать... Да, наша Ин Нин,—уж не отшельник ли, скрывшийся в смехе?

Я слышал, что в горах есть трава, называемая «смейся!» Кто ее понюхает, смеется так, что не может перестать. Вот этой бы травки, да в наши спальни! Тогда поблекла бы слава знаменитых трав «радость супружеская» и «забвение неприятностей». А этот наш «цветок, понимающий слова*)»—хорош, конечно,—но, право, досадно, что он вечно кокетничает.

*) Белый лотос, представлявший поэтическому воображению одного эстета-императора VIII в. по Р. Х., символом любимой подруги.

ЧЕТВЕРТАЯ ХУ.

Студент Шан из Тай-шаня (в губ. Шань дун) сидел один в своем чистом ученом кабинете... На дворе была осенняя ночь; в высоте небес мерцала Серебряная Река (Млечный Путь), стояла полная луна. Студент стал гулять в тени цветов и думал о далеком и отвлеченном. Вдруг видит, как к нему перелезает через забор какая-то девушка, подходит, смеется и говорит:

— Магистр, что это вы так глубоко задумались?

Шан подошел к ней, посмотрел: красавица! словно бессмертная фея! В изумленной радости схватил ее, втащил в дом и предался самому иступленному любовному наслаждению. Девушка назвалась Ху, по имени Третья (Ху Сань цзе). Студент спросил ее, где она живет, но она только смеялась, не отвечая, и он не повторил вопроса, а только твердил, что всегда будет ее любить.

И вот, девушка начала посещать его так часто, что у студента не оставалось ни одного свободного вечера.

Однажды ночью сидели они со свечей, колени с коленями, вместе под пологом. Студент любовно смотрел на нее, не спуская глаз. Она смеялась и спрашивала:

— Зачем ты так на меня уставился?

— Я гляжу на тебя, милая,—отвечал студент,—как глядят на красный пион или на лазурный персик. Хоть всю ночь смотри—не насытишься.

Дева сказала:

— Я существо грубое, и, при всем этом, ты благосклонно на меня смотришь—глаза в глаза. Еслиб ты увидел мою четвертую сестру, то просто и не знаю, как бы ты сходил с ума.

Студент разволновался еще сильнее, совсем теряя голову, и говорил, что, ему слишком досадно будет, если он не увидит красоты лица ее сестры; стал на колени и умолял устроить свидание.

Через день она, действительно, пришла вместе с четвертой сестрой. Лет этой девушке было только-только достаточно, чтобы уже сделать прическу (15). Она была прекрасна, как лотос, розовеющий в свисающих каплях росы; как цветок абрикоса, увлажненный легким туманом. Кокетливо и грациозно, еле заметно она улыбалась, и красота ее милого лица хотела, как будто, выйти за пределы возможного. Студент пришел в неистовый восторг, ввел сестер в дом, усадил и стал смеяться и разговаривать с третьей, а четвертая в это время сидела молча, и только наклонив голову перебирала свой вышитый пояс. Вскоре третья встала и начала прощаться, сестра ее тоже готова была отправиться ей вослед, но студент увлек ее и, не отпуская, говорил третьей:

— Милая, милая, будь добра, скажи ей хоть одно слово!

Та засмеялась и сказала:

— Ну, и сумасшедший же! Смотри, как разъярился! Сестрица, останься тут немножко!

Четвертая молчала. Когда сестра ушла, то оба они сейчас же погрузились в самую полную любовную радость. Блаженство кончилось; студент протянул руку, положил на нее голову девушки и разом высказал ей все, что с ним в жизни было, ничего не утаив и все назвав. Она тоже заявила ему сама, что она лиса, но он так влюбленно принял к ее прелести, что и не подумал изумиться. Затем она сказала ему еще, что ее сестра страшна ядовита, что она уже убила троих, так что всякий, кто ею соблазнится, непременно погибнет.

— Счастье твое,—твердила она,—что я вся в твоей любви и не допущу, чтобы ты погиб, но с той нужно сейчас же покончить.

Студент испугался; стал просить ее дать средство и помощь.

— Хотя я и лиса,—сказала она ему в ответ,—но уже овладела настоящим действием бессмертных людей.

Мне нужно будет написать тебе одну полосу талисман-ных писем, которую ты наклеишь на двери спальни, и этим ее отгонишь!

Сказав это, она села и написала талисман. Настало утро. Третья пришла, увидела талисман, попятилась и сказала:

— Ах ты, неблагодарная девчонка! Ты вскружила голову возлюбленному и не вспомнила даже о той, которая продела нитку в иглу! Вы оба предназначены друг другу—это верно... Я и не думаю сердиться. Но зачем же непременно так поступать?

Сказала и сейчас же ушла. Прошло несколько дней. Четвертая куда-то отлучилась, назначив свиданье через день. Студент вышел на улицу поглядеть на народ. Под горой была дубовая роща. И вот, из зарослей выходит молодая женщина, тоже чрезвычайно элегантно и тонкой наружности, подходит к нему близко и говорит:

— Магистр, зачем вам так легкомысленно увлекаться сестрами Ху? Они, ведь, вам не могут подарить ни гроша! Затем вручила студенту целую связку монет и продолжала:

— Вот, возьмите это и отправляйтесь домой. Купите хорошего вина, а я захвачу закусок и приду: вместе с вами проведем мы время превесело!

Студент сунул деньги в карман и сделал, что было велено. Вскоре женщина, действительно, пришла и положила на стол копченую курицу и соленую свинину, затем вынула нож и нарезала все это тоненькими ломтиками. И вот, стали есть, запивая все это вином, остря, забавляясь и радуясь друг другу. Поев и выпив, погасили огонь, забрались на кровать и безумно заволновались в разнузданной любовности. Поднялись, когда уже совершенно рассвело. Только что женщина села на кровать и, спустив ноги, готовилась переменить ночные туфли, как вдруг послышались голоса. Не успела она прислушаться, как уже входили в полог—не кто иной, как сестры Ху! Женщина, завидев их, бросилась бежать, так и оставив башмаки на постели. Обе девы кричали ей вослед:

— Проклятая лиса! Как ты смела с человеком вместе спать?

Прогнали ее, вернулись, и четвертая с раздражением стала упрекать студента за то, что он неисправим, при чем сказала, что раз он сошелся со злодейкой-лисой, то ей уже нельзя к нему подходить. Сказав все это, сердито повернулась и хотела уйти, но студент в страхе и ужасе бросился ей в ноги, и нежными словами стал жалобно ее умолять. Третья, стоя тут же, уговаривала ее простить его. Тогда только гнев четвертой стал понемногу проходить, и наконец, они опять стали любовничать по старому.

Однажды в дом заехал некий человек из Шаяньси (в Западном Китае), который рассказывал, что он уже давно ищет оборотней, но лишь сегодня настигает их. Отец нашего студента, внимая этим странным словам, расспросил незнакомца, откуда он, и тот стал рассказывать:

— Я в туманах и волнах день за днем плыву и еду по всему свету, и в течение года 8 или 9 месяцев провожу вне дома. Дело в том, что эти оборотни погубили моего меньшого брата, и я, узнав дома об этом, пришел в такое озлобление, что поклялся непременно розыскать их и уничтожить. Где я ни скитался, куда я ни метался, тысячи верст оставил за собой, а никаких следов и признаков не находил. Теперь они в вашем доме и, знаете, если их сейчас не уничтожить, то кому-то придется последовать за моим братом в могилу.

Как раз в это время студент лежал, прильнув к своей деве. Родители незаметно разузнали это и, слыша, что говорит заезжий гость, сильно испугались, зазвали его в дом и предложили ему поворожить. Тот вынул две вазы, поставил на пол, долго писал талисманы, бурчал заклинания—и вот, с четырех сторон показались клубы черного тумана, и один за другим полезли в вазы. Гость в восторге говорил:

— Ну, вся семейка тут!

Затем, обвязав отверстия ваз свиным пузырем, закрепил и запечатал крепко накрепко. Отец студента, сильно обрадовавшись, усердно просил гостя остаться обедать.

Студент, крайне опечаленный, подошел к вазам и стал прислушиваться. Четвертая Ху, сидя в вазе, сказала ему:

— Сложи руки смотреть и не помочь беде... Что за неблагодарное у тебя сердце!

Студент расчувствовался, ревностно бросился вскрывать вазы, но они были так крепко запечатаны, что открыть их не удалось. Тогда дева-лиса говорит:

— Не надо, не надо! Ты только возьми флажок на алтаре, поверни и брось; затем шилом пропори пузырь, я в эту дыру и выйду.

Студент так и сделал. И, действительно, видно было, как из отверстия шелковинкой вытянулся белый пар, поднялся к небу и исчез. Гость, выйдя из комнаты, увидел, что флажок валяется лицом вниз на полу, страшно испугался и закричал:

— Удрала! Это наверное ваш сын наделал!

Потряс вазы, принял ухом и сказал:

— К счастью, ушла только одна из них! Но этой твари сдохнуть не положено, пусть ее, — можно простить!

Забрал вазы, распростился и ушел.

Прошло некоторое время. Как-то раз студент смотрел в поле за работниками, которые жали пшеницу, и вдруг издала четвертую Ху, которая сидела под деревом. Студент подбежал к ней, схватил за руки и стал участливо и ласково расспрашивать. Она говорила ему:

— С тех пор, как мы расстались, уже десять раз сменились весна за весной, осень за осенью. Теперь «Великий Красный» *) уже готов **), и только думая, что ты меня еще не забыл, я пришла, чтобы тебя приветствовать.

Студент хотел взять ее к себе домой, но она сказала ему:

— Я не та, что была раньше: нельзя и сравнивать. Мне уже не полагается мариать себя земною страстью. Впрочем, нам придется свидеться еще раз!

Проговорив это, она исчезла неизвестно куда.

Прошло еще двадцать с чем-то лет. Шан случайно сидел один и увидел, как откуда-то пришла четвертая Ху. Он обрадовался и стал с ней говорить. Она сказала:

— Мое имя теперь уже в книге бессмертных, и мне, собственно говоря, не следовало бы вновь ступать по

*) Алхимическое средство к бессмертию.

**) И я готова покинуть мир.

грешному миру, но, тронутая твоим чувством, я прошу позволения засвидетельствовать тебе свое уважение и сообщить, что наступает срок «разрыва струн люти» (твоей смерти). Советую тебе поскорее распорядиться последующими за смертью делами. Не горюй и не беспокойся: я переведу тебя в добрые духи, так что тебе беды не будет.

Простилась и ушла.

Шан, действительно, умер.

Он был родственником моего приятеля Ли Вэньюя, и я сам его видел как-то раз.

ЛИС ВЫДАЕТ ДОЧЬ ЗАМУЖ.

Министр Инь из Ли Чэн'а в молодости был беден, но обладал мужеством и находчивостью. В его городе был дом, принадлежавший одной старой и знатной семье и занимавший огромную площадь, в несколько десятков му *), при чем здания с пристройками тянулись неразрывною линией. Однако, там постоянно видели непонятные странности нечистой силы, поэтому дом был заброшен, никто в нем жить не хотел. Затем прошло много времени, в течение которого лопух и бурьян закрыли все пространство, так что даже среди белого дня туда никто не решался зайти.

Как-то раз Инь устроил с товарищами попойку, на которой один из них сказал:

— Вот, если кто-нибудь сумеет провести там одну ночь,—тому мы устроим вкладчину пир.

Инь вскочил и вскричал:

— Подумаешь, как трудно!

Взял с собой циновку и пошел к дому. Остальные проводили его до самых ворот; все шутили и говорили ему:

— Мы тебя пока тут подождем. Если что-нибудь тебе покажется, ты сейчас же закричи.

— Ладно,—сказал Инь,—если там будет бес или лиса, я захвачу вам что-нибудь в доказательство.

Сказал—и пошел в дом.

Войдя туда, он увидел высокий бурьян, закрывавший собой все тропы; лопухи и пыреи выросли высотой с коноплю. В эту ночь луна была в первой четверти и светила мутно-

*) Му—1/10 десятины.

желтым светом, но двери всетаки различить было можно. Пробираясь ощупью сквозь несколько дверей, он, наконец, дошел до последнего, главного здания и взобрался наверх, на лунную площадку, которая привлекательно сияла и блистала чистотой. Тут он и решил остановиться.

Сначала он стал смотреть на запад, где еще светила луна, словно полоска в пасти гор. Посидел так довольно долго: ничего, решительно ничего странного. Он посмеялся про себя над вздорными слухами, постлал циновку, положил под голову камень и стал лежа смотреть на Ткачиху и Пастуха, а когда эти звезды начали меркнуть, сознание его помутнело, и он уже отходил ко сну, как вдруг услышал в нижней части дома стук шагов, быстро подымавшихся наверх.

Инь притворился спящим, но наблюдал. Видит—пришла какая-то служанка с фонарем в виде лотоса в руках. Вдруг она его увидела и в испуге понялась, говоря тому, кто шел за ней:

— Здесь живой человек!

Внизу спросили:

— Кто такой?

— Не знаю,—отвечала она.

Тут поднялся какой-то старик, подошел к циновке, внимательно посмотрел на спящего и сказал:

— Это министр *) Инь. Он сладко спит, пусть его—будем делать наше дело. Барин—человек без предрассудков, не закричит, если что странное увидит.

С этими словами старик и служанка вошли в комнаты.

Раскрылись все двери, и народу прибывало все больше и больше. Загорелись в доме огни—стало светло, как днем. Инь слегка поворочался, потом чихнул и кашлянул. Услыша, что он проснулся, старик вышел, стал на колени и сказал:

— Барин, моя дочка сегодня ночью выходит замуж. Нежданно, негаданно мы вдруг встречаем здесь вашу милость. Позвольте надеяться, что вы не будете нас осуждать слишком сурово.

*) В будущем, конечно.

Инь поднялся, потянулся, поправился и сказал:

— Я не знал, что сегодняшней ночью будет эта радостная церемония. Ужасно сконфужен, что мне нечем одарить молодых.

— Пусть только Ваша милость,—отвечал старик,—соблаговолит подарить нас своим светлым посещением, и этого будет достаточно, чтобы отогнать от нас все злое. Мы будем очень счастливы. Если же Ваша милость даст себе труд пожаловать к нам посидеть, то мы польщены этим будем чрезвычайно.

Инь с удовольствием согласился и пошел в комнаты. Видит—обстановка и сервировка блестящи. Выходит какая-то женщина, лет за сорок, и кланяется ему.

— Это, с Вашего позволения, моя жена,—представил ее старик.

Инь ответил приветствием. Сейчас же послышались оглушительные звуки флейт, по лестнице бежали люди и кричали:

— Приехали!

Старик быстро выбежал встречать, а Инь остался стоять и тоже как бы ждал. Через несколько минут толпа слуг с фонарями, обтянутыми газом, ввела жениха, которому можно было дать лет 17—18. Наружность его была очень элегантна, манеры прелестны. Старик велел ему, прежде всего, сделать церемонию приветствия перед знатым гостем. Юноша обратился к Иню, а тот, играя роль как бы принимающего гостей, держал себя наполовину хозяином. Затем уже обменялись поклонами старик и юноша.

После этого усадились за стол. Через некоторое время стали собираться густыми толпами разряженные и разряженные женщины. Подавали вино и кушанья, жирные, отменные—от них шел туман. Яшмовые кубки и золотые чаши на столах так и сверкали.

Когда вино обошло гостей уже по несколько раз, старик позвал слугу и велел пригласить невесту. Слуга ушел и долго не появлялся. Тогда старик встал и сам открыл полог невесты, торопя ее выйти; и вот, ее вывели под руки несколько старух-служанок. На невесте нежно звенели драгоценности, и запах сильных духов шел от нее

во все стороны. Старик велел ей обратиться к почетному месту (где сидел Инь) и поклониться. После этого она встала и уселась подле матери. Инь незаметно окинул ее взором. Нежно-синие краски головного убора сочетались с пышным нарядом феникса, в котором сияли блестящие серги. Лицо блистало красотой, в мире не встречаемой.

Теперь стали угощать вином в золотых чашах, каждая по несколько бутылок. Иню пришло тут на мысль, что эту-то вещь и можно взять, в виде доказательства происходящего, для предъявления приятелям, и он незаметно сунул чашу в рукав, затем притворился пьяным, склонился к столу, свалился и уснул, а все кричали:

— Барин пьян!

Вслед затем Инь слышит, как жгних собирается уезжать. Вдруг заиграла музыка, и все толпой бросились по лестнице вниз. Когда они ушли, хозяин стал убирать винные сосуды. Глядь—не хватает одной чаши. Искали, шарили—так и не нашли. Кто-то намекнул на лежащего гостя, но старик сердито запретил ему говорить, боясь, как бы Инь не услышал. Затем, все стихло и в комнатах и на дворе.

Инь встал. Было темно; ни свечи, ни фонаря. Но все было насыщено запахом духов и вина. Подождав, пока на востоке забелело, Инь не торопясь вышел, пощупывая в рукаве свою золотую чашу. Когда он пришел к воротам, то оказалось, что компания уже давно его поджидала. Ему выразили некоторое сомнение, говоря, что он, может быть, ночью вышел, а только утром снова вошел в дом, но Инь вытащил чашу и предъявил ее скептику. Зрители ахнули и стали расспрашивать. Инь рассказал, и все убедились, что такой вещи у бедного ученого не бывает,—убедились и поверили.

Впоследствии, когда Инь уже выдержал последние государственные экзамены, он был как-то назначен в Фэйцю. Однажды его угощали у местных богачей Чжу. Хозяин велел вынуть большие чаши. Слуги долго не приходили. Наконец, подошел мальчик-слуга и, прикрыв рот, о чем-то шепнул хозяину, и тот выразил гневное раздражение. Затем гостю поднесли золотую чашу с вином, приглашая

выпить. Инь посмотрел и заметил, что по форме и по отделке эта чаша не отличается от той лисьей, что у него дома, и, в крайнем смущении, спросил, откуда она и кто ее делал. Хозяин отвечал, что этих чаш всего восемь. Они были заказаны у искусного мастера его дедом, когда тот жил в столице. Как родовая драгоценность, они хранились за десятью замками, и очень долгое время их не вынимали, но теперь, в виду лестного посещения начальника области, их вынули из сундуков, но их оказалось только семь: повидимому, кто-то из домашней прислуги одну украл. С другой стороны, и пыль и печати не тронуты. Совершенно необъяснимая вещь.

Инь засмеялся:

— Ну что же, значит, чаша полетела в эмпиреи! Однако, драгоценность, передававшаяся из поколения в поколение, затеряться не может. Вот, у меня есть одна такая чаша, что-то уж слишком похожая на вашу. Подождите, я вам ее преподнесу.

После обеда, вернувшись к себе, Инь вынул чашу и с нарочным послал ее угощавшему. Тот рассмотрел ее внимательно и ахнул от изумления. Сейчас же явился лично благодарить и спросил, откуда она к нему попала. Инь тогда рассказал ему все подробности от начала до конца. И стало ясно, что лисица может, правда, временно достать редкостную вещь, но не смеет оставить ее у себя навсегда.

ТОВАРИЩ ПЬЯНИЦЫ.

Студент Чэ был не из очень богатой семьи, но сильно пил. Бывало, если на ночь не осушит чаши три, так не может уснуть. Поэтому, винный кувшин у его постели никогда не стоял пустым.

Однажды ночью он вдруг просыпается и, повернувшись на постели, слышит, как будто кто-то спит с ним рядом. Думал было, что это его же одежды свалились и накрыли его. Пошупал—нет,—тут что-то такое шероховатое, словно трава,—вроде кошки, но побольше. Зажег свечу—лиса! Напилась пьяной и лежит, как пес. Посмотрел в свой кувшин—пусто! И сказал, улыбаясь:

— Это, значит, мой товарищ по пьянству!

Не решился будить лису, накрыл ее своей одеждой, положил на нее руку и лег с ней спать; однако, оставил гореть свечу, чтобы посмотреть, как она будет менять свой вид. В полночь лиса потянулась, зевнула... Чэ засмеялся и сказал:

— Чудесно, знаете, вы спали!

Снял одежды со спящей лисы, посмотрел—оказывается на ее месте красивый молодой ученый в парадной шапке... Поднялся и поклонился студенту, благодаря его за то, что он был так великодушен и не убил его.

— Я безумно люблю это рисовое зелье,—сказал ему Чэ,—и люди считают меня дураком. Вы же теперь мой Бао Шу*). Если я не внушаю вам недоверия, то будьте моим дорогим другом по винному добру.

Втащил нового друга на кровать и стал опять с ним спать, приговаривая: «Приходи почаще. Не стесняйся!» Лис согласился...

*) Друг дрезного Гуань Яня, который говорил, что отец и мать его родили, но понял его и знает только Бао Шу.

Когда Чэ проснулся, лис уже ушел. И вот, он приготовил полный жбан отличного вина, и затем стал ждать приятеля. Вечером тот и в самом деле пришел. Сели колени к коленям и стали весело пить. Лис пил много, сыпал отличными прибаутками, острил. Чэ выражал свое огорчение, что столь поздно обрел себе такого друга, а лис говорил ему:

— Уже столько раз я пил у тебя чудесное вино. Чем, скажи, отблагодарить тебя за радушие?

— Об удовольствии, доставленном тебе каким-нибудь кувшином вина, стоит ли давать тебе труд толковать?—обрывал его студент.

— Пусть будет по твоему,—соглашался лис.—Однако, сам-то ты—бедный студент, и достать тебе этих, как говорится, «денег на посохе» *) не легко, даже очень не легко. Надо будет придумать тебе средства к пьянству.

На следующий вечер он пришел и говорит студенту:

— Вот что, брат: в трех верстах отсюда у дороги валяется серебро. Иди скорее и заberi.

Чэ побежал туда рано утром и, действительно, нашел две ланы **). Сейчас же он купил отличных закусок к предстоящей ночной выпивке. Лис опять указал ему, что за его же двором в яме лежит клад, который стоит вскрыть, и действительно, Чэ нашел там меди на сотни лан, нашел и говорит:

— «Есть здесь в мошне, есть, говорю, в самом деле! Брось горевать, будто вина не купить» ***).

— Неправда,—говорил лис.—Разве долго будет держаться вода в колее? Нет, надо опять что-нибудь придумать.

Через некоторое время лис опять говорит студенту:

— На рынке сейчас очень недорого можно купить подсолнухи. За этот драгоценный товар следовало бы держаться, на нем выедешь.

Чэ так и сделал: накупил подсолнухов, пудов сорок. Все смеялись над ним и ругались. Однако, в скором времени наступила большая засуха. И пшеница и бобы посохли. Можно

*) Некий ученый, пьяница, презирая всех и вся, ходил пешком, демонстративно привязав деньги к своему посоху, чтобы все видели, что он идет пить. Пьяные деньги, поэтому, часто называются в литературе «деньгами на посохе».

**) Меновая единица в Китае, около полутора рубля.

***) Пародия на стихи одного известного поэта:

«Брось горевать, будто вина не купить нам:
Тут, в кошельке, деньги наверно есть!»

было садить только подсолнухи. Чэ продал свой запас вдсера. Купил дорожку против своей цены, и сразу же стал богаче. Купил и засеял огромное поле тучной земли, но каждый раз спрашивал лиса, что сеять. Сеял пшеницу—был урожай пшеницы, сеял просо—удавалось просо. Спрашивал он у лиса также и о том, когда садить: раньше или позднее. Как тот решал, так он и делал.

Лис с каждым днем все более и более привязывался к семье Чэ. Называл его жену золовкой, а на сына их смотрел, как на своего родного, но, когда Чэ умер, лис больше уже не появлялся.

ЧАРОДЕЙКА ЛЯНЬ СЯН.

Студент Сан Сяо, по прозвищу Цзымин, был из Ичжоу. Рано осиротев, он жил бобылем в порте Хунхуа. Это был человек тихий, степенный, всегда довольный. Два раза в день он выходил из дому, чтобы пообедать и поужинать у соседей, а все остальное время проводил, плотно усевшись дома—только и всего.

Как-то раз сосед-студент, шутя, говорит ему:

— Ты живешь один. Неужели не боишься лисы?

— Молодцу,—отвечает Сан,—нечего бояться беса или лисы. Если придет ко мне лис, у меня про него найдется острый меч. Если же придет лиса, то я еще сам выйду, открою дверь и приму к себе.

Студент ушел, сговорился с приятелями, и они, подставив лестницу к забору, велели одной веселой девице влезть по ней и спуститься к Сану во двор. Вот, она постучала к нему в дверь. Сан посмотрел на нее, спросил, кто она. Девица сказала, что она бес. Сан страшно перепугался. Зубы от страха громко защелкали. Девица сделала несколько нерешительных шагов, потом взяла да ушла.

Студент-сосед рано утром зашел к Сану. Тот рассказывал ему о том, что видел ночью, и заявил, что он собирается уехать отсюда к себе. Сосед захлопал в ладоши и крикнул:

— Ну, что же ты не открыл двери, как говорил, и не принял ее сам?

Сан сейчас же понял, что с ним сыграли штуку, и успокоился: стал жить себе попрежнему.

Прошло с полгода. Раз ночью к нему постучала какая-то дева. Сан решил, что это опять проделка приятеля. Открыл дверь, пригласил войти. Видит—перед ним голово-

кружительная красота—из тех, что могут опрокинуть царство. Изумленный, стал он расспрашивать ее, откуда она такая пришла. Дева сказала, что она гетера Лянь Сян («Аромат лотоса»), живет по соседству с ним. Сан поведал, так как в порту было много этих «зеленых теремов»*), погасил свечу, влез на кровать и слился с девушкой крепко-крепко.

С этой поры она стала приходить к нему дня через три, дней через пять.

Однажды вечером Сан сидел, погруженный в думы. Вдруг впорхнула какая-то девушка. Студент, думая, что это Лянь Сян, пошел к ней навстречу и начал беседу. Всмотрелся—совсем не она! Этой деве было лет 15—16. Свисали длинные рукава, падала на лоб челка, и вся фигура дышала живою и утонченной грацией. Она подходила нерешительно: то подойдет, то опять назад... Студент был сильно поражен и спросил ее недоверчиво, не лиса ли она.

— Нет,—отвечала дева,—я из хорошей семьи. Моя фамилия Ли. Я так уважаю Вас за Вашу тонкую и высокую образованность... И очень довольна, что Вы снизошли до меня и выказываете свое дорогое мне расположение.

Студент пришел в восторг, схватил ее за руки—руки были холодны, как лед.

— Почему руки твои такие холодные?

— А как им не быть холодными? Я такая маленькая, такая хрупкая и зябкая, а тут еще ночью заморозки, иней... Понятно, я зябну!

Студент сейчас же разложил постель, стал растегивать ей платье... Оказалась самой настоящей девственницей.

— Меня влечет к тебе,—сказала она,—любовь. Потеряв сегодня то, что было моим цветом, я, все же, не гнушаюсь своего падения. Хочу всегда служить тебе у подушки и постели... Кстати, у тебя в доме есть кто-нибудь еще?

— Нет,—отвечал студент,—посторонних нет. Разве вот есть тут одна соседская гетера; только и она посещает меня не часто.

— Мне надо,—сказала она ему на это,—изо всех сил

*) Название публичных домов, употребляемое в литературе.

от нее скрываться. Я, видишь, не такая, как эти девки со дворов. Ты уж, пожалуйста, помолчи, не пророни ни слова обо мне. Она придет, я уйду. Она уйдет, я приду. Вот так еще можно будет.

Когда запели петухи, она собралась уходить. Подарила студенту вышитый башмачек, имевший вид тонкого крючочка, и сказала:

— Это я надеваю себе вниз... Поиграй им иногда, и этого будет достаточно, чтобы дать мне знать, что ты думаешь обо мне и любишь. Однако, если есть кто-нибудь посторонний, остерегайся играть.

Сан взял и стал рассматривать: башмачек востренький, тоненький, словно шило для разматывания узлов... И душа его была полна любовной радости.

Через вечер, когда никого у него не было, он вытащил башмачек и стал внимательно смотреть на него, любоваться. Дева сейчас же впорхнула, как ветерок, и они тут же прильнули к друг другу. С этих пор каждый раз, как он вынимал башмачек, дева, как бы отвечая его мыслям, сейчас же прилетала. Сан дивился и расспрашивал ее. А она смеялась и говорила:

— Так, как-то кстати приходится!..

Однажды ночью пришла Лянь Сян и с испугом заметила:

— Послушай, какой у тебя плохой вид? Как твоё здоровье? Почему это?

Студент сказал, что он сам ничего не замечает. Лянь сейчас же простилась и ушла, назначив свидание через 10 дней. Как только она ушла, пришла Ли, и приходила все время, не оставляя ни одного вечера свободным.

Раз она спросила:

— Что же эта твоя любовь так долго не приходит?

Сан сказал, как у них условлено. Ли засмеялась и спросила:

— Кого из нас двоих, меня или ее, ты считаешь красивее?

— Можно сказать: обе вы прекрасны,—отвечал студент.—Только у милой Лянь кожа нежнее и мягче...

Ли изменилась в лице и сказала:

— Ты говоришь: красивы мы обе... Это ты только мне

так говоришь... Та, наверное, настоящая фея из лунных чертогов. А мне, конечно, с ней не сравниться!

И надулась... Стала считать по пальцам. Сосчитала, что десять дней уже прошло. Велела не выдавать ее и решила тайком посмотреть на Лянь Сян.

В следующую ночь, действительно, пришла Лянь Сян. Стала очень мило шутить и смеяться... Потом пошли спать, и вдруг дева испуганным голосом говорит ему:

— Пропал ты! Всего десять дней, как я тебя не видала, а смотри, как ты высох и осунулся: куда больше прежнего! Уверишь ли ты меня, что у тебя нет еще и других встреч?

Студент спросил, почему она так думает?

— Я сужу,—сказала она,—по внутреннему состоянию: смотри—пульс-то твой еле-еле бьется, с перерывами, словно путанные нити шелка. Это болезнь от беса!

На следующую ночь пришла Ли. Сан спросил:

— Ну как? Подсмотрела? Как тебе нравится Лянь Сян?

— Прекрасна,—отвечала Ли.—Я сразу же решила, что в мире таких красавиц нет. И, конечно, права: она—лиса. Как только она от тебя вышла, я за ней следом. Она прошла к южным горам, и там, оказывается, живет в норе.

Сан, думая, что она просто ревнует, вяло одобрил это предположение, в общих словах, а на следующий вечер шутил с Лянь Сян:

— Я, конечно, не верю, но вот, говорят, что ты, милая—лиса.

Лянь быстро спросила, кто это так говорит. Но студент, смеясь, уверял ее, что он просто шутит... Лянь продолжала:

— Ну, хорошо! А какая же разница между лисой и человеком?

— Такая, говорят, что замороженные лисой сильно хворают и умирают. Вот чего боятся!

— Неправда это,—возразила Лянь,—в твои годы, милый мой, после спаленки дня в три силы восстанавливаются. Пусть даже это будет лиса—какой вред для тебя? Конечно, если, как говорится, «рубить да рубить каждый день», то, ведь, человек-то окажется еще почище лисы! Разве ты думаешь, что умершие от сухотки люди и их

призраки так-таки от лис и гибли?.. Как бы то ни было, здесь, наверное, есть кто-то, кто на меня наговаривает.

Сан самым решительным образом настаивал, что никого такого нет, но Лянь попытывалась все настойчивее и настойчивее, и студент был вынужден выдать секрет.

— Я сильно дивилась,—промолвила Лянь,—видя, как ты изможден, но почему так быстро это шло?.. Нет, она не человек, а что-то другое! Ты ей ничего не говори, а завтрашнюю ночь я тоже выслежу ее, как она меня.

В эту ночь Ли, действительно, пришла. Сказала два-три слова, как вдруг за окном послышался кашель, потом чиханье. Ли быстро убежала. Лянь вошла и сказала студенту:

— Ты погиб! Это настоящее бесовское отродье. Если ты увлекся ее красотой настолько, что не можешь сейчас же порвать с ней, то твоя дорога к могиле уже коротка!

Сан, решив, что она ревнует, сидел молча, не проронив ни слова. Лянь продолжала:

— Я отлично знаю, что ты не можешь забыть любовь, но и я не могу равнодушно смотреть, как ты умираешь. Завтра я принесу лекарство и сразу очищу тебя от могильного яда. Счастье твое, что побеги твоей болезни пока не глубоки и что в десять дней она должна пройти. Ты уж позволь мне побыть с тобой все эти дни на одной постели, чтобы я могла следить за твоим выздоровлением. Тогда дело сладится.

На следующую ночь она, действительно, принесла какого-то снадобья и дала студенту принять, при чем сразу две-три дозы. Студент почувствовал, как во внутренних частях стало вдруг чисто и пусто, и как жизненный дух сразу же воспрянул. В душе благословлял чародейку, он в то же время так и не поверил, что эта болезнь от беса.

Лянь каждую ночь спала с ним под одним одеялом и нежно ухаживала. Когда он хотел с ней слиться, она гнала его прочь. И вот, через несколько дней, кожа наполнилась, округлилась, и Лянь собралась уходить. На прощанье она особенно усердно настаивала, чтобы он порвал с Ли. Студент притворно обещал. Как только дверь захлопнулась, он сейчас же зажег огонь, схватил башмачек и весь

погрузился в мечту. Ли, сейчас же прилетела, выказывая крайнее раздражение по поводу столь долгой разлуки.

— Она все ночи тут у меня ворожила,—говорил студент,—и знахарствовала; ты уж, пожалуйста, меня за это не брани. Любовь к тебе во мне живет.

Ли чуть-чуть повеселела. Студент же шептал ей, лежа рядом на подушке:

— Я тебя, дорогая моя, люблю очень. А ведь, вот, говорят, что ты бес!

Ли прикусила язык и молчала довольно долго. Потом стала браниться:

— Наверное, тебя мутит эта развратная лиса, а ты слушаешь! Если ты с нею не порвешь, то я не стану к тебе больше ходить.

И начала всхлипывать, глотая слезы. Сан бросился ее утешать, объясняться, этак и так, приговаривая на сотни ладов, и, наконец, она успокоилась.

Через ночь опять пришла Лянь Сян. Поняв, что Ли снова была, она раздраженно заметила студенту, что он, по видимому, непременно хочет умереть.

— Милая,—смеялся студент,—ну зачем так сильно ревновать?

Лянь сердилась все больше и больше:

— Ты сам посеял в себе корень смерти. Теперь я его из тебя извлекла. Как же тогда, скажи, поступают не ревнивые, если я, по-твоему, ревнива?

Сан кое-как отговорился и шутливо заметил:

— Та говорит, что эта моя болезнь от лисьего навождения!

Лянь, вздохнув, сказала:

— Пусть будет по-твоему. Твое омрачение не проходит. Сам не заботишься о себе—чегож мне-то тратить столько слов, чтобы себя выгораживать? Позволь, значит, на этом с тобой и проститься. Через сто дней мне придется увидеть тебя на одре болезни.

Как Сан ни удерживал ее, не осталась и быстро выпорхнула.

Теперь Ли была со студентом все время: и утром и ночью. Прошло, таким образом, два с чем-то месяца. Студент стал чувствовать сильное изнурение и упадок сил.

Сначала он еще пытался кое-как объяснять это, утешая себя и не придавая болезни значения, но с каждым днем он сох все больше и больше и мог теперь есть только чашку жидкой каши. Хотел было ехать домой на поправку, но все еще был охвачен страстью и не мог решиться уехать во-время. Проведя в такой косной нерешительности еще несколько дней, он размяк, раскис и уже не мог вставать.

Сосед-студент, видя, что его изнуряет болезнь, стал каждый день посылать к нему на дом мальчика с обедом. Теперь больной впервые заподозрил Ли и сказал ей:

— Как я раскаиваюсь, что не послушался Лянь Сян! Вот до чего я дошел теперь!

Проговорив эти слова, он упал в обморок. Когда же пришел в себя, открыл глаза и осмотрелся вокруг, Ли уже не было. На этом ее посещения и прекратились.

Теперь Сан лежал слабый и худой в своей пустой комнате, думая о Лянь Сян, как крестьянин об урожае. Однажды, только что он весь ушел в свои думы, вдруг кто-то поднял дверной полог и входит к нему. Смотрит—Лянь Сян! Подошла к постели и насмешливо сказала:

— Ну что, мужчина, вздор я говорила, да?

Студент долго задышался от волнения, затем стал говорить, что он сознает свою вину, и только просит помочь ему, спасти его.

— Нет,—сказала Лянь,—болезнь забралась уже под самое сердце. Уверяю тебя, что спасти жизнь нет возможности. Я пришла сюда нарочно, чтобы проститься с тобой и доказать тебе, что я не ревнива.

В сильном горе Сан сказал:

— Вот, возьми одну вещь, что под моей подушкой, и будь добра, потрудишься уничтожить ее.

Лянь отыскала башмачек, подошла к свече, стала поворачивать его в руках, пристально разглядывая. Сейчас же урганом ворвалась Ли, как вдруг увидела Лянь Сян; повернулась и хотела убежать, но Лянь загородила собою двери. Ли в крайнем замешательстве не знала, как выбраться. Студент выговаривал ей, перечисляя все ее проступления; возражать она не могла.

— Сегодня, наконец-то, удалось мне устроить личную

ставку с милой сестрицей,—смеялась Лянь.—Ты как-то говорила, что наш больной хворал тогда едва ли не по моему навету. Ну, а теперь как?

Ли, опустив голову, просила извинить ее проступок.

— Быть такой прекрасной, — продолжала Лянь, — и вдруг любовь превратить в злобу!

Ли пала наземь и, роняя слезы, умоляла оказать сострадание и спасти больного. Лянь подняла ее с пола, и стала подробно расспрашивать о ее жизни, и та рассказала следующее:

— Я дочь судьи Ли и давно уже умерла, еще ребенком, и похоронена за стеной дома. Однако, у меня, как у тутового червя, несмотря на смерть, оставшая нить еще не оборвалась. Вступить в союз и любовь с нашим больным—это, конечно, было моим желанием, но довести его до смерти—никогда не бывало у меня в мыслях.

— Верно ли,—спрашивала ее Лянь, — что я слышала, будто бесу в живом образе очень выгодна смерть человека, чтобы после его смерти, он мог постоянно уже быть с этим человеком вместе?

— Нет,—отвечала Ли,—это не так. Обоим бесам встретиться нет никакого удовольствия. Ведь, еслиб была какая-нибудь в этом радость, то разве мало молодых людей, лежащих в могиле?

Лянь стыдила ее:

— Как глупо! Каждую ночь делать это самое... Вель, даже с человеком—и то не выдержать этого; тем более с бесом.

— Послушай,—спросила, в свою очередь, Ли.—Ведь лиса может извести человека на-смерть. Каким же чудом ты одна этого не делаешь?

— Я не из той породы,—отвечала ей Лянь,—что выбирают людей для того, чтобы за их счет поправить свои силы. Есть на свете также род лисиц, которые людям не вредят, но бесов, не вредящих людям, конечно, нет, ибо мрачный могильный дух в них слишком уж силен.

Студент, слыша такие речи, узнал, наконец, что и в самом деле одна—бес, а другая—лиса. К счастью, он уже привык к ним, часто видя их, и совершенно не пугался. И все-таки, сознавая, что остаток его жизни, напоминает тон-

кую нить, невольно закричал от сильной боли. Лянь посмотрела на Ли и спросила:

— Как же нам теперь быть с больным?

Ли, стыдясь и краснея, покорно извинялась...

— Боюсь, — продолжала Лянь, — что, когда больной снова окрепнет, то «уксусница будет есть дикую сливу» *).

Ли, подобрав платье и сделав поклон ей, сказала:

— Если найдется такой искусный, редкостный, исключительный врач, который дал бы мне возможность уйти от преступления перед моим господином, то я, будь уверена, зарю свою голову в землю; а то, и в самом деле, как посмею я смотреть людям в глаза?

Лянь развязала мешок, вытащила оттуда лекарство и сказала:

— Я давно уже знала то, что происходит сейчас, и после разлуки с ним я в трех горах собирала травы. Прошло целых три месяца, прежде чем весь лекарственный подбор был полон. Его дают истощенным и изнуренным на смерть людям, и не бывает случая, чтобы они не оживали. Однако, эта болезнь такова, что за нее надо взяться с того же конца, с которого она пошла. Поэтому я не могу, в свою очередь, обойтись без тебя, и попрошу тебя потрудиться.

— Что же от меня требуется?—спрашивала Ли.

— Требуется благоуханный плевок из твоего вишневого рта. Я введу лекарственную пилюлю, а тебя попрошу прижаться к его губам и проплюнуть ее.

У Ли закружилась голова, побледнели щеки; она опустила голову, беспокойно ворочалась и смотрела на свои башмаки.

— Ну, чтож, сестрица,—ехидничала Лянь,—тебе, по видимому, удовольствие доставляет только твой башмачек?

Ли еще более застыдилась и не знала, куда девать глаза.

— Да, ведь, это твое же опытное искусство, столь много тобою практиковавшееся,—продолжала Лянь,—чего же ты теперь-то скупилась на него?

Затем, она взяла пилюлю, вложила студенту в губы

*) Кислое на кислое—об усиленной ревности.

и, обратясь к Ли, стала настойчиво торопить ее. Ли ничего не оставалось делать, как исполнить, и она плюнула.

— Еще раз!—командовала Лянь.

Ли плюнула три, четыре раза—и только тогда пилюля была проглочена. Вскоре в животе больного глухо забурчало, словно громовой раскат. Тогда Лянь вложила еще одну пилюлю, и теперь уже сама прижалась к студенту губами и стала дуть, вводя свое дыхание. Студент почувствовал, что в том месте, где пилюля, жжет, как огнем, и что жизненная сила пламенно вздымается.

— Выздоровел,—сказала Лянь.

Ли, заслыша крик петуха, заметалась, простилась и ушла.

Теперь Лянь рассудила, что в виду только что начавшегося выздоровления, нужно еще пока выхаживать больного, и что, поэтому, неправильно было бы отпустить его попрежнему обедать вне дома. Она закрыла ворота снаружи на замок, желая показать, что студент уехал, и, таким образом, избежать всяких посещений. Затем она принялась смотреть и ухаживать за больным днем и ночью. Ли тоже стала обязательно приходить каждый вечер, усердно помогала и служила Лянь, как своей старшей сестре, и та ее глубоко полюбила. Так прошло три месяца. Студент совершенно окреп, до нормального состояния, и Ли, вот уже несколько ночей, как не приходила. Иногда лишь зайдет, взглянет и уходит. Когда оставалась с больным с глазу на глаз, становилась серьезной, невеселой. Лянь оставила ее как-то ночевать и лечь со студентом, но Ли отказалась наотрез и вышла. Студент выбежал за ней, схватил ее и принес в дом. Она была легка, как соломенное чучело. Ей, таким образом, не удалось убежать. Тогда она легла спать одетая и свернулась в клубок, не длиннее аршина. Лянь еще более привязалась к ней. Потом она шепнула студенту, чтобы он обнял ее пострастнее и сделал свое дело, но как он ни будил ее, растолкать не мог; затем и сам уснул. Когда же проснулся и стал ее искать, ее уже не было. После этого она не появлялась в течение приблизительно десяти дней. Студент усиленно мечтал о ней и думал, вынимая башмачек, и все время теребил его вместе с Лянь, которая ахала и твердила:

— Какая глубокая, обворожительная красота! Я — и то влюбилась... Чтож тут говорить о мужчине?

— Да, вторил ей студент! — в былые времена стоило мне только повернуть в руках ее башмачек, как она сейчас же приходила. Я сильно подозревал, что тут что-то неладно, но, конечно, не мог ожидать, что она бес. А теперь, вот, держу башмачек и рисую себе ее красивое лицо... Как грустно, право!

Сказал и заплакал.

Несколько времени тому назад дочь одного богача Чжана, по имени Янь Эр, заболела прекращением потовых выделений и умерла пятнадцати лет от роду. Но вот, в конце ночи, она вдруг оживает, встает, озирается и хочет убежать. Чжан запер дверь и не позволил ей выходить. Девушка же говорила, что она — душа дочери судьи и что она тронута любовью студента Сана: даже башмачек ее у него оставлен.

— Правду вам говорю, — я бес. Какая польза запирать меня?

Так как в ее речах был смысл, то Чжан стал ее расспрашивать, с чего все это с ней приключилось. Девушка понурилась, смотрела исподлобья, выражалась как-то расплывчато и ничего о себе сказать не могла. Кто-то упомянул при этом, что студент Сан заболел и уехал домой, но дева спорила и твердила, что это вздор, чем привела всю семью в недоумение. Услыхал об этом и студент-сосед, перелез через забор, подошел и подсмотрел, как наш студент разговаривает с красавицей. Неожиданно для них он вошел в комнату и застал их врасплох. В суматохе дева исчезла неизвестно куда. Сосед, в диком изумлении, бросился расспрашивать, а Сан смеялся и говорил:

— Помнишь, что я в былые времена говорил тебе о лице, — вот я ее и принял!

Сосед поведал ему теперь о словах девы Янь Эр, Сан отпер двери и собрался идти посмотреть и разузнать, но горевал, что у него нет предлога проникнуть в дом Чжанов. Мать этой девицы, узнав, что студент действительно не уехал, пришла в крайнее изумление, наняла старуху и послала к нему с требованием вернуть башмачек. Он сей-

час же достал его и передал старухе. Янь Эр, получив его, обрадовалась, попробовала надеть — оказался не по ноге: слишком узок, чуть не на целый вершок. Ахнула, испугалась, достала зеркало, посмотрелась и смутно-смутно стала догадываться, что она родилась в чужом теле. Рассказала об этом. Мать, наконец, поверила.

Девушка сидела перед зеркалом, смотрела в него и плакала.

— В былые времена, — жаловалась она, — наружностью своей я могла даже похвастать, но глядя на сестрицу Лянь, я стыдилась и конфузилась; а теперь вот уж какая я! Человек человеком, а куда хуже своего бесовского облика!

Схватила башмачек и принялась стонать и выть. Как ни уговаривали ее, унять не мог и. Потом, закрылась одеялом и лежала, как истукан, не шевелясь. Кормили ее — не ела, и тело ее, в конце концов, опухло. И так не ела в течение семи дней, но не умерла, а, наоборот, опухоль стали понемногу спадать. Затем она почувствовала сильный, нестерпимый голод и стала снова принимать пищу. Еще через несколько дней все тело зазудело, зачесалось, и кожа слезла. Утром встала, смотрит, — ночные башмачки сами собой упали. Отыскала, стала надевать. Они вдруг оказались слишком велики, не подходили. Попробовала свой прежний башмак, — подошел совершенно; было узко и широко везде, где надо. Обрадовалась, взяла опять зеркало — и увидела теперь, что и брови, и глаза, и щеки, и скулы совершенно похожи на то, что было всегда. Обрадовалась еще сильнее, помылась, причесалась, пошла к матери, и все, кто видел ее, тоже радовались.

Лянь Сян, слыша об этой поразительной истории, посоветовала студенту послать к ним сваху. Однако, бедный и богатый — два полюса, и студент не решался сейчас же начинать сватовство. Все-таки, помог случай. Старуха Чжан решила в первый раз справить день своего рождения (60 лет), и наш Сан отправился к ней с одним из ее зятьев, чтобы поздравить старуху и пожелать ей долгоденствия. Старуха, увидя на визитной карточке имя Сана, велела Янь Эр подсматривать из-за занавеса и распознать, тот ли это гость, которого она ждет. Сан пришел после всех. Дева стремительно выбежала, схватила его за рукав и хо-

тела идти с ним домой,—к нему, но старуха закричала на нее, и она со стыдом вернулась. Студент, всмотревшись пристальней и залюбовавшись ею, стал невольно ронять слезы, поклонился, упал к ногам старухи и лежал, не вставая. Старуха подняла его, не считая это насмешкой над ней*).

Вернувшись, студент просил дядю своей матери быть сватом. Посоветовавшись, старуха выбрала счастливый день, чтобы приютить у себя зятя. Студент сказал об этом Лянь Сян и стал советоваться с ней, как быть с церемонией. Лянь долго сидела в крайнем огорчении и хотела распрощаться и уйти, но студент сильно испугался и заплакал.

— Ты идешь в чужой дом,—объясняла ему Лянь,—чтобы там зажечь брачную узорную свечу. А я-то, с каким лицом я туда за тобой пойду?

Тогда студент решил сначала вместе с ней проехать к себе домой, и уже оттуда предпринять брачную встречу с Янь. Лянь согласилась, и студент все это рассказал старику Чжану, но тот, услышав, что у него есть жена, рассердился и стал браниться. Тогда Янь Эр постаралась убедить его, и он согласился сделать так, как просил Сан. В назначенный день студент отправился встречать невесту. Однако, у него в доме все приготовленные к церемонии вещи были слишком убоги. Когда же он вернулся с женой, то увидел, что все пространство от дверей дома до самой гостиной было устлано кашмирскими коврами. Сотни и тысячи свечей в фонарях сверкали, как парчевые. Лянь Сян взяла молодую под руки и ввела ее в «зеленую хижину»**). Как только сняли с молодой покрывало, обе обрадовались друг другу попрежнему. Лянь дала молодым пить брачную чайну и сама пила. Затем она стала подробно расспрашивать Янь Эр об этой странной истории с ее возвратившейся в чужое тело душой. Янь рассказала следующее:

— В те дни,—говорила она,—я была угнетена и печальна. Так как тело мое я считала чуждым земле и потому ощущала себя, как нечто поганое, то после разлуки с Саном, я особенно негодовала на то, что мне не удалось

*) Он еще не был мужем ее дочери, а уже фамильярно приветствовал ее, как тещу.

**) Помещение для молодой.

вернуться к себе в могилу. И вот, я стала порхать по ветру, то несясь, то задерживаясь, и каждый раз, как видела живого человека, алчно его жаждала. Днем я обитала среди полей и лесов, ночью же появлялась и исчезала, то там, то здесь—куда вели ноги. Случайно добралась я до дома Чжанов и увидела, что молодая девушка лежит на постели: вот я и устремилась, пристала к ней, но не знала еще, что смогу впоследствии в ней ожить.

Лянь слушала все это в напряженном молчании, словно о чем-то думая.

Прошло два месяца. Она принесла сына. Потом, после родов сразу же захворала, с каждым днем все больше и больше слабела. Раз она взяла Янь за руку и говорит ей:

— Позволь мне обременить тебя моим злосчастливым ребенком: ведь, мой сын—твой сын!

Янь заплакала, кое-как стала утешать ее, придумывая разные вещи... Затем позвали заклинателей и врачей, но Лянь их не принимала. И так она все глубже и глубже погружалась в свою затяжную болезнь, а дыхание ее стало словно висящая в воздухе тонкая шелковая нить. Студент и Янь оба рыдали. Вдруг больная открыла глаза и проговорила:

— Перестаньте! Мой сын рад жить, а я рада умереть. Если будет судьба, то через десять лет мы сможем снова встретиться.

С этими словами она умерла. Открыли одеяло, чтобы убрать покойницу,—смотрят—труп превратился в лисицу. Студент не мог допустить, чтобы на нее смотрели, как на оборотня, и устроил богатые похороны.

Сыну Ляни дали имя Хуэр («Лисенок»), и Янь любила его, как своего собственного. В весенний праздник «чистой и светлой погоды», она непременно брала его и отправлялась голосить на могилу Лянь. Так прошло несколько лет. Сан выдержал второй государственный экзамен в своем уезде, и семья стала понемногу богатеть. Только Янь все огорчалась, что не рожала. Зато Хуэр был замечательно способный мальчик, хотя слабенький, хилый, вечно больной. Янь часто выражала желание, чтобы Сан купил себе наложницу. И вот, однажды прислуга докладывает, что у их дверей стоит какая-то старуха с девочкой, которую про-

сит у нее купить. Янь велела привести ее. И вдруг, увидев ее, страшно испугалась и вскричала:

— Сестрица Лянь, ты опять появилась?

Сан всмотрелся: действительно, очень похожа, и тоже ахнул. Спросили, сколько ей лет. Оказалось, четырнадцать. Справились, за сколько старуха продаст девочку. Та отвечала:

— У меня, старухи, только всего и есть, что этот комочек мяса. Пусть ей найдется место—тогда и мне будет, где поесть. А если впоследствии мои старые кости не выбросят куда-нибудь в канаву, то и хватит с меня!

Сан купил девочку, заплатив за нее как можно дороже, и оставил у себя. Янь взяла девочку за руку, ввела в спальню, заперлась, и взяв девочку за подбородок, улыбнулась ей и спросила:

— Ты меня знаешь или нет?

Та отвечала, что не знает. Спросила, как ее фамилия. Девочка сказала, что ее зовут Вэй, и что отец ее был торговец пряными соусами в Сюйчэн'е, но вот уже три года, как умер. Янь стала считать по пальцам и внимательно обдумывать. Выходило, что с тех пор, как умерла Лянь, прошло как раз 14 лет. Опять принялась внимательно разглядывать девочку, нашла, что вся ее наружность, лицо, манеры, — все самым непостижимым образом напоминает Лянь. Тогда она шлепнула ее по затылку и закричала ей:

— Сестрица Лянь, а сестрица Лянь! Ты, должно быть, не обманула меня, назначив свидание наше через десяток лет!

Девочка стала что то смутно, смутно вспоминать, словно просыпаясь от сна. Потом в ней вдруг решительно прояснилось, и она бодро сказала: «Да, да!» и вдруг стала смотреть на Янь Эр, как на давно знакомую.

— Все это,—смеялся Сан,—похоже на то, как будто знакомая ласточка возвращается домой!

Девочка плакала и говорила:

— Да, конечно! Я слышала, как мать моя рассказывала мне, что я заговорила, как только родилась, и это было сочтено зловещим знаком. Меня стали тогда поить собачьей кровью, и сознание моей прежней жизни во мне помутилось, а затем исчезло. Теперь же я, в самом деле,

словно от сна проснулась!.. А ты, барышня, неправда ли, та самая сестрица Ли, что стыдилась быть бесом?

И обе разговорились о своей прежней жизни, вспоминая ее то с радостью, то с печалью.

Однажды весной, в день «холодного обеда», Янь говорит своей новой сестре:—Этот день мы с мужем посвящаем ежегодно поездке на могилу сестрицы Лянь.

И взяла ее с собой. Когда все они пришли на могилу, то новая увидела, что могила заросла травой, да и деревья уже в обхват руки. Увидела, и глубоко вздохнула.

Ли говорит затем мужу:

— Я в двух жизнях своих была дружна с сестрицей Лянь и не вынесу нашей разлуки. Право, следовало бы наши белые кости зарыть в одну яму.

Сан согласился, вскрыл могилу Ли, достал ее скелет, принес и похоронил вместе с Лянь. Друзья его и приятели, услыша про все эти чудеса, надели соответствующие случаю одежды и встретились с Саном на могиле, совершенно для него неожиданно. И таких было несколько сот человек.

В 1670 году я прибыл в Ичжоу. Шел дождь, и я стал переживать его в гостиннице. Некий Лю Цзыцзин, родственник Сана, показал мне составленную его земляком Ван Цзычжан'ом «Повесть о студенте Сане». В ней было около десяти тысяч слов. Я сразу же прочел ее — и вот это, в общих чертах, пересказ повести.

ЛИСА-УРОД.

Студент Му из Чанша был совершенно бедный человек, так что зимой оставался без ватных одежд. Раз вечером, когда он сидел, в неподвижной усталости, к нему вошла какая-то женщина, в наряде ослепительной красоты, но сама черная, отвратительная,—вошла и, смеясь, спросила:

— Неужели не холодно?

Му испугался и спросил ее, что это значит.

— Я—фея-лиса,—сказала она.—Мне жаль вас, такого бедного, скучного, несчастного,—и я хочу вместе с вами согреть вашу холодную постель.

Студент, боясь лисы и испытывая отвращение к ее уродливому виду, громко закричал. Тогда она положила на стол слиток серебра и сказала:

— Если будете со мною милы и ласковы, подарю вам это.

Студент обрадовался и согласился. На кровати не было ни матраца, ни подстилок. Женщина разложила вместо них свой кафтан. Перед утром она встала, наказав студенту сейчас же купить на подаренные ею деньги ваты и сделать постельные принадлежности, а на оставшиеся деньги купить себе теплое платье и устроить угощение.

— Денег на все это хватит,—сказала она на прощанье,—если нам удастся жить в вечной дружбе, то не беспокойся: беден больше не будешь!—Сказала—и ушла.

Студент рассказал это своей жене. Та тоже обрадовалась, сейчас же пошла, накупила ваты и все сшила. Женщина ночью пришла, увидела, что вся постель сделана заново, сказала студенту с довольным видом:

— Прилежная, однако, жена у тебя.—И опять оставила ему в награду серебра.

С этой поры она стала приходить каждый вечер, не пропуская ни одного, и, уходя, непременно что-нибудь оставляла. Так прошло около года. Весь дом обстроился, принарядился, стали носить и дома и на улице красивые шелка—незаметно разбогатели, не хуже известных зажиточных семей. Затем, женщина стала оставлять наградной мзды все меньше и меньше, и студенту от этого она окончательно опротивела. И вот, он позвал знахаря и велел ему начертить на дверях талисманские узоры. Когда женщина явилась, она накинулась на них, вцепилась зубами, разодрала, бросила, вошла в дом и, тыча пальцем в студента, сказала ему:

— Чтобы быть таким неблагодарным за мое доброе отношение и за мое чувство,—это уж чересчур... Однако, что мне делать? Если я вызываю отвращение и презрение, я и сама уйду. Только, вот что: раз наши отношения прекращаются, то мое оскорбленное чувство обязательно требует удовлетворения.—В сильном гневе повернулась и ушла.

Студент испугался и опять обратился к знахарю. Тот пришел и стал устраивать заклинательный алтарь... Не успел он расставить свои вещи, как вдруг свалился на пол, и кровь залила все его лицо. Смотрят—у него отрезано ухо. Все бросились в крайнем испуге бежать. Знахарь тоже, закрыв рукой ухо, быстро куда-то юркнул. В доме началось швырянье камнями, величиной с таз,—и окна, горшки, котлы—все было разбито. Студент забрался под кровать, с'ежился, свернулся, скорчился в ужасе... Вдруг видит: входит его женщина с какою-то тварью в руках, у которой голова кошки, а хвост собачий. Поставила эту тварь у постели и стала науськивать:

— Сс-сс. Грызи подлецу ногу!

Тварь сейчас же вцепилась в туфлю студента. Зубы ее оказались острее стали. Студент пришел в дикий ужас, хотел было спрятать ногу, но не мог шевельнуть ни суставом. Тварь стала грызть палец, тот так и захрустел. Студент, испытывая невероятные боли, молил и заклинал прекратить его мучения.

— Все золото и все жемчуга сейчас же вынуть и не смей утаивать,—кричала женщина.

Студент обещал. Женщина цыкнула, и тварь перестала кусать. Студент, однако, не мог выбраться из-под кровати

и только рассказывал, где что лежит. Женщина пошла искать сама. Отыскала драгоценности, жемчуга, разное платье и, сверх этого, еще 200 с чем-то лан. Ей показалось этого мало, и она снова стала натравливать свою тварь, которая опять принялась грызть. Студент жалобно вопил, просил простить его. Женщина назначила ему срок в 10 дней, с тем, чтобы ей было выплачено 600 лан. Студент согласился.

Тогда она ушла, захватив с собой животное. Через некоторое, довольно продолжительное время стали понемногу собираться домашние. Вытащили студента из под кровати: у него из ноги хлестала кровь,—оказывается, два пальца потеряны. Осмотрели дом—все богатство исчезло, осталось только равное одеяло былых дней, которым его и накрыли, уложив в постель. Теперь, боясь, что через 10 дней женщина опять появится, продали прислуг и все имущество, чтобы выручить сполна назначенную сумму. Действительно, женщина явилась в срок, ей быстро вручили деньги, после чего она ушла, не сказав ни слова. На этом ее посещения и прекратились.

Раны на ноге у студента стали заживать лишь после всевозможного лечения; прошло около полугода, прежде чем он выздоровел. После этого он остался так же гол и беден, как был раньше. А лиса пошла в соседнюю деревню к некоему Юйю, бедному крестьянину, бывшему в вечной нужде. И вот, через три года, он внес все недоимки; огромные дома его тянулись один за другим, одевался он в роскошные одежды, половина которых была из тех, что были в доме студента. Тот видел это, конечно, но не смел даже спросить. Как-то раз на пути он встретил свою женщину, стал на колени, и долго так стоял у дороги. Она не проронила ни слова, и только взяла 5—6 лан, завернула в простую тряпку и издала швырнула ему, затем повернулась и пошла дальше.

Юй рано умер, а женщина по временам, все-таки, приходила в его дом, и все золото, все одежды сейчас же стали исчезать. Сын Юйя, завидев ее, поклонился и представился, а затем издала стал заклинять ее, говоря так:

— Раз отец наш умер, то мы, его дети, должны бы и вам быть детьми. Если вам не угодно даже пожалеть и приласкать нас, все же, как можете вы так спокойно допустить нас до разорения?

Женщина ушла и более не приходила.

ЛИСИЙ СОН.

Мой приятель Би Иань был человек решительный, ни с кем не считавшийся, смелый, самовольный, сам себе радующийся. С виду он был тучный, весь оброс волосами. Имя его среди ученых того времени было известно.

Как-то раз он поехал по делам в имение к своему дяде губернатору и расположился там на ночлег во втором этаже дома, в котором, как рассказывали, всегда жило много лисиц. Би часто читал повесть о «Синем Фениксе» *) и всякий раз уносился в тот мир, всей душой досадуя, что с ним ни разу этого не случилось. Поэтому, очутившись здесь, на этой вышке, он настроил соответствующим образом свои мысли и сосредоточил все свое воображение, а затем пошел к себе спать. Солнце уже склонялось к закату. Дело было летом. Было жарко и душно. Он лег против двери и заснул. Во сне ему показалось, что кто-то его будит. Проснулся, оглянулся—видит, стоит какая-то женщина, в возрасте,—как говорил Конфуций,—когда уже «не колеблются» (40 лет), но сохранившая еще одухотворенное изящество. Би в испуге вскочил, спросил ее, кто она, зачем здесь...

— Я—лисица,—отвечала она, смеясь.—Тронута вашим глубоким желанием, которое принимаю.

Би слушал и восхищался. Стал шутить и острить. Женщина говорила ему, улыбаясь:

— Мои годы уже порядочно возрасли. Если я и не возбуждаю в ком-нибудь отвращения к себе, все-таки, сама первая постыжусь и остановлюсь. А вот, у меня есть дочка, только-только начинающая делать прическу (15 лет)—может быть, она прислужит вам, подав помыться и приче-

*) Перерождения очаровательной лисы.

саться. На следующую ночь не пускайте к себе никого, и мы придем. Сказала и ушла.

Наступила ночь. Би закурил благовонные свечи, уселся и стал поджидать. Действительно, женщина явилась, ведя за руку девушку, у которой все манеры и наружность были столь грациозны и столь очаровательны, что весь мир обойди—не сыщешь ничего подобного.

— Господин Би,—обратилась к ней женщина,—имеет с тобой давно определенную судьбу, и ты должна остаться здесь. Возвращайся завтра пораньше, нечего быть жадной до снанья!..

Би взял девушку за руку и повел под полог, где наслаждался ею сполна в любовном ликовании. Когда дело было сделано, девушка, смеясь, сказала:

— Какой ты жирный, неуклюжий, тяжелый—нет сил вынести!

Еще не рассвело, а она уже ушла. К вечеру сама явилась и сказала:

— Сестры хотят поздравить меня с женихом. Может быть, соблаговолишь завтра пойти к ним вместе со мной?

Би спросил, куда это. Она сказала, что старшая сестра устраивает угощение недалеко отсюда. Би и в самом деле принялся ждать ее, но она долго не приходила. Все тело его понемногу устало, и он уж прикурнул было к подушке, как вдруг дева вошла к нему и сказала:

— Ай, как я заставила тебя долго ждать! Прошу извинения!

Затем взяла его за руку и повела.

Пришли они в какое-то место, с большими дворами и строениями, и прямо прошли в главную гостиную. Видят—фонари так и горят, словно точки звезд. Вот, выходит хозяйка, лет двадцати, в простом наряде, но сама—прелесть. Присела, сделала приветствие, поздравила, и стала просить к столу, но вошла служанка и доложила, что приехала вторая барышня. Би видит, как вошла девушка лет 18-19, рассмеялась и сказала сестре:

— Ну, сестрица, ты уже теперь «проломанная тыква». Доволен ли муженек-то твой?

Сестра ударила ее веером по спине и сурово посмотрела.

— Помню,—продолжала та,—как мы с сестрой, будучи

детьми, шутя дрались.. Она страшно боялась, когда ей начнут считать ребра, так что, бывало, издали погрозишь ей пальцем, она уже смеется во всю, ничем не удержишь, а потом сердится на меня и говорит, что мне придется выйти замуж за принца-карлика. А я ей на это говорю, что она выйдет замуж за волосатого мужчину, который проколлет ей ее губки. Так оно и вышло!

Старшая сестра рассмеялась и говорит:

— Нечего удивляться, если третья сестрица сердится и прокликает тебя. Молодой муж тут рядом, а ты лезешь со своими глупыми выходками!

После этого составили чарки и просили к столу, за которым весело пировали и смеялись. Вдруг пришла девочка с кошкой в руках, лет ей было 11—12. Детские ее волосы еще не подсохли, а уже в кости вошли красота и нежная прелесть.

— Что это,—четвертая сестрица тоже хочет повидать сестрино мужа?—обратилась к ней старшая.—Здесь негде сесты!

Взяла ее, посадила на колени и стала кормить со стола. Потом, передала ее на руки второй сестре со словами:

— Отсидела мне все ноги, даже больно!

Вторая сказала:

— Да, девочка уже порядочная, весу в ней в роде сотни фунтов. Я же слабая и хрупкая, мне не сдержать ее. Раз она хочет повидать молодого—то и пусть: он такой большой и здоровый: его жирные колени, наверное, выдержат.—И с этими словами посадила девочку к Би.

Как только она к нему перешла, он ощутил аромат и нежную мягкость,—легкость такую, словно на коленях у него никого не было. Он обнял ее и стал пить с ней из одной чарки.

— Смотри, маленькая,—говорила ей старшая,—не пей слишком много, а то опьянеешь и потеряешь приличие. Боюсь, молодой муж будет над тобой смеяться!

Девочка, захлебываясь, хохотала и гладила рукой кошку, которая громко мяукала. Старшая сестра заметила ей:

— Почему не бросаешь кошку? От нее только блохи и вши!

Вторая сестра предложила пить за кошку:

— Возьмем,—говорила она,—палочки и будем друг другу в них передавать кошку; у кого она закричит—тот пусть пьет.

Все так и поступили. Как только кошка дошла до Би, сейчас же мякнула. Би нарочно лихо пил: чарку за чаркой осушал подряд несколько раз. Он знал, что это девочка щиплет и заставляет кошку орать,—и все кругом смеялись. Вторая говорит:

— Ну, сестрица, отправляйся спать! Ты задавила бедного молодого. Смотри, как бы третья сестра на тебя не рассердилась!

Девочка с кошкой ушла.

Старшая, видя, что Би умеет много пить, сняла с себя наколку, наполнила вином и просила его выпить. Би посмотрел—в наколке вина какая-нибудь чашка, а выпил, так почувствовал, как будто там несколько бутылок. Осушил, посмотрел: оказывается, это лотосовая чаша.

Вторая также захотела угостить молодого. Тот стал отказываться, говоря, что не выдержит. Тогда она вынула коробочку из-под румян, величиной с шарик самострела, налила и сказала:

— Ну, если вам не осилить вина, то хотя этим покажите свое расположение!

Би посмотрел,—можно осушить одним глотком, а на самом деле, сделал сотню глотков—но коробочка еще не была осушена. Молодая стала рядом и подменила коробку маленькой лотосовой чаркой:

— Не давай,—сказала она своему Би,—шутить с собой этим негодницам!

Взяла и поставила коробку на стол: она оказалась огромной плоской чашей. Вторая говорит ей на это:

— Ты зачем вмешиваешься в мои дела? Три дня, как он твой муж, а уж такая нежная любовь появилась—скажи, пожалуйста!

Би взял чарку, поднес ко рту и сейчас же осушил. Когда держал ее, она была такая нежная и мягкая. Вгляделся—вовсе и не чарка, а тонкий чулочек, узенький, как крючок. И подкладка, и украшения работы изумительной. Вторая сестра выхватила у него чулок и забранилась:

— Ишь ты, плутовка! Когда это только ты успела

украсть у человека туфлю?.. То-то я дивлюсь, что нога холодна, как лед!

Встала, пошла в комнату переодеть башмак. Третья перестала наливать. Би встал из-за стола и стал прощаться. Она проводила его за село и велела ему идти домой одному...

И вдруг Би открыл глаза: проснулся—все это было только сном. А все-таки, в носу и во рту стоял густой винный дух. Сильно подивился.

Под вечер девушка пришла и спросила его, не опился ли он вчера до смерти? Би сказал, что ему все это показалось сном.

— Мои сестры,—продолжала дева,—боясь твоего буйства, нарочно представили все это сном, но это не был сон.

Дева часто садилась с Би за шахматы, и тот неизменно проигрывал. Тогда она смеялась над ним:

— Ты каждый день этим занимаешься с такой страстью, что я думала—ты очень силен, а теперь вижу, что ты так себе, ни то ни се.

Би просил дать ему указания. Дева сказала:

— Шахматы—это искусство, которое требует твоего собственного проникновения: как я могу быть тебе полезной? Вот с утра до вечера понемногу заимствуй у меня—может быть, добьешься исключительного умения.

Так прошло несколько месяцев, и Би почувствовал, что он как будто сделал успехи. Дева проэкзаменовала его и засмеялась:

— Нет еще, нет еще!—сказала она.

Би как-то вышел со двора, чтобы сыграть с теми, с которыми он ранее играл—все заметили его необыкновенные успехи и подивились.

Би был человек прямой, открытый и в душе не терпел ничего оставшегося невысказанным. Понемногу он стал пробалтываться. Дева, конечно, сейчас же узнала и выговаривала ему:

— Тот, кто не терпит неприятностей в дружбе с однородным ему человеком, не дружится с шалым студентом. Сколько раз я велела тебе быть осторожным и молчать, а ты все еще попрежнему...

Рассердилась и хотела уйти. Би бросился извиняться. и дева понемногу успокоилась; однако, с этого времени стала приходить к нему все реже и реже.

Так прошло около года. Однажды вечером она пришла, безмолвно уселась и уставилась на студента. Тот было с ней за шахматы—не играет. Он с ней спать—не ложится. Грустно-грустно сидела довольно долго, и, наконец, спросила его:

— Скажи, как ты относишься ко мне по сравнению с Цинфын («Синим Фениксом»), повесть о которой ты так любишь?

— Конечно, ты лучше,—отвечал Би.

— Ну, я, положим, стыжусь с ней сравниться. Однако, вот в чем дело. Л о Чжай—твой друг по школе. Будь добр, попроси его сочинить повесть обо мне. Быть может, лет через тысячу меня тоже будут любить и вздыхать по мне, как ты по Цинфын.

Би сказал на это:

— Давно я об этом думал, но по твоему приказанию—помнишь, тогда?—я нарочно молчал!

— Ну, это было прежде,—возражала дева,—а теперь я хочу с тобой проститься, и не стоит уже скрывать...

— Куда же ты?

— Я вместе с четвертой сестрой вызваны к «Матери Западных Царей *)» и назначены вестницами цветов и птиц. Больше не удастся к тебе придти.

Би просил ее что-нибудь сказать ему на прощание. Дева сказала:

— Если твой гордый дух смирится, ошибок, разумеется, станет меньше.

С этими словами она поднялась, схватила студента за руку и попросила проводить ее. Прошли около версты и с плачем расстались, при чем дева сказала ему:

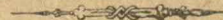
— Если нас друг к другу тянет, то нельзя отрицать, что когда-либо снова встретимся.

С этими словами ушла.

В 1680 г. 19 числа последнего месяца Би сидел со мной в моем кабинете, который носил тогда имя «Кабинета Горделивых Дум»,—сидел и подробно рассказывал всю эту странную историю, случившуюся с ним, а я говорил ему:

— Если была такая лиса, то кисти Ляо Чжая она окажется только честь.

Взял и записал.

*) Неясный мифический образ, окутанный причудливыми сказаниями феяного типа.

ДЕВА-ЛИСА.

И Гунь был из Цзюцзяна. Ночью пришла к нему какая-то дева и легла с ним. Он понимал, что это лиса, но, влюбившись в красавицу, молчал, скрывал от людей: не знали об этом даже отец с матерью.

Прошло довольно много времени, и он весь осунулся. Отец с матерью стали допытываться, что за причина такой болезни, и сын сказал им всю правду. Родители пришли в крайнее беспокойство и стали посылать с ним спать то того, то другого по очереди, да еще повсюду развесили талисманы, но так и не могли помешать лисе. Только когда старик-отец сам ложился с ним под одеяло, то лиса не приходила. Если же он сменялся, и спал кто другой, то она появлялась опять. И Гунь спросил ее, как это понять.

— Все эти обыкновенные вульгарные талисманы,—отвечала лиса,—конечно, не могут меня удержать. Однако, для всех, ведь, существует родственное приличие, а разве можно допустить, чтобы мы с тобой блудили в присутствии отца?

Старик, узнав это, еще чаще стал спать с сыном, даже не отходил от него. Лиса перестала приходить.

Затем случилась смута. Разбои и мятежи свирепо пошли по всей стране. Вся деревня, где жил И, разбежалась, и вся семья его рассеялась. Сам он бежал в горы Гунь-лунь. Кругом были дикие, безлюдные места, а с ним никого близкого или знакомого. Солнце уже закатывалось, и в душу все сильнее и сильнее закрадывался страх. Вдруг он видит, что к нему подходит какая-то дева. Думал, было, что это из беженков. Посмотрел вблизи,—оказывается, его дева-лиса. После разлуки и средь разрухи свидание было радостным и милым.

— Солнце уже на западе,—сказала ему лиса.—Идти больше, пожалуй, некуда. Подожди-ка здесь некоторое время, пока я не присмотрю места получше, где бы можно было устроить домик, чтобы спрятаться от тигра и волка.

Прошла несколько шагов к северу, присела где-то в траве, что-то там такое делая. Потом, через небольшой промежуток времени, вернулась, взяла И за руку и пошла с ним к югу. Сделали десяток-другой шагов,—она опять потащила его обратно. И вот, он вдруг видит тысячи огромных деревьев, которые окружают какое-то высокое строение, с медными стенами и железными столбами, и с крышей, напоминающей серебро. Посмотрел вблизи—стены оказались ему по плечо, при чем нигде в них не было ни ворот, ни дверей, но все они были усеяны углублениями. Дева вскочила на стену и перепрыгнула. То же сделал И. Когда он вошел в ограду, то подумал недоверчиво, что золотые хоромы человеческим трудом не создаются, и спросил лису, откуда все это явилось.

— Вот поживи здесь сам,—сказала она,—а завтра я тебе это подарю. Здесь золота и железа на тысячи и десятки тысяч. Хоть полжизни ешь, не проешь.

Затем стала прощаться. И принялся изо всех сил ее удерживать, и она осталась, при чем сказала ему:

— Меня бросили, мной пренебрегли,—этим я уже обречена на вечную разлуку. А теперь, смотри, не могу быть твердой!

Когда И проснулся, лиса ушла неизвестно куда. Рассветло. И перепрыгнул через стену и вышел. Обернулся, посмотрел туда, где был,—никакого здания уже не было, а только четыре иглы, воткнутые в перстень, а на них коробка из-под румян. А то, что было большими деревьями, оказалось старым терновником и диким жужубом.

ЛИС ИЗ ВЭЙШУЙЯ.

У Ли из Вэйсяня был отдельный дом. Как-то к нему явился старичок, желавший снять помещение, за которое он давал 50 лан в год. Ли согласился. Затем старик ушел и пропал без вести. Ли велел сдать помещение кому-нибудь другому, но на следующий же день явился старик и сказал:

— Ведь, о сдаче помещения вы договорились со мною и даже в присутствии свидетелей. Как же вы хотите сдать его другим?

Ли сказал, что именно ввело его в сомнение.

— Я намерен,—объяснял ему старик,—здесь жить долго. Почему я так задержался?—а потому, что выбранное мною счастливое число будет еще через десять дней.

Вместе с этим он уплатил за год вперед и сказал, что, если помещение будет пустовать до конца года, то, значит, нечего и спрашивать. Ли проводил старика и осведомился на прощанье, когда же он переедет. Старик указал срок, но после срока прошло уже несколько дней, и все-таки никого не было видно. Тогда Ли отправился сам лично поглядеть и увидел, что ворота закрыты изнутри, над домом поднимается кухонный дым и слышны человеческие голоса. Сильно изумившись, Ли послал свой визитный листок*) и пошел с визитом. Старик выбежал ему навстречу, ввел его в дом, и, приветливо улыбаясь, старался с ним сблизиться. Ли, вернувшись домой, послал своего человека с угощениями в подарок старику и семье. Тот отдал и наградил слугу самым щедрым образом.

*) На красной бумаге пишется тушью имя и фамилия и это употребляется, как наша визитная карточка, превосходя ее размерами раз в пять.

Прошло еще несколько дней. Ли устроил обед и пригласил старика. Они оба друг другу пришлились по душе и радовались этому бесконечно. Ли спросил старика, откуда он родом. Старик отвечал,—из Цинь*). Ли изумился, что он пришел сюда из столь далеких мест**). Старик сказал ему на это:

— Ваша прекрасная область—счастливая земля, а в Цинь—долго жить будет нельзя, так как там произойдут большие бедствия.

Так как время было тихое и мирное, то Ли оставил разговор, не расспрашивая подробнее.

Через несколько дней старик прислал Ли свой именной листок тоже с приглашением, чтобы, таким образом, отблагодарить хозяина дома за приют. На обед он поставил вино и кушанья в самом щедром изобилии и отменно вкусные. Ли все более и более приходил в недоумение и выразил догадку, что старик какой-то знатный вельможа. Тогда старик по дружбе сознался Ли, что он лис.

Ли, до крайности пораженный этим признанием, рассказывал это всем встречным, и вот, вся местная знать, услыша про эти лисьи чудеса, каждый день стала направлять свои экипажи к воротам старика и, вообще, искать его дружбы. Старик всех принимал с преувеличенной скромностью. Понемногу и представители местной власти стали заглядывать к старику, и только, когда сам правитель области просил разрешения познакомиться, то старик подчеркнуто отказал. Тот просил Ли, как хозяина, взять на себя переговоры по этому поводу, но старик опять отказал. Ли спросил, в чем тут дело. Старик подвинулся к Ли и шопотом говорил ему:

— Вы не знаете, конечно, что он в предыдущем своем рождении был ослом. Хотя в настоящую минуту он и сидит торжественно над нами, но он из тех, кому какую дрянь ни давай, все выпьют. Я, конечно, другой породы, и стыжусь с такими якшаться.

Ли в осторожных выражениях сообщил об отказе начальнику, говоря, что лис боится его пронизательного ума

*) Зап. Китай, губ. Шеньси.

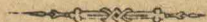
**) Т. е. с запада на восток, через весь Китай.

и потому не дерзает принять его. Тот поверил и перестал просить.

Все это происходило в 1672 г. Вскоре после этого в Цинь (Шеньси) произошли мятежи и всякие несчастья. Значит, лис умел знать об этом наперед.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РАССКАЗЧИКА.

Осел громоздкая тварь. Озлится—так брыкается, орет, глазищи больше чашки, и вид принимает свирепый, словно бык. Не только рев его противен, но и смотреть на него отвратительно. Однако, попробуй поманить его горстью сена—и что же? Прижмет уши, опустит голову и с радостью даст на себя надеть узду. Конечно, если кто-нибудь с такими качествами сидит над народом, то правильно будет о нем сказать, что он пьян от всякой дряни. Позвольте выразить пожелание, чтобы те, кто собрался править нами, помнили об осле, как о предостережении, и, наоборот, старались походить на лиса. От этого, понятно, благотворное влияние правителя сильно возрастет!

МОХНАТАЯ ЛИСА.

Крестьянину Ма Тяньюну было 20 с чем-то лет, когда он потерял жену. Он был беден и не мог жениться снова. Как-то раз он полол в своем поле и вдруг увидел молодую, прекрасно одетую женщину, которая проходила прямо по ниве, с одного участка на другой, шагая через межи. Лицо у ней было румяное, и весь вид живой, элегантный. Ма решил, что она заблудилась. Посмотрел вокруг: в полях никого не было. Пристал к ней, шутя и заигрывая. Женщина тоже улыбнулась. Ма захотел соединиться с ней тут же, как попало, но та заметила ему:

— Послушай! В ясный день, под синим небом разве позволительно такое делать? Ты лучше иди домой, запрись и жди меня. Когда стемнеет, я приду.

Ма не поверил, но женщина в этом поклялась, и тогда он подробно рассказал ей, где его ворота и двери, и как пройти. Женщина ушла, но, действительно, как только наступила полночь, явилась, и они стали весело любовничать. Ма почувствовал какую-то особенную нежность ее кожи, зажег огонь и, действительно, кожа была красная, тонкая, как у новорожденного, но все тело было покрыто тонкими волосами. Ма подивился этому. Затем решил, что, ведь, проследить, откуда она, нельзя—и подумал про себя: «Уж не будет ли это лиса»? И начал в шутку ее допрашивать, а она сама созналась, даже не подумала скрывать.

— Раз ты фея,—сказал Ма,—то, как всякое божество, ты не оставишь ни одной просьбы без уважения. Вот я удостоился чести так близко к тебе прильнуть,—неужели же ты не поможешь мне на бедность, не дашь несколько лан?

Женщина обещала. На следующую ночь она опять пришла. Ма потребовал деньги; женщина притворно удивилась и сказала:

— Вот, как раз, деньги-то я и забыла!

Когда она собралась уходить, Ма опять твердил ей о деньгах, и следующей ночью спросил ее:

— А то, что я просил, небось, опять забыла?

Женщина рассмеялась и просила подождать до одного из следующих дней. Через несколько дней Ма стал опять требовать, и женщина, смеясь, вытащила из рукава два слитка серебра в 5—6 лан, с приподнятыми краями и тонким металлическим отливом—просто прелесть, так и залобуешься. Ма пришел в восторг, схватил деньги и запрятал в сундук поглубже.

Прошло полгода. Как-то случайно ему понадобились деньги, он достал серебро и кому-то показал.

Да это олово!—сказали ему.

Действительно, куснул зубами—так и откусил: кусок упал... Ма в страшном смятении схватил олово, спрятал и побежал домой. Ночью явилась женщина, и он в сердцах принял ее ругательски-ругать.

— Твоя судьба, видишь ли ты, незавидна,—смеялась ему в ответ женщина. Настоящее-то серебро не по тебе: с ним ты не сумеешь обращаться.

Посмеялась и прекратила этот разговор.

— Я слышал,—продолжал ворчать Ма,—что все феилисы редкие в стране красавицы... Совершенно, оказывается, неправильно!

— Мы,—отвечала ему лиса,—являемся и превращаемся, смотря по человеку. Теперь смотри: у тебя нет счастья даже для одной ланы серебра. Как же ты мог бы пользоваться такой красотой, от которой, как говорят, падают ястребы и ныряют рыбы? Я с моим грубым, подлым видом, конечно, не гожусь для прислуживанья человеку высшего круга, но если сравнить меня с большенойой и горбатой, то я самая первая красавица.

Так прошло несколько месяцев. Вдруг ей вздумалось подарить Ма три ланы.

— Ты часто требовал денег,—сказала она ему при этом,—но я считала, что твоей судьбе не полагается иметь

накопленные деньги. Но теперь пришло время, когда тебе придется иметь дело со свахой и делать предложение. Позволь подарить тебе вот эти деньги для расходов на одну жену. Кроме того, я пользуюсь этим случаем, чтобы сделать тебе и прощальный подарок.

Ма стал уверять, что у него не было никаких разговоров о приглашении свахи, но женщина подтвердила, что это так и что через день-два сваха непременно появится. Ма спросил насчет той девицы, о которой она говорит, какова она собой.

— Ты все думаешь о самой первой у нас красавице,—отвечала она,—ну, значит, это первая красавица и должна быть!

— На это, конечно, я не смею рассчитывать, скромничал Ма,—однако, за три-то ланы разве можно купить жену?

— Ну, это уже решено и подписано Лунным Дедом, и не зависит от человеческих стараний,—закончила женщина.

Ма спросил еще, почему же она так скоро уже заговорила о прощанье.

— Ходить к тебе по ночам,—отвечала она,—с луной в головах и кутаясь в звезды,—это не дело: нет прочного в этом постоянства. Если, как поется, «милый сам жену имеет», то к чему мне-то тут быть затычкой?

Начало светать, и она ушла, вручив ему дозу желтого порошку, и сказав при этом, что, чего доброго, он еще захворает после разлуки с ней, так пускай примет порошок, и тогда поправится.

На следующий день, и в самом деле, пришла какая-то сваха. Ма сразу же стал расспрашивать о том, какова собой невеста. Сваха отвечала, что она ни красавица, ни урод,—а так, средняя. Спросил также насчет свадебных денег, сколько с него потребуется. Оказалось, 4 или 5 лан. Ма не возражал против цифры, но настаивал на своем желании хоть раз лично взглянуть на эту особу. Сваха выразила опасение, что девица из порядочной семьи не согласится, вероятно, сама высватываться и показываться. Однако, кончили на том, что условились направиться вместе, а затем действовать сообразно тому, как продиктуют обстоятельства и удобный случай. Когда подошли к селу, сваха ушла вперед и велела Ма ждать ее за околицей. Ушла—и долго не приходила. Потом явилась и сказала:

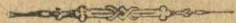
— Готово, слажено. Мои родственники живут с ней на одном дворе. Я только что, проходя, видела, что девица наша сидит у них в комнате. Пойдем, пожалуйста, сейчас туда. Ты сделаешь вид, что проходишь через комнату, чтобы повидаться с моими родственниками, и можешь увидеть ее на расстоянии, скажем, фута.

Ма пошел за ней и, действительно, увидел в комнате девицу, прилежшую на кровать для того, чтобы ей почесали спину. Ма быстро прошел мимо, окинув ее косым и беглым взглядом: она, действительно, была такая, как говорила сваха. Затем речь зашла о брачных расходах, при чем с ним не стали спорить, и только просили дать одну-две ланы на то, чтобы одеть девицу при ее выходе из дома. Ма еще более остался доволен этой скромной цифрой, вынул деньги, расплатился со свахой и писцом, изготовившим брачный контракт: вышло, в общем, всего ровно три ланы, и ни на медяк больше.

Ма дал погадать и выбрать счастливый день для встречи девицы, идущей к нему. Когда ее ввели в двери, то Ма увидел, что у ней был горб и на груди и на спине, и шея скорчилась, словно у черепахи. Посмотрел под юбку, — лотосовые лодочки*) были в добрых поларшина. Ма понял тогда, что значили слова лисы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РАССКАЗЧИКА.

«Сообразно данному лицу являемся и превращаемся» — кажется, лиса этим сама пошла навстречу насмешке и сама все объяснила, однако, ее словам о счастье и милостях судьбы можно верить, и даже очень глубоко. Я всегда думал, что если в нескольких поколениях твоих предков не было благородных дел, то ты не достигнешь высокого и сановного поста. Если же и сам ты в поколениях своего потомства не дашь прекрасных дел, — им не иметь красивой жены. Те, кто верят в то, что всякое дело есть следствие своей причины, наверное, не сочтут эти мои слова за туманности Небесной Реки (Млечного Пути).

*) Башмаки искалеченных ног.

ЛИСА-НАЛОЖНИЦА.

Лю Дунцзю из Лайу (губернии Шаньдун) был правителем Фынчжоу (в Шеньси). Раз он сидит один в канцелярии, и вдруг слышит смех и говор, приближающиеся к нему со двора. Когда смеющиеся вошли, они оказались четырьмя женщинами, из которых одной было за сорок, другой лет тридцать, третьей около 24—25, а самая последняя еще носила челочку. Все они встали перед столом, глядя на Лю, и смеялись. Лю отлично знал, что в его дворце много лисиц, и поэтому, оставил их без внимания. Так прошло несколько минут. Затем девушка с челкой вытащила красный платок и шутливо бросила Лю в лицо. Тот схватил платок и выбросил в окно, продолжая не обращать на деву никакого внимания. Они все захохотали и ушли.

В один прекрасный день к Лю явилась та, что была постарше, и сказала ему следующее:

— Моя сестренка имеет с вами свою судьбу. Я хотела бы, чтобы вы не погнушались ей, и не выбросили бы, как негодную траву.

Лю вяло обещал, и та ушла, чтобы сейчас же явиться со служанкой, при чем обе они вели под руки девушку с челкой. Затем они усадили ее плечо к плечу с Лю, и старшая сказала:

— Чудесная вы, право, пара жар-птиц! Сегодняшней ночью устройте себе получше узорную, брачную свечу, ты же, милая, постарайся услужить господину Лю. А теперь, — мы ушли.

Лю стал рассматривать девушку пристально: красота сияющая, второй такой, конечно, нет, — и давай с ней миловаться. Затем стал расспрашивать, откуда она.

— Я, конечно, не человек,—сказала она,—но в то же время, все-таки, человек. Дело в том, что я дочь твоего предшественника по службе; меня стала губить лиса, и я скоро умерла, а затем была похоронена здесь в саду. Однако, другие лисы собрались и оживили меня, после чего мне сообщилась лисья летучая подвижность.

Лю, после этих ее слов, стал щупать у ней в конце спины. Почувствовав это, девица улыбнулась и спросила:

— Ты уж не думаешь ли, что у лисицы есть хвост?

Повернулась и сказала:

— Пожалуйста, пощупай.

С этих пор она так и осталась у него жить.

Лю стал теперь проводить со своей маленькой метресой все время: ходил ли, сидел ли—все с ней. Домашние отнесли к ней, как к малой госпоже. Когда служанки явились к ней на поклон, она их одарила очень щедро.

Тут подошел день рождения Лю. Явилась масса гостей. Пришлось накрыть на тридцать персон, понадобилось очень много поваров. Еще до этого дня Лю дал приказ набрать их, но пришел один-два, и он не знал, куда деваться от раздражения. Дева, узнав об этом, велела ему не беспокоиться:

— Если поваров все равно не хватает,—сказала она,—то не лучше ль будет отпустить и тех, что пришли. Я, конечно, не из очень-то способных, но на тридцать человек приготовить не трудно.

Лю был очень доволен и отдал распоряжение, чтобы всю рыбу, мясо, специи—одним словом, все, перетасили в помещение госпожи. Затем, весь дом в течение целого дня только и слышал, что дробный стук ножей, не прекращавшийся ни на минуту.

Во дворе накрыли стол и только что поставили подносы, глядь,—а они уже полны самыми разнообразными кушаньями.

Десять, даже больше, человек суеились по дороге к столу бесконечной чередой,—все время брали и уносили кушанья, а им не было конца краю. Наконец, пришел слуга с требованием пирожков. Из дома ему говорят, что, ведь, хозяин не заказывал их. Разве можно их изготовить по приказу: раз-два?

— Впрочем,—сказали оттуда, подумав,—нечего делать. Давай, возьмем в долг.

Через несколько минут, зовут взять пирожки. Глядь, а тридцать блюд так и дымятся на столе.

Когда гости ушли, дева говорит Лю:

— Благоволи дать денег на уплату кой-кому за пирожки.

Лю послал человека отнести деньги. Оказалось, что в одном доме как раз исчезли пирожки, и все были в крайнем недоумении, которое разъяснилось, конечно, когда пришел человек от Лю.

Однажды вечером Лю сидел и пил. И вдруг ему захотелось своего горьковатого шаньдунского винца. Дева попросила разрешения пойти взять его, и вышла из дому. Потом вернулась и сказала, что у дверей стоит жбан, которого ему хватит на несколько дней. Лю посмотрел, — и в самом деле, вино: настоящее домашнее, молодое «в жбане весеннее».

Через несколько дней госпожа Лю отправляет из дому двух слуг к мужу в Фынь. На пути один из них говорит другому:

— Я слышал, что госпожа лиса дает на водку очень щедро. Сходить вот теперь, да получить от нее,—можно будет и шубу купить.

Дева, сидя у себя, уже узнала об этом и говорит Лю:

— Придут люди из дому. Меня злость берет на одного из них, мерзавца, невежу. Ну, уж я ему отплачу!

На следующий день, только что слуга вошел в город, как у него сильно разболелась голова, а когда он дошел до дворца, то схватил голову обеими руками, выл от боли и кричал. Все советовали позвать врача, дать лекарства, но Лю смеялся и говорил:

— Не стоит лечить. Придет время, сам поправится.

Многие выразили опасение, уж не прогневил ли он маленькую госпожу. Слуга подумал и сказал, как это и чем именно он, который только что пришел и еще не снял дорожной сумки, мог провиниться. Впрочем, что тут разговаривать и кому жаловаться: нехотя пополз на колени и стал упрашивать госпожу.

— Ты назвал меня госпожей,—говорил ему голос из-за-

занавески, — этого достаточно. Зачем ты назвал меня и ой?

Тогда слуга понял и стал бить поклоны без конца, и опять слышит голос:

— Если ты захотел преобрести себе шубу, зачем же, вѣтаки, быть таким невежей?

Потом опять:

— Ну, ты выздоровел!

При этих словах боль у слуги словно куда-то исчезла. Он стал откланиваться и хотел уже уйти, как из-за занавески ему выбросили сверток, сказав:

— Вот тебе шуба из ягненка. Бери и уходи.

Слуга развернул, смотрит: там 5 лан.

Лю спросил, что нового дома. Слуги отвечали, что особенно ничего, только вот однажды ночью пропал куда-то из кладовой жбан с вином. Высчитал по числам и часам, — как раз оказалось в ту самую ночь, когда лиса пошла брать вино. Все были в ужасе от ее чудесной силы, и стали называть ее святой феей.

Лю нарисовал ее портрет. В то время Чжан Даои был ученым инспектором. Прослышав про эти чудеса маленькой госпожи, он явился к Лю с визитом, как земляк, и пожелал на нее взглянуть, но дева отказала. Лю тогда показал ее портрет. Чжан силком вырвал и унес, повесил у себя и стал молиться с утра до ночи, приговаривая:

— С такою твоей, милая, красотой, куда бы ни явилась ты, везде свое возьмешь. И вдруг — ты отдала себя волосатому, мохнатому старику. Смотри, ведь, я ж не хуже его, Дунцзю. Почему же ты не подаришь меня ласковым взглядом?

Дева сидела с Лю в канцелярии и вдруг говорит:

— Господин Чжан невежа. Надо будет его слегка проучить.

И вот, однажды, как раз когда Чжан молил и заклинал ее портрет, ему показалось, что кто-то из пространства хлопнул его по лбу, так что он грохнулся на пол и ощутил сильную боль. Страшно испугавшись, он вернул портрет. Лю стал расспрашивать человека, который принес портрет, но тот скрыл настоящую причину и отвечал что-то, сочиняя. Лю засмеялся.

— А скажи-ка, — спросил он, — у твоего господина лос разве не болит?

Слуга не мог больше обманывать и сказал всю правду. Через несколько времени прибыл зять Лю, студент Юань. Попросил разрешения повидать деву, но та резко отказала. Юань настаивал.

— Зять, ведь, не чужой, — уговаривал ее Лю, — чего ты так упрямисься?

— Когда зять твой явится ко мне, — отвечала та, — надо обязательно ему что-нибудь подарить. Но он надеется на мою щедрость, и, по моему, мне не удовлетворить его желаний. Вот почему я и отказала ему сейчас. Но, раз он так усердно об этом просит, то я согласна принять его дней через десять.

Через десять дней Юань входил к ней, здоровался, кланяясь ей из-за занавеси. Спросил ее о здоровье, был скромен во всем, сдержан и не решался внимательно рассмотреть. Когда же уходил, то, сделав несколько шагов, повернул голову и уставился на нее пристальным взглядом, но вдруг услышал:

— Зятек-то обернулся!

Сказала, и захохотала резким, резким смехом, словно сова. Юань услышал этот смех и почувствовал, как ноги его размякли; сознание помутнело, словно он терял и жизнь и дух. Только выйдя от нее и посидев, он начал понемногу приходить в себя.

— Вот сейчас я слышал ее смех, — говорил он, — словно раскаты грома. Сам не знаю даже, мое ли это тело или нет.

Через несколько минут служанка от имени своей госпожи передала подарок в 20 лан. Юань взял и сказал служанке:

— Святая фея каждый день живет с моим тестем. Разве она не знает, что у меня широкая натура и что я не привык тратить мелочь?

Дева, услышав это, сказала:

— Я, ведь, знала, что это за человек! Однако, моя мощна как раз пуста. Некоторое время назад я с одной подругой ходила в Бяньлян (Кайфынфу), а этот город в то время был занят речным богом (был под водой), и все наши

деньги потонули в воде. Тогда мы вошли в воду и каждая нашла некоторое их количество. Однако, разве могу я насытить его безмерные требования? Пусть даже я сумею его щедро одарить,—все равно его счастье ничтожно, и, даже в этом случае, ему не справиться с наградой.

Вообще, дева могла заранее разузнать о чем бы то ни было. Когда встречалось какое-нибудь недоумение и затруднение, Лю всегда с ней советовался, и не было случая, чтобы она не разрешила их. Однажды, когда они сидели вместе, она вдруг взглянула на небо и сильно испугалась.

— Большой мятеж наступает,—сказала она,—как нам с этим быть?

Лю с тревогой спросил о своих домашних, но она успокоила его, говоря, что, вообще, им беды не будет, и только второму его сыну будет худо.

— Здесь,—продолжала она,—в непродолжительном времени будет поле сражений. Тебе следует просить назначения куда-либо подальше, и тогда только, быть может, избежишь беды.

Лю послушался ее, подал прошение начальству, и получил назначение по продовольственному делу в Юньнань и Гуйчжоу. Дорога предстояла очень дальняя, и все, слышавшие об этом, сочувственно жалели Лю. Одна только дева его поздравляла. Вскоре взбунтовался Цзян Жан, и вся область Фыньчжоу погибла, став гнездом мятежников. Второй сын Лю пришел из Шаньдуна, попал в разгар всех этих восстаний и был убит. Город пал. Всем чиновникам пришлось испытать несчастье, и только Лю, командированному по делам службы, удалось избежать беды.

Когда мятеж был усмирен, Лю вернулся. Однако, тут же, по ошибке, он был привлечен к суду по крупному делу и разорился до того, что не хватало на еду. А между тем, тот, от кого он зависел, требовал от него уйму денег, так что Лю, в безвыходном положении, загрустил и хотел смерти!

— Нечего горевать,—сказала ему дева.—Вон возьми эти три тысячи лан под кроватью—хватит нам на прожитие!

Лю пришел в восторг и спросил, где они украдены, эти деньги.

— В мире есть вещи без хозяина, бери, всего не возмешь. Зачем непременно красть?

Лю разными махинациями удалось избавиться от преследования и вернуться домой. Дева пошла за ним.

Прошло несколько лет. Вдруг она ушла, оставив в подарок несколько вещей в бумажном конверте. В числе этих вещей был флажок, длиною вершка в два, который вешают на дверях дома, где покойник. Всем это показалось плохим предзнаменованием. И, действительно, Лю вскоре умер.

КРАСАВИЦА ЦИНФЫН.

Гэны из Тайюаня были раньше крупными людьми, и дома, ими занимаемые, были огромные, просторные. Потом здания эти стали разрушаться, пустовать одно за другим, и были окончательно заброшены. Вслед за этим в них начались разные чудеса и странности. Вдруг двери зала то открываются, то захлопнутся, и семья Гэнов по ночам в ужасе кричала. Гэн, удрученный всем этим, переселился в свое подгородное имение, оставив старого привратника караулить дом. После этого дома Гэнов стали падать и разрушаться еще сильнее. Водворилось полное запустение, а люди слышали там смех и песни...

У Гэна был племянник по имени Цюйбин, человек взбалмошный, свободный от всяких предрассудков, смелый и совершенно несдержанный. Он велел старому привратнику сейчас же прибежать и сказать ему, если что будет слышно или видно. И вот, старик, увидев ночью в разрушенном доме огни, то сверкающие, то потухающие, пошел и доложил молодому Гэну. Тот захотел пойти и посмотреть, что там за чудеса. Его останавливали—он не слушал.

Он отлично знал расположение ворот и входов, и пошел, уверенно пробираясь через густые заросли дикого бурьяна, идя по дорожкам то туда, то сюда. Наконец, он вошел в большой дом. Поднялся наверх—ничего особенного. Прошел через весь дом—слышит где-то близко-близко человеческие голоса. Посмотрел в щель—видит: горят две огромных свечи—светло от них, словно днем. Какой-то пожилой человек в шапке ученого сидит, повернувшись в южном направлении, против него пожилая женщина, обоим за сорок. Налево молодой человек лет двадцати с небольшим, а направо—девушка, только-только начавшая делать

себе прическу. Перед ними полный стол вин и закусок, и они сидят за ним, весело разговаривая. Гэн неожиданно для них вошел в комнату и сказал с улыбкой:

— Вот, пришел незванный гость.

Все в испуге бросились бежать и скрылись. Один старик вышел из-за стола и закричал, кто это такой тут пришел в чужие покои.

— Это мои покои,—отвечал студент.—Вы изволили их занять, сами сидите и пьете такое чудесное вино, а ни разу не пригласили владельца дома. Не будьте уж слишком жадным скрягой!

Старик внимательно посмотрел на студента и сказал:

— Вы не владелец.

— Я шалый студент,—сказал Гэн,—Гэн Цюйбин, племянник владельца.

Тогда старик, почтительно приветствуя его, сказал:

— Я давно уже знаю вас. Смотрю на вас с восхищением, с уважением, как смотрят люди на звезды Ковша (Северной Медведицы) или на святую гору Тай.

Сказал, поклонился студенту и ввел его в комнаты, крикнув слугам, чтобы убрали стол и подавали снова. Студент воспротивился и остановил его. Старик стал наливать вино.

— Мы с вами,—говорил ему студент,—как бы одной семьи, и не следует вашим, знаете, от меня убежать. Прошу вас вернуть их сюда выпивать вместе с нами.

Старик крикнул:

— Сяозр.

В комнату откуда-то вошел молодой человек.

— Вот мой поросенок,—сказал старик.

Молодой человек сделал приветствие и сел. Стали по-немногу расспрашивать друг друга о родне и происхождении. Старик назвался Ху Ицзюнь. Студент всегда увлекался, и от его разговора веяло живым духом. Сяозр был тоже человек с огоньком. И вот, они, откровенно и искренне высказываясь, сильно друг другу понравились. Студенту было 21 год: он был на два года старше Сяозра, и решил считать его, как бы, своим младшим братом.

— Я слышал,—говорил старик,—что ваш дед составил

«Повествование о горе Ту*) (Ту Шань вайчжуань)». Знаете ли вы его?

Студент отвечал, что знает. Старик сказал:

— Я потомок Ту'ской девы (лисы). После Тана**) нашу родословную я еще могу вспомнить, но что было ранее, при Пяти Сменах***) у меня нет никаких сведений. Осчастливьте нас, сударь, дайте нам от вас услышать об этом и поучиться!

Тогда студент изложил им в общих чертах историю о том, как Ту'ская дева помогла Юю в его титанических трудах. Рассказывая, он выражался мастерски, ярко, красочно, и чарующие нити повести били жизнью, как родник или фонтан.

Старик пришел в восхищение.

— Какое счастье, что мы сегодня узнали то, о чем раньше не слыхали! Наш молодой господин, оказывается, нам не чужой. Попроси-ка сюда маму и Цинфын, пусть послушают вместе с нами и узнают о доблестях наших предков.

Сяоэр прошел в комнаты за занавесями, и сейчас же оттуда вышла старуха с девушкой. Гэн пристально взгляделся и увидел нежные формы, рождающие грацию, глаза чистые, как осенние воды, и струящие блеск ума... Среди людей не будет второй такой красавицы.

Старик указал пальцем на старуху и сказал:

— Это моя старая карга.

Затем, указывая тем же жестом на девушку, добавил:

— А это Цинфын. Она мне, старому хрычу, как бы дочь. Чрезвычайно, знаете, способна. Что увидит, услышит, сейчас же запомнит и уже не забывает. Вот почему я и позвал ее послушать вас.

Студент кончил рассказывать и стал пить. Пил и смотрел на девушку пристальным упорным взглядом остановившихся глаз. Та, чувствуя на себе этот взгляд, опустила голову. Студент исподтишка, незаметно нажал ногой

*) Предание гласит, что древний император Юй (23 век до Рожд. Хр.), распределяя воды Китая после потопа, дошел до горы Ту. Вечерело. Юй боялся, что в темноте он произведет неверные измерения, и решил... жениться на фее горы, чтобы получить какое-нибудь знамение. И явилась к нему белая лиса, с девятью хвостами, которые он счел за предвестие царского трона. Он женился на ней, дав ей имя Нюй Цзяо.

**) Древний император Яо (Тао Тан) умер, будто бы, в 2258 г.

***) Древние государи Фу Си, Шэнь Нун, Хуан Ди, Шао Хао и Чжуань Сюй.

на ее лотосовый крючок*), но она быстро отдернула ножку, хотя не проявила гневного неудовольствия. У студента захватило дух и мысли, которые стали куда то вздыматься и лететь. Он не мог с собой справиться, хлопнул по столу и крикнул:

— Вот бы мне такую жену! Не поменялся б я тогда и с сидящим на троне к югу лицом царем Китая!

Старуха, видя, что студент начинает пьянеть и возбуждаться до неистовства, поднялась и ушла с девушкой в занавес.

Студент потерял всякую надежду, простился со стариком и вышел. А сердце так и крутило, так и кружило — не мог забыть он своего чувства к Цинфын. Наступила ночь, и он снова пошел в дом. Там, правда, еще стоял запах орхидеи и мускуса, но было полное безмолвие, и ни звука, ни кашля не мог он уловить, сосредоточенно внимая и ожидая всю ночь.

Придя домой, он стал предлагать своей жене забрать все имущество и идти туда жить, в чайнии хоть раз встретит Цинфын, но жена не соглашалась. Тогда Гэн пошел туда один. Сел и стал читать в первом этаже. Только что он расположился ночью возле стола, как вбежал чорт с всклокоченными волосами и черным, как лак, лицом. Вытащил глаза и стал смотреть на студента. Тот улыбнулся, обмакнул палец в растертую тушь и давай себе мазать лицо. Намазал и, сверкая глазами, стал тоже в упор смотреть на беса. Тот сконфузился и убежал.

На следующую ночь, дождавшись очень позднего времени, он погасил свечу и решил лечь спать. Вдруг слышит, что с той стороны дома кто-то открывает двери, открыл и прикрывает. Студент быстро вскочил и пошел смотреть. Видит, дверь на половину открыта. Вслед за тем, слышатся чьи то мелкие, мелкие шажки, и из комнаты показывается пламя свечи. Смотрит—это идет Цинфын. Увидев неожиданно студента, испугалась и сейчас же пошла назад, быстро хлопнув за собой обе двери. Студент стал на колени и обратился к ней с мольбой:

— Я, ничтожный, маленький студент, не ушел от опас-

*) Искалеченную миниатюрную ножку.

Ляо Чжай. Рассказы, т. I.

ности, не убежал от злого лиха... Это только из-за вас. Какое счастье,—смотрите—здесь никого нет! Дайте мне только раз пожать вашу ручку и улыбнитесь мне... Пусть умру тогда,—не жаль!

Девушка отвечала ему издали:

— Разве ж я не знаю про вашу глубокую и нежную-нежную любовь ко мне? Но, ведь, заповеди девичьего терема строги, и я не смею вас слушаться.

Студент продолжал умолять:

— Я не дерзаю надеяться на сближение наших тел. Дайте только разок взглянуть на вас—вот и довольно будет с меня!

Девушка, повидимому, соглашалась, открыла двери и вышла. Гэн схватил ее за руки и потащил, весь полный неистовой радости, прямо в нижние комнаты, схватил ее, обнял и посадил на колени. Она говорила ему:

— Счастье, что судьба наша заранее предreshена, и после сегодняшнего вечера уже не стоит обо мне думать.

Студент спросил, что за причина.

— Мой дядя,—отвечала она,—боится ваших неистовств и, желая вас отпугнуть отсюда, превратился в злого беса, но вы и не пошевелинулись. Теперь решили переехать в другое место, и вся семья уже перебралась туда, со всеми вещами, а я осталась караулить, но уйду рано утром.

Сказала и хотела уйти, говоря, что боится, как бы не пришел дядя. Студент силой удерживал ее; ему хотелось слиться с ней в радости...

Только что они все это договорили, как вдруг вошел старик. Девушка, полная стыда и страха, ничего не могла сказать в свое оправдание, опустила голову, прислонилась к кровати и стояла молча, теребя свой пояс.

— Дрян!—кричал ей сердито старик,—ты опозорила мой дом. Пошла вон отсюда! Попробуй не убраться сейчас же, я тебя погоню плетью.

Девушка с опущенной головой быстро убежала. Старик тоже ушел. Студент бросился им вслед и стал прислушиваться. Слышит брань на все лады и судорожные рыдания Цинфын, прерываемые проглатываемыми слезами. Душу студента резало, как ножом, и он громко закричал:

— Вся вина во мне, ничтожном студенте. При чем здесь

Цинфын? Если простите ее, режьте меня, пишите меня, рубите меня,—я все готов стерпеть...

Стоял и кричал еще долго, но было уже тихо. Тогда он лег спать.

С этих пор в доме не было слышно ни звуков, ни шорохов. Дядя Гэн, узнав об этом, подивился, и когда студент захотел купить дом для жилья, то он не торговался, а тот с радостью забрал своих и переселился. Он был очень рад, что все это так удалось, и ни на секунду не забывал своей Цинфын.

Как-то раз, возвращаясь домой с могил во время весеннего праздника, он увидел двух маленьких лисиц, которых гнала собака. Одна из них убежала и скрылась в густой траве, а другая металась в страхе по дороге, глядела на студента и нежно-нежно жалобно выла, с'ежившись и прижав уши, словно прося у него помощи. Студент сжался над ней, расстегнул свой халат, сунул ее туда и принес домой. Заперся, положил ее на кровать—оказывается, это Цинфын. Страшно обрадовавшись, бросился утешать ее и расспрашивать.

— Я только что играла со служанкой,—рассказывала Цинфын,—как вдруг попала в эту беду. Не будь вас, мне обязательно пришлось бы найти себе могилу в собачьем брюхе. Пожалуйста, не смотрите на меня, как на тварь и не презирайте.

— Я мечтал о тебе, я думал о тебе целые дни. И ногами во сне с тобой была слита моя душа. Увидел тебя я теперь—словно родное сокровище нашел. Как можешь ты говорить о презрении?

— Такова, значит, судьба, небом нам отсчитанная,—говорила дева.—Не было бы этого переполоха, разве могла я к тебе придти? Однако, и счастье же нам! Ведь, прислуга обязательно скажет, что я уже погибла. Значит, я могу с тобой быть теперь в вечном союзе.

Студент обрадовался и поселил ее в отдельном доме. Прошло два с чем-то года. Как-то ночью он сидел и занимался. Вдруг вбегает к нему Сяоэр. Гэн прервал занятия и стал удивленно расспрашивать, откуда это он. Сяоэр упал на пол и, убитый горем, говорил:

— Моему отцу грозит сейчас неожиданная опасность и,

кроме вас, некому помочь. Он сам хотел явиться к вам и умолять о помощи, но боялся, что вы его не примете. Вот он и послал меня...

Гэн спросил, в чем дело.

— Знаете ли вы,—стал рассказывать Сяоэр,—третьего Мо?

— Еще бы,—это сын моего ровесника и товарища!

— Так вот, он завтра здесь будет. Если он привезет пойманную лису, разрешите надеяться, что вы ее возьмете и оставите у себя.

— Видите ли,—отвечал на это студент,—тот стыд и оскорбление, которые я претерпел тогда, так и горят в моей душе. О чем другом я не позволю и говорить, но, если уж вы хотите, чтобы я оказал вам эту небольшую услугу, то извольте, я готов, но не иначе, как если здесь будет у меня Цинфын.

Сяоэр заплакал и сказал:

— Сестренка Фын, вот уже три года, как умерла в поле.

— Ну, когда так,—промолвил студент, оправив платье,—мне еще больше досадно и неприятно.

Взял книгу и стал громко читать, не обращая на молодого человека никакого внимания. Тот вскочил, рыдал до хрипоты, закрыл лицо руками и выбежал вон. Студент пошел к Цинфын и рассказал ей, что было. Та побледнела.

— Что же? Ты спасешь его или нет?—спросила она с тревогой в голосе.

— Спаси-то спасу,—отвечал он,—но я не обещал, просто желая отплатить за грубость старика!

Дева обрадовалась и сказала:

— Я осталась ребенком сиротой и он меня вырастил. Правда, он тогда так провинился перед тобой, но, ведь, того требовала строгость семейных нравов.

— Конечно,—соглашался студент.—Однако, он сам виноват, что я не могу говорить об этом без раздражения, и если бы ты, действительно, умерла, я бы, конечно, не стал ему помогать.

— Ну и жестокий же ты человек,—смеялась Цинфын.

На следующий день, действительно, приехал Мо, на коне в роскошной сбруе, с колчаном стрел из тигровой

шкуры, в сопровождении толпы слуг. Студент встретил его у ворот. Видит—охотничьей добычи очень много, и среди нее черная лисица, у которой вся шерсть в темной крови. Потрогал,—тело под кожей еще теплое. Сказал, что у него порвалась шуба, и просил дать ему на починку. Мо с радостью отвязал и отдал, а он передал лисицу в руки Цинфын, сам же уселся с гостем пить.

Когда тот ушел, Фын прижала лисицу к груди, и та через три дня ожила, повертелась и превратилась опять в старика. Он поднял глаза, увидел Фын и подумал, что он не среди людей.

Фын стала рассказывать, как все это было. Старик поклонился студенту и сконфуженно извинился за прежнее. Затем, глядя радостно на Фын, говорил:

— Я всегда думал, что ты не умерла. Так вот и оказалось!

Затем дева стала просить:

— Если ты меня любишь,—говорила она студенту,—пожалуйста, предоставь мне опять прежний дом, чтобы я могла моего дядю потихоньку откормить.

Студент изъявил согласие. Старик, красный от волнения и смущения, поблагодарил, откланялся и ушел. С наступлением ночи, действительно, явилась вся семья, и с этих пор стали жить, как отец с сыном, не враждуя и не чуждаясь. Студент жил в своей кабине, куда Сяоэр заходил от времени до времени поболтать. Жена Гэна родила мальчика. Когда он вырос, дали ему Сяоэра в учителя. Он отлично учил и вид имел настоящего наставника!

ЛИС-НЕВИДИМКА, ХУ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Чжан Сюйи из Лайу был второй брат нашего инспектора Чжан Даои, человек характера независимого, свободолюбивого, ничем себя не стесняющий. Узнав, что в их городе есть дом, в котором поселились лисицы, он честь честью взял в карман свой визитный листок и пошел знакомиться, рассчитывая повидать лису хоть раз. Придя к воротам, он сунул листок в дверную щель и стал ждать. Вскоре двери сами растворились, а слуга, увидав его, в сильном изумлении попятился и затем быстро ушел. Чжан, оправив платье, вошел в дом с вежливой почтительностью. Видит—в гостиной стоят столы и диваны—красиво так, изящно, но не слышно никого и не видно. Чжан сложил руки в приветствие и сказал тоном мольбы или заклęcia:

— Я, ваш покорнейший слуга, прихожу сюда с полным благоговением и предварительно попостоясь. Раз уже вы, бессмертный и блаженный, не отринули меня, как человека, не имеющего с вами ничего общего, то почему же, наконец, не угодно вам осчастливить меня своею светлой лучезарностью?

В ответ на это он вдруг слышит, как кто-то в пустой комнате ему говорит:

— Изволили дать себе труд, сударь, завернуть ко мне! Вот уж можно сказать, как у Чжуан-цзы *), что стук шагов ваших действует словно на анахорета в безлюдном ущелье гор. Прошу вас занять место и подарить меня своим поучительным словом.

И Чжан сейчас же увидел, как два кресла пододвинулись сами собой друг против друга. Только что он сел, как

тотчас же появился красный поднос из резного лака, на котором стояли две чашки с чаем, и повис в воздухе перед глазами Чжана. Затем гость и хозяин взяли по чашке и стали пить. Слышно было прихлебыванье, но самого человека видно не было. Кончили чай, перешли на вино. Стали расспрашивать друг друга о чинах и службе. Невидимый сказал о себе, что его зовут Ху, среди братьев он четвертый, а что здешние люди зовут его баричем. Угощая Чжана, он рассуждал с ним о том, о сем, и по мыслям и по духу сильно ему нравился. А подавались все отменные яства, приготовленные из черепах, и оленина в перемежку с душистым перцем и специями. Слуг, подававших вино и кушанье, было, повидимому, весьма много. После вина Чжану сильно захотелось чаю—и только что эта мысль начала чуть-чуть шевелиться, как душистый чай уже был подан на стол. И вообще, чего бы он не пожелал, все решительно подавалось сообразно его мысли. Чжан пришел в полный восторг... Отправился домой только тогда, когда был совершенно пьян.

С этой поры он стал обязательно наведываться к Ху, едва дав пройти трем-четырем дням. Ху тоже от времени до времени появлялся в доме Чжана, и вообще, у них установилось взаимное гостеприимство.

Однажды Чжан спросил лиса насчет старой колдуньи, живущей в южном городе, которая все время занималась тем, что выживала от больных деньги, уверяя их, что она действует силою лисьего божества, так вот, не знает ли он эту волшебную лисицу, поселившуюся в доме колдуньи.

— Она все врёт,—отвечал Ху,—никакой там, на самом деле, лисицы нет.

Вскоре Чжан встал, чтобы пойти помочиться, и вдруг слышит шопот:

— Вы только что вот говорили о старухе из южного города, колдующей от имени лисицы. О ней вам ничего неизвестно, что она за человек,—не так ли? Мне хотелось бы сопроводить вас туда к ней и посмотреть, что там такое. Пожалуйста, не откажите замолвить словечко за меня перед хозяином, чтобы он разрешил.

Чжан понял, что ему говорит лис-слуга, и сказал:

— Ладно.

*) Китайский философ и поэт IV в. до Р. Хр.

Затем, вернувшись к столу, он стал просить лиса:

— Я хотел бы взять одного или двух из ваших слуг, чтобы пойти с ними разузнать насчет этой лисей ведуньи. Усердно прошу вас дать им соответственное распоряжение.

Лис сказал решительно, что не стоит этого делать, но Чжан заговорил еще и еще раз об этом, и тогда лис дал согласие. Когда вслед за этим Чжан вышел, то увидел, что сама собой подошла лошадь, которую, однако, словно кто-то вел. Чжан сел и поехал, а лис говорил ему по дороге:

— Вы, господин, по дороге заметите, что вам на одежду будет попадать мелкая пыль: это от нас—мы будем ехать сзади.

И так все время они разговаривали, пока не приехали в город, и затем к старухе.

Старуха, увидев Чжана, вышла ему навстречу с улыбкой и сказала:

— Дорогой барин! Что это вы вдруг изволили пожаловать?

Чжан спросил ее:

— Вот я слышал, что у тебя в доме завелась какая-то особенно чудотворящая лисица, которая по твоей молитве все делает. Так это или нет на самом деле?

Старуха, сделав важный вид, отвечала ему:

— Барину не следовало бы говорить то, что мелет какой-нибудь простой человек на улице. Зачем вы вдруг так прямо и говорите: какая-то лисица? Боюсь, как бы не прогневалась Сестра-Цветочек в моем доме.

Не успела она окончить своей речи, как в воздухе появился обломок кирпича и ударил колдунью по руке. Та зашаталась и чуть-чуть не упала.

— Барин, ваша милость, за что вы ударили старуху?—спросила она его с ужасом.

— Ты никак ослепла, старая,—смеялся Чжан.—Где это видано, чтобы человеку разбили череп, а он обвинял бы в том постороннего человека, стоящего, засунув руки в рукава?

Колдунья, в полном недоумении, не знала, что делать... Пока она озиралась да ахала, ее снова ударило камнем. Она свалилась, а на нее полетела всякая мерзость и грязь,

покрывшие ей все лицо, которое стало похоже на чорта. Она выла и стонала, прося Чжана велеть, чтоб это прекратилось. Чжан стал просить пощадить ее, и, действительно, все остановилось. Колдунья вскочила и убежала к себе в комнаты, закрылась и не решалась уже выйти.

— Ну, что,—кричал ей туда Чжан,—твоя лиса похожа на мою или нет?

Колдунья принялась извиняться и каяться в своих проступках. Чжан поднял голову и, обратясь в пространство, велел больше старуху не бить. Та робко-робко вышла из комнаты, и Чжан шутиливо отчитал ее, а потом вернулся домой.

С этого дня каждый раз, как ему случалось идти куда-нибудь одному по дороге, он замечал сзади себя мелкую пыль, летящую на него легкими волнами. Тогда он громко обращался к лису, и тот сейчас же отвечал, так что ошибки никогда не было. И благодаря лису, Чжану теперь нечего было бояться ни волка, ни тигра, ни злодея.

Так прошло больше года. Чжан еще теснее сдружился с лисом. Как-то он спросил лиса, сколько ему лет. Тот решительно не мог вспомнить. Сказал только, что видел мятеж Хуан Чао *) и помнит его, словно это было вчера.

Как-то раз вечером они сидели и беседовали. Вдруг в стене послышался какой-то свистящий шум, очень резкий. Чжан с удивлением спросил, что это такое.

— Это, наверное, мой старший брат,—отвечал Ху.

— Почему же вы не приглашаете его с нами посидеть?—полюбопытствовал Чжан.

— Видите ли,—объяснил ему Ху,—его путь к вечному Дао еще слишком нетверд. Пока он только и любит, что таскать кур и жрать их: пожрет—и доволен.

Чжан говорит затем как-то лису:

— Про такую чудесную дружбу, как у нас с вами, можно, действительно, сказать, что она безоблачна, а ведь, я так и не видел ни разу вашего лица. Знаете, очень уж мне это досадно!

*) Лидер мятежников и кратковременный император Китая, потрясший всю страну и окончательно обессиливший великую династию Тан. Ум. в 884 г. Значит, до рассказа Ляо Чжая прошло восемь с лишним веков.

— Пусть только будет крепка наша дружба,—отвечал лис,—этого и достаточно... К чему вам видеть мое лицо?

Однажды лис устроил выпивку, пригласил Чжана и сказал, что он с ним должен проститься.

— Куда это вы?—спрашивал Чжан.

— У меня имение в Шаань (Шень Си), так я иду домой. Вот еще что: вы часто жаловались, что не видели меня в лицо. Вот теперь прошу вас запомнить черты вашего многолетнего друга, чтобы как-нибудь потом вы могли узнать меня.

Чжан осмотрелся вокруг—нигде ничего не видно.

— Пожалуйста приоткройте дверь в спальню: я там.

Чжан сделал так, как было сказано, приоткрыл дверь и взглянул: в спальне сидел красивый юноша, смотрел на него и смеялся. Он был великолепно одет, нарядный, как бабочка. Брови и глаза были у него словно на картине. Миг—и он стал опять невидимкой. Чжан повернулся и пошел, а за собой слышал стук туфель, шаг за шагом, его провожающих.

— Ну, сегодня я успокоил ваше неудовольствие,—говорил голос.

Чжан отвечал, что он так привязался к лису и так нежно его любит, что не вынесет разлуки.

— Разлука, как и сближение, имеет свое положенное время,—утешал его лис.—Можно ли давать волю своим чувствам, горящим, независимо от присутствия или отсутствия друга?

Взял большой кубок вина и просил Чжана пить. Сидели и пили оба до полуночи, когда, наконец, лис проводил Чжана, с нарядным шелковым фонарем в руках, до самого дома. Чжан все-таки утром пошел в дом посмотреть, но нашел только пустые стены разрушенного дома—и больше ничего.

Впоследствии его дядя (Чжан) Даой был назначен инспектором по ученой части в Сычуань. Чжан, который был попрежнему честен, но беден, узнав о его приезде, пошел его навестить, сильно рассчитывая от него пожиться. Однако, через месяц с небольшим, вернулся домой в полном разочаровании, ибо пришлось от всех этих надежд отказаться. Он сидел на лошади и горько вздыхал,

растерянный и убитый, словно у него погибли жена или друг. Вдруг его стал нагонять какой-то молодой человек верхом на сером коне. Чжан оглянулся. Видит, что шуба и конь у всадника отменно красивы, и вид, вообще, интеллигентного человека, и решил вступить с ним в легкий разговор. Юноша, убедившись, что Чжан не в духе, спросил, что с ним, и тот со вздохом объяснил, в чем дело. Юноша стал его всячески уговаривать. Так они проехали вместе с полверсты, до перепутья, где юноша, приветливо откланявшись, стал прощаться и сказал ему:

— Там впереди, на дороге, стоит человек, который вручит вам вещицу от вашего друга. Пожалуйста, примите ее с улыбкой и не придавая особого значения.

Чжан хотел расспросить его по этому поводу, но тот стегнул лошадь и усакал. Так Чжан и не понял, откуда все это.

Через версту—две он увидел слугу с небольшой шка-тулкой в руках, которую тот протягивал ему, поднося к коню и говоря:

— Барин мой, Ху Четвертый, свидетельствует вам, господин, свое почтение и шлет вот это.

Чжан вдруг все понял, словно озаренный. Принял шка-тулку, открыл—смотрит: полным-полно сияющего серебра. Только что обернулся к слуге, но того и след простыл.

ЗЛАЯ ТЕТУШКА ХУ.

В доме Ио Юйцзю из Иду поселилось лисье навождение. Белье, одежда, всякая утварь—все выбрасывалось, все летело к соседской стене. Хотели однажды взять тонкого полотна из домашнего запаса. Смотрят: штука свернута, как полагается, а развернули—оказалось, что сверху и с боков цело, а внутри пусто, вырезано ножницами. И все в таком роде. Не выдержав долее этих мучений, стали осыпать лису бранью.

— Боюсь, лиса услышит,—предупреждал и останавливал Ио.

— Я уже услышала,—кричала лиса с потолка. И бесовская сила стала еще упорнее.

Однажды, когда муж и жена лежали в постели и еще не собирались вставать, лиса сдернула с них одеяло и одежду и утащила. И вот они, притулясь кое-как и забелев телами на кровати, стали жалобно умолять, глядя в пространство. Вдруг видят: входит женщина из окна и бросает им на кровать одежду. С виду она была невысокого роста и не старая. Одежда на ней оказалась темно-красная, сверху надета была доха-безрукавка, в рисунке из снежных лепестков. Ио надел платье, сделал почти-тельное приветствие и сказал:

— Вышняя фея, вам угодно было снизойти до нас своим вниманием. Не тревожьте нас—и мы попросим вас быть нашей дочерью. Как вы на это взглянете?

— Я старше тебя,—отвечала лиса.—Чего это ты лезешь величаться? Отец тоже!

Ио просил ее быть ему сестрой. На это она согласилась, и Ио велел всем в доме величать ее тетушкой Ху.

Как раз в это время в семье сына Яньчжэньского Чжана тоже поселилась какая-то лиса, взяв себе второй этаж. Она постоянно разговаривала с людьми. Ио спросил свою лису, знает ли она эту.

— Еще бы не знать,—отвечала она,—ведь, это тетушка Си из моей же семьи!

— Но, ведь, она, эта тетушка, никогда не тревожит людей,—не унимался Ио,—почему же вы ей не подражаете?

Однако, лису это не убедило, и она мучила всех по-прежнему, при чем больше всех прочих она морочила невестку Ио, у которой туфли, чулки, шпильки, серьги постоянно оказывались валяющимися на дороге. За обедом в своей чашке с похлебкой та постоянно находила то погребенную в жиже дохлую крысу, то испражнения, и, вообще, мерзость. Женщина тогда бросала чашку и ругала лису блудливой потаскухой, и никогда, вообще, не обращалась к ней с мольбой и просьбой.

— И мужчины и женщины,—заклинал ее Ио,—все они величают тебя тетушкой. Отчего же ты не ведешь себя, как старшая для них?

— Вели своему сыну выгнать свою жену, и чтоб я была твоей невесткой, тогда оставлю вас в покое.

— Похабная лиса,—бранила ее невестка,—бестыжая! Ты, чтож, захотела мужчину у людей отбивать?

В это время она сидела на сундучке с платьем. Вдруг видит, что у нее из-под сиденья валит густой дым, и ящик стал пахнуть и раскалится—словно то была духовка. Открыла, посмотрела—весь запас платьев истлел. Остались две-три штуки, и те все не ее, а свекрови.

Затем лиса опять хотела заставить сына Ио выгнать свою жену. Тот не согласился. Через несколько дней стала его торопить, но тот не соглашался по-прежнему. Лиса разозлилась, стала швырять в невестку камнями. Рассекла и проломила ей лоб... Кровь так и полила, женщина чуть не умерла. Ио приходил в отчаяние все сильнее и сильнее.

Ли Чэнбо из Сишаня отлично наговаривал воду. Ио пригласил его, предложив заплатить. Ли развел золото и написал на красном шелку талисман. Писал целых три дня, и тогда только сказал, что готово. Затем он привязал к полке зеркало, схватил за полку, как за рукоятку, и по-

шел наводить зеркало повсюду по дому, при чем велел своему мальчику идти за ним и смотреть, не покажется ли что-нибудь—тогда бежать бегом и докладывать. Дойдя до одного места, мальчик сказал, что на стене что-то лежит, распластавшись, как пес. Ли сейчас же ткнул пальцем и стал писать заклинание, а потом давай шагать Юй'евым шагом *) по двору. Поворожил он так некоторое время—и вот, все видят, как пришли собаки и свиньи, что были в доме, прижали уши, подтянули хвосты—и с таким видом, словно слушались его распоряжений. Ли махнул рукой и сказал:

— Вон!

И сейчас же все они гурьбой, вытянувшись в струнку, словно рыбы, выбежали вон. Поворожил еще, и сейчас же пришли утки. Он опять выгнал их. Затем пришли куры. Ли указал на одну курицу и громко закричал на нее. Все другие куры ушли, и только эта одна уселась, сложила крылья и стала протяжно хлохтать, говоря по-человечески:

— Я не посмею больше!

— Эта тварь,—сказал Ли,—не что иное, как Малиновая Тетка **), сделанная в вашем же доме.

Все домашние заявили, что такой никто никогда не делал.

— Малиновая тетка,—продолжал утверждать Ли,—сегодня еще здесь.

Тогда начали вспоминать, что три года тому назад, действительно, в шутку сделали эту куклу, и что вся эта бесовщина, все эти странности начались именно с того самого дня. Стали повсюду шарить, и, наконец, увидели, что эта соломенная кукла все еще лежит на балке в конюшне. Ли взял и бросил ее в огонь. Затем он вытащил винный сосуд, три раза поворожил, трижды покричал—и

*) Древний император Юй (23 в. до Р. Х.), приводя в порядок реки своего Китая, страшно устал и захворал. Ноги у него скривились и высохли, и он стал ходить так, что одна нога не могла заходить вперед другой. Китайские заклинатели видят в таком шаге одно из наиболее действительных средств своей ворожбы. Они уверяют при этом, что ходят по созвездиям, и те им, конечно, помогают.

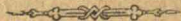
**) Малиновая Тетка—название духа, кукле которого кланяются маленькие девочки, прося у нее хорошей свекрови и, вообще, спрашивая ее, как оракула. При жизни своей она была наложницей, которую преследовала жена того человека, которому она принадлежала. С досады она умерла, и ее мученическая смерть, как везде и всюду это бывает, создала ей поклонение.

курица вскочила и убежала. Тогда в сосуде послышался голос:

— Ну, Ио,—у меня четыре злобы против тебя. Через несколько лет мне придется снова к тебе прийти!

Ио просил Ли бросить сосуд в кипяток или огонь, но тот не согласился, забрал и унес.

Кое-кто видел, что у него на стенах висят несколько десятков таких кувшинов. В тех, горла которых заткнуты, сидят лисицы. Говорили также, что он выпускает их поочередно, для того, чтобы они выходили и делали бесовские наводнения. Это ему дает доход, когда его приглашают для ворожбы, и он держит их, как дорогой товар.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДЕВЯТИ ГОР.

Ли из Цаочжоу был студент уездного города. Семья всегда была из достаточных, зажиточных, но жила нарочно не очень раскидисто и широко. За домом у него был сад в несколько му, который он запустил и на который затем уже не обращал внимания.

Однажды к нему явился какой-то старик и пожелал снять помещение, за которое давал сто лан. Ли отказал, заявив, что никакого помещения у него нет, но старик настаивал:

— Пожалуйста, возьмите деньги,—говорил он,—и затем не обращайтесь внимания и не заботьтесь.

Ли, не понимая хорошенько, что у него на уме, взял деньги, решив посмотреть, что это за странная история.

Через день-два жители этой деревни видели, как во двор Ли стали везжать телеги, полные многочисленных домохозяев, которые сидели на них целыми группами. Все видевшие, приходили в недоумение, зная, что в доме Ли положительно негде поместиться. Спросили Ли—тот ничего не знал и не понимал. Когда же пришел домой, то не заметил никаких следов, даже звуков никаких не слышал.

Через несколько дней старик вдруг является к Ли с визитом.

— Вот уже несколько дней и ночей я провел под кровом ваших палат,—сказал он с изысканной вежливостью.—Пришлось, видите ли, каждую вещь сделать с самого начала и кое-как. Пока ставили печи, пока устраивали кухню, положительно не было времени исполнить то, что полагается жильцу по отношению к владельцу помещения.

Сегодня я дал распоряжение детям сварить кашу и буду счастлив, если вы сообразовались ко мне заглянуть.

Ли пошел за ним, прошел в сад и вдруг увидел, что здесь высятся красивые, отлично построенные дома, совершенно новые. Затем он вошел в дом, и там мебель и обстановка блистала отменной красотой. Котел с вином кипел под навесом, в кухне кружил пар из чайника. Тут же стали разливать вино и разносить кушанья в высшей степени вкусные, сладкие, отборные. Все время было видно, как по двору взад и вперед бегают многочисленная молодежь, и слышны милые, приветливые голоса ребятишек. В женских помещениях, за их пологам и занавесами, слышен смех и говор, а домашней прислуги—так уж той, повидимому, не менее, как несколько десятков, а то и вся сотня. Ли решил про себя, что это лисицы, и, вернувшись с обеда, затаил желание истребить их.

Он стал ходить на базар и покупать серу и селитру. Накупив несколько сотен фунтов, он постарался незаметно рассыпать все это в саду, и когда все было обсыпано, он разом повсюду поджег. Пламя взвилось к небу и слилось со звездами и Млечным Путем, клубясь, как черный вещий гриб линчжи*). Вонь горелого и режущие глаз тучи пепла мешали подойти поближе, и только слышны были громкие вопли, плач, рев, крики суеты, все это в диком хаосе звуков, положительно оглушавших. Когда пожар стал потухать, Ли пошел посмотреть. Мертвые лисицы покрывали собой все пространство, и их обугленные головы с палеными мордами валялись неисчислимыми кучами. Только что он стал все это рассматривать, как откуда-то появился старик и с сильным раздражением, отнюдь не скрываемым, стал выговаривать Ли:

— Ведь, мы никогда не ссорились, и я вас не обижал. За ваш сад, заброшенный пустырь, я дал вам сто лан в год, что, конечно, не мало. Как же вы позволили себе всех нас так уничтожить? Такое редкостное злодейство без отмщения никогда не остается...

Сказал и в сильном гневе исчез...

*) Фантастический гриб: тот, кто его поест, становится долголетним или даже бессмертным.

Ли стал бояться, что лис начнет швырять в него камни и наделает этим беды, но прошло больше года, и ничего: ни малейшей чертовщины, никаких странностей.

Это дело было в первый год государя Шуньчжи (1644). В горах Шаньдуна (где жил Ли) стали обнаруживаться банды мятежников, пересвистывающихся и скапливающихся десятками тысяч: никакой губернатор, конечно, не мог их изловить. Ли, у которого была на руках большая семья, с тревогой задумывался каждый день, как бы уйти от мятежа. Как раз в это время в его деревне появился гадатель-астролог, называвший себя старцем из Наньшаня. Он указывал человеческую судьбу, добрую и злую, с такой отчетливой определенностью, словно видел ее собственными глазами, и слава его гремела. Ли пригласил его к себе в дом и просил исчислить, сколько ему жить. Старец в крайнем изумлении вскочил и стал в почтительно-благоговейную позу:

— Здесь передо мной настоящий, подлинный царь, — проговорил он.

Ли, услышав это, страшно испугался и начал говорить, что, ведь, это же вздор, но старец с самым серьезным лицом положительно это утверждал, и Ли не то верил, не то сомневался.

— Ну, как же может быть, — сказал он, наконец, — чтобы так вот, голыми руками можно было принять волю неба на воцарение?

— Неправда, — возражал старец, — с самой глубокой древности, наши цари и государи в большинстве случаев, кажется, восставали из простых людей. Да и кто, в самом-то деле, бывал сыном неба от рождения?

Ли пришел от всего этого в восхищение, пододвинулся ближе к старцу и просил его быть при нем. Старец с величайшей решимостью взял на себя роль знаменитого Лежащего Дракона*) и просил Ли прежде всего приготовить, несколько тысяч лат и шлемов, а также луков и самострелов. Ли выразил опасение, что к нему никто не пристанет, но старец возражал ему:

*) Прозвание, данное Чжугэ Ляну, министру и главному советнику одного из трех претендентов на всекитайский престол в III в. по Р. Хр. Он, как министр, мог быть, конечно, только «лежащим» (т. е. скрытым, скромным) драконом в отличие от «Взвившегося» и летящего по небу, над землей, т. е. государя людей.

— Подданный Вашего Величества, — говорил он, — просит разрешения соединить под Вашей властью все горные группы, вступить с ними в договор, полный глубокого значения и совершенно определенный. Стоит только мне сказать, что Великий Князь есть Истинный Сын Неба, как войска и командиры горных масс сейчас же и непременно откликнутся мне, как эхо.

Ли обрадовался и отправил старца в путь. Затем он вынул все свои запасы серебра и наделал на это военные доспехи.

Старец вернулся лишь через несколько дней и докладывал:

— Благодаря обаянию и счастливой судьбе Вашего Величества, а также трехвершковому языку Вашего покорного слуги и подданного, все без исключения горы изъяснили желание схватить свои нагайки и мчаться под Ваши знамена.

Действительно, в течение десяти дней к нему пристало, как к повелителю, несколько тысяч. Он теперь назначил старца главным полководцем, водрузил себе огромное знамя и роздал целый лес полковых значков. Захватил горы, устроил в них себе ставку, и имя его, сила и могущество уже владели народом, действуя на него, как грозные раскаты грома. Начальник уезда собрал свои войска и явился его покорять, но старец, став во главе мятежных банд, разбил его наголову. Начальник в страхе и смятении бросился к областному Яньскому правителю, донося о грозном и критическом положении вещей. Подошло, сделав далекий переход, Яньское войско, но старец опять взял в свои руки мятежников, выступил против правительственных войск, ударил и совершенно рассеял их, при чем убил и ранил командиров и солдат в огромном количестве. Сила Ли становилась все более и более грозной, и банды его насчитывались уже десятками тысяч. Теперь он возвел себя в княжеское достоинство, назвавшись Великим Князем Девяти Гор (Цзюшань).

Затем старец стал тревожиться, как бы не было недостатка в лошадях. Но как раз случилось так, что из столицы посылали в южные губернии лошадей. Старец отрядил партию своих банд, которые в одном удобном месте отняли

всех лошадей, и с этих пор имя Великого Князя Девяти Гор гремело уже повсюду. Тогда он дает старцу титул «Великого Вождя, защищающего династию», и остается себе пребывать в величественном покое среди своего горного гнезда, совершенно открыто и самоуверенно, считая, что день, когда на него наденут желтое императорское облачение, уже близок, остается лишь выждать его.

Шаньдунский губернатор уже собрался выступить против него и отнять лошадей, которых он захватил; тут еще подоспела депеша Яньского правителя, — и вот губернатор отправил несколько тысяч лучших войск, которые пошли шестью путями, окружили горы и стали наступать. Полковые знамена замелькали по всем ущельям и наводнили их... Великий Князь Девяти Гор в страшном испуге послал за старцем, чтобы посоветоваться, но куда тот делся, никто не знал. Князь пришел в крайнее замешательство и положительно не знал, как поступить. Взошел на гору, обратился к наступавшим войскам и прокричал:

— Теперь только я понял, как велика сила Его Величества.

Горы были взяты, Ли захвачен, казнен, и весь его род уничтожен. Он уже догадался, что старец был старый лис, который, значит, отомстил Ли так же истреблением всего его рода

ПОСЛЕСЛОВИЕ РАССКАЗЧИКА.

Вот сидит человек, обнимая свою жену и своих детей; сидит себе, растопырив ноги, без шапки. Где тут убьешь его? Ну, допустим, убьешь, а каким же манером и за что истребишь весь его род? — Нет, план лиса был хитрее!

Однако, его семени на земле уже нет: нет и нет, — хоть поливай, не вырастет. Что до Ли, то уже одно его злодейство с убийством лисиц свидетельствовало о том, что в его сердце имеется корень вора и мятежника. Вот почему лису и удалось вырастить из этого корня побег и затем основать на этом свою месть.

Попробуйте, хоть сейчас, взять первого попавшегося вам на дороге и скажите ему: «Ты — сын неба и царя!» Конечно, не найдется ни одного, который не убежал бы от вас в ужасе. Но смотрите: вы вполне открыто будете им руководить к совершению действия, пахнувшего истреблением рода, а он... он с радостью будет вас слушать. Что жена и дети погибнут, это не заслуживает, конечно, внимания.

Когда, знаете, человек слушает негодные речи, то сначала он возмущен, сердится. Потом он начинает колебаться, а потом верить. И поймет свое заблуждение только тогда, когда погибнут и жизнь его, и имя. Все мы в общем таковы.

ЛИСА НАКАЗЫВАЕТ ЗА БЛУД.

Студент купил себе новый дом и стал постоянно страдать от лисицы. Все его носильные вещи были во многих частях приведены в негодность. Часто также она бросала ему в суп или хлеб всякую грязь и гадость. Однажды к нему зашел его друг, а его как раз не было дома: куда-то ушел, а к вечеру так и не вернулся. Жена студента кое-что приготовила и накормила гостя, после чего вместе со служанкой доедала оставшиеся от гостя хлебцы.

Студент отличался несдержанным характером и охотно пользовался любовным зельем. Известно, когда это случилось, но лиса положила этого зелья в похлебку, и жена студента, поев ее, ощутила запах мускуса. Спросила служанку, но та отвечала, что ничего не знает. Кончив ужин, женщина почувствовала, как в ней вздымается горячий огонь плотского возбуждения, и такой, что нет сил терпеть ни минуты. Хотела силой заставить себя подавить страсть, но распаленный аппетит от этого стал еще сильнее и настойчивее. Стала думать, к кому бы бежать сейчас, но в доме не было мужчин, кроме гостя. Она пошла и постучала к нему в комнату. Гость спросил, кто там. Она сказала, что именно. Спросил ее, что ей надо. Не отвечала. Гость извинился и стал отказываться:

— У меня с твоим мужем дружба по душе и совести. Я не посмею совершить этого скотского поступка.

Женщина всетаки бродила вокруг да около, не уходя прочь. Гость кричал ей:

— Послушай, ты погубила в конец теперь моего друга и брата, со всей его ученой карьерой и репутацией!

Открыл окно и плюнул в нее.

Страшно сконфузясь, женщина, ушла и стала раздумывать: как все это я наделала? И вдруг вспомнила про этот странный запах из чашки: уж не было ли там любовного порошку? Посмотрела хорошенько, действительно: порошок из коробки был там и здесь просыпан по полке, а в чашке это самое и было. По опыту зная, что холодной водой можно успокоить аппетит, она напилась воды, и под сердцем у нее сейчас же прочистилось и прояснилось. Ей стало мучительно стыдно, и она ничем не могла себя извинить. Ворочалась, ворочалась на постели... Уж все ночные стражи окончились. Стало еще страшнее: вот уже рассветает, а как показаться теперь человеку? И вот, сняла пояс и удавилась. Служанка, заметив это, бросилась спасать ее, но дух ее уже слабел и замирал; прошло все утро, прежде чем у нее появилось легкое дыхание.

Гость ночью, оказывается, ушел. Студент же пришел лишь после обеда. Смотрит: жена лежит. Спросил, в чем дело. Не отвечает, а только в глазах стоят чистые слезы. Служанка тогда все рассказала, как было. Студент страшно испугался, пристал с расспросами. Жена высала служанку и, выложила ему все по правде.

— Это мне месть за блудливость, — вздохнул он. — Какая тут может быть на тебе вина? К счастью моему, попался такой честный и хороший друг. Иначе, как мне было бы жить по-человечески?

С этой поры студент ревностно занялся исправлением своего бывшего поведения. А затем и лисица перестала куралесить.

ЛИСИЦА В ФЫНЬЧЖОУ.

У Фыньчжоуского судьи Чжу в жилых комнатах и даже в кабинете было много лисиц. Как-то раз сидит он ночью и видит, что некая женщина ходит у свечи взад и вперед. Сначала он думал, что это жена какого-нибудь из слуг, и потому не удосуживался посмотреть на нее, но, когда поднял глаза, то оказалось, что он вовсе ее не знает. Однако, лицом она была красоты поразительной, и, хотя Чжу понимал, что это лисица, но она ему понравилась, и он сейчас же крикнул ей, чтобы подошла. Женщина приостановилась и сказала, улыбаясь:

— Кто это тебе тут служанка, что ты таким резким голосом обращаешься к человеку?

Чжу засмеялся, встал, взял ее за руку, посадил и стал извиняться. Потом прижался к ней любовно и плотно...

И так они долго жили, как муж и жена. Как-то неожиданно лиса вдруг говорит Чжу:

— Тебя, знаешь, скоро повысят в должности, и уже наступает день нашей разлуки.

Он спросил ее, когда же? Она ответила, что это—вот на носу. Только будет так, что в то время, как поздравляющие будут в его воротах, соболезнующие горю будут у него на родине, и в новой должности быть ему уж не придется.

Через три дня, действительно, пришло известие о повышении в должности, а на следующий день он получил пакет с извещением о смерти матери. Чжу сложил с себя должность и хотел вернуться домой вместе с лисой, но та не сочла это возможным. Проводила его до реки. Он силой потащил ее в лодку, но она сказала ему:

— Ты, конечно, не знаешь, что лисица не может перейти реку.

Чжу не мог вынести разлуки и любовничал с ней на берегу. Лиса вдруг ушла, сказав, что идет повидать свою приятельницу, и через некоторое время вернулась. Тут как раз пришел гость отдать визит, и женщина говорила с ним в отдельной комнате. Когда же гость ушел, она вышла к Чжу и стала проситься сейчас же в лодку:

— Я тебя провожу через реку,—сказала она.

— Ты, ведь только что говорила, что не можешь переехать реку, как же теперь говоришь другое?—удивлялся Чжу.

— Гость, который сейчас приходил,—отвечала лиса,—не кто иной, как бог реки. Я для тебя просила у него особого разрешения, и он дал мне срок в 10 дней на путь туда и обратно. Значит, на это время я еще побуду возле тебя.

Перебрались вместе. Через 10 дней лиса, действительно, простилась и ушла.

КАК ОН ХВАТАЛ ЛИСУ И СТРЕЛЯЛ В ЧОРТА.

Ли Чжунмин был человек храбрый, открытый, не знающий неудовлетворенности и не пятившийся назад. Он был сводным братом Ван Цзиляна, у которого дом состоял из множества зданий, где постоянно видели разную чертовщину. Ли часто летом там жил, ему нравилось сидеть на вышке, когда наступала вечерняя прохлада. Ему говорили о причудах чертовщины, но он смеялся и не слушал, и даже, наоборот, велел там поставить себе кровать. Хозяин дома исполнил его просьбу, но велел слугам спать вместе с барином. Тот отстранил это, сказав, что любит спать один и что всю жизнь не понимал, что такое, вообще, необыкновенное явление. Хозяин велел раздуть в жаровне потухшие курительные свечи, спросил, как ему постлать поудобнее постель, затем задул свечу, прикрыл дверь и вышел.

Ли лег на подушку. Через некоторое время он видит вдруг в лунном свете, что чайная чашка на столе опрокидывается, то встает боком, то вертится и кружится, при чем не падает, но и не перестает двигаться. Ли прикрикнул, и сейчас же возня прекратилась. Потом как будто кто-то взял курительную свечу и стал светить, помахивая ею в воздухе, то туда, то сюда, и образуя фигурные нити. Ли вскочил и закричал:

— Что за тварь, чорт или дьявол, смеет тут быть?

Голый он слез с кровати, желая сейчас же поймать беса. Стал ногой шарить под кроватью, ища туфли, но нашел только одну. Некогда было дальше искать впотьмах,

и вот он босой ногой хватил по тому месту, где было мельканье, и свечка сейчас же воткнулась в жаровню—стало тихо и спокойно.

Ли нагнулся и стал шарить повсюду, во всех темных углах...

Вдруг какая-то вещь прыгнула и ударила его по щеке, и ему почудилось, что это как будто туфля. Припал к полу, стал искать—нет ее, так и не нашел. Открыл дверь, спустился вниз, крикнул слугу, велел зажечь огонь и посветить.—Пусто.—И опять лег спать.

На утро велел нескольким слугам искать туфлю. Перевернули матрацы, опрокинули кровать—неизвестно, где туфля. Хозяин дал ему взамен потерянной туфли другую. Через день-два он как-то случайно поднял голову вверх и увидел туфлю, засунутую в балки; достали ее оттуда, оказывается, это его туфля и есть.

Ли сам был из Иду, но снимал квартиру в доме некоего Суня в Цзы. Дом был огромный, просторный, все помещения были свободны, и Ли занимал только половину их. Южный двор примыкал к высокому дому, отделяясь от него всего одной стеной. По временам было видно, как в этом доме двери сами собой то открываются, то закрываются. Ли не обращал на это внимания.

Как-то раз он разговаривал со своими во дворе. Вдруг появился какой-то человек и уселся лицом к северу. Ростом он был весь фута три. Одет был в зеленый халат и белые чулки. Все тут бывшие стали смотреть на него, указывая пальцами, но тот не шевелился.

— Это—лисица,—сказал Ли, быстро схватил лук и стрелу, нацелил и хотел стрелять, но карлик, увидев это, охнул, словно дразня его, и стал невидим. Ли схватил нож, полез наверх, бранясь и ища—но так-таки ничего и не увидел. Вернулся. Чертовщина после этого прекратилась, и Ли прожил здесь еще несколько лет: все было, как следует быть—без неприятностей.

Старший сын его, Юсань, мой свояк. Все это он видел собственными глазами.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РАССКАЗЧИКА.

Поздно, знаете, я родился. Не удалось самому послушать г. Ли. Но, послушать стариков, это, вероятно, был крупный человек, с большим темпераментом и решительный, что, впрочем, можно видеть, хотя бы из этих двух его приключений. Раз есть в человеке живой и сильный дух, то чорт там или лис,—что они могут с ним поделать?

ФЕЯ ЛОТОСА.

Цзун Сянжо из Хучжоу где-то служил. Однажды осенним днем он осматривал поля и заметил в густоте хлебов необыкновенно сильное движение и колыхание. Недоумевая, что бы это могло быть, он пошел прямо через межи, поглядеть—оказывается, мужчина с женщиной совершают внебрачное соитие. Он расхохотался, и уже хотел идти назад, но увидев, что мужчина, весь красный, завязал кушак и опрометью бросился бежать, а женщина тоже поднялась с земли, он стал ее пристально рассматривать и нашел, что она изящна, мила, очаровательна, понравилась ему очень... Захотелось тут же с нею свиться, но, по правде говоря, застыдился этой гнусной пакости, и стал подходить к женщине понемножку, смахивая с нее пыль:

— Ну что,—сказал он,—эта, как говорится, прбгулка «среди тутов»*), ничего, приятна?

Дева смеялась и молчала. Цзун подошел к ней, стал расстегивать ей платье: тело у ней было жирное и гладкое, как помада. И давай гладить по телу вверх и вниз,—этак несколько раз.

— Ты, студент вонючий... Чего хочешь, так бери... А щупать меня, как оголтелый, это зачем?

Стал спрашивать, как ее зовут...

— Весенний ветерок раз дунет нам страстью,—отвечала она,—и ты направо, я налево. Зачем давать себе труд допра-

*) Глава из классической книги древних стихотворений, отличающаяся фривольностью.

шивать и доискиваться? Ты уж не собираешься ли сохранить мое имя, чтобы написать его на арке, которую ты построишь в честь моей добродетели?

— В пустом поле, среди трав и растений—это делают только деревенские пастухи и свиные подпаски,—возражал Цзун. Я не имею этой привычки. С такой красавицей, как ты, милая, я условлюсь просто с глазу на глаз—и это будет вполне серьезно. К чему бы мне быть таким, как ты говоришь, назойливым и мелочным?

Дева, услыша эти слова, с величайшим удовольствием согласилась и похвалила его. Цзун сказал, что его скромный кабинет отсюда недалеко и что он приглашает ее побывать у него.

— Я уже давно из дому,—сказала дева,—боюсь, как бы дома не подумали чего. В полночь можно будет.

Спросила, где и как расположен дом Цзуна, какие приметы, и, вообще, все в высшей степени подробно. Затем пошла по косой тропинке, заторопилась и побежала.

В начале ночи она и в самом деле пришла в кабинет Цзуна, и вот, полил, так сказать, изнемогающий дождь из набухших туч в их самой полной любовной близости. Прошли месяца, а все было в тайне, и никто ни о чем не знал.

Раз зашел и остановился в сельском храме какой-то иностранец, буддийский монах. Он поглядел на Цзуна и испугался:

— В вас сидит нечистый дух,—сказал он.—Что с вами сделалось?

Цзун отвечал, что ничего не произошло, но через несколько дней вдруг приуныл и захворал. А дева приходила каждый вечер и приносила ему чудесные фрукты, лаская его, заботясь усердно и сердечно—совершенно как жена, любящая своего мужа. Однако, улегшись в постель, она сейчас же требовала, чтобы он, хотя бы и через силу, с ней соединился, а Цзун совсем больной, совершенно не был в состоянии это выдержать. Он понимал уже, что она не человек, но не мог ничего придумать, чтобы отвязаться от нее и прогнать.

— На днях мне говорил наш монах,—сказал он ей,—что меня мутит злое навождение. Вот я и захворал; его слова,

значит, оправдались. Завтра пойду, уломаю его, чтобы пришел ко мне, и буду просить сделать заговор и написать талисман.

Дева при этих словах сделала кислую гримасу и изменилась в лице, после чего Цзун еще сильнее стал подозревать в ней нечистую силу.

На следующий день он отправил человека к монаху и рассказал ему, как обстоят дела.

— Это—лисица,—сказал монах,—чары которой, однако, еще несильны, и ее легко будет засадить в капкан.

Сказав это, написал две полосы талисманских фигур и передал их человеку Цзуна, дав при этом следующее наставление:

— Ты придешь домой, возьмешь чистый жбан из под вина и поставишь его перед постелью больного. Затем тут же налепи один талисман вокруг отверстия жбана и жди, пока лисица туда не влезет. Тогда быстро накрой тазом и на него налепи второй талисман. Затем, поставь в котел и кипяти: лисица сдохнет.

Человек пришел домой и поступил, как велел монах. Была уже глубокая ночь, когда пришла дева. Она достала из рукава золотистых апельсинов, и только что хотела лечь в постель и спросить, хорошо ли больной себя чувствует, как вдруг послышался вой вихря в жбанном горле, и дева была туда втянута. Слуга быстро вскопчил, покрыл жбан, налепил талисман и уже хотел ставить варить, как Цзун, увидев рассыпавшиеся по всему полу золотистые апельсины, и вспомнив всю ее любовь и милое отношение к нему, в порыве сильного чувства и горького отчаяния, велел отпустить ее, содрал талисманы и сбросил крышку. Дева вышла из жбана, шатаясь и в крайнем изнеможении, поклонилась ему до земли и сказала:

— Мое Великое Дао *) уже готово было завершиться, как вдруг в один день я чуть было не превратилась в пепел. Ты—милосердный человек. Клянусь, я непременно отблагодарю тебя!

И ушла. Через несколько дней Цзун еще более ослабел, и слуга побегал в лавку покупать доски для гроба. По дороге он встретил какую-то деву.

— Ты не слуга ли Цзун Сянжо?—спросила она.

*) Надмирная душа, с которой хочет слиться великий святой подвижник.

— Да,—отвечал тот.

— Господин Цзун—мой двоюродный брат. Я узнала, что он очень болен, и собралась уже идти навестить его, но как раз тут подоспели разные дела, и мне не удалось пойти. Будь добр, потрудись передать ему этот пакетик с лекарством, которое прямо-таки творит чудеса.

Слуга взял, принес домой. Цзун стал вспоминать, но никакой двоюродной сестры вспомнить не мог, и понял, что это и есть ответная благодарность лисицы, о которой она говорила. Принял принесенное лекарство, и оно, в самом деле, сильно помогло, так что в какие-нибудь десять дней он совершенно поправился и почувствовал в душе к своей лисе благодарность и умиление, стал молиться ей, обращаясь в пространство и выражая свое желание увидеть ее раз или два.

Однажды ночью он запер двери, сидел и одиноко пил. Вдруг слышит: кто-то легонько стучит пальцем в окно. Отодвинул щеколду, вышел посмотреть—оказывается, дева-лиса. Обрадовался страшно, схватил ее за руки и стал выражать свою благодарность. Пригласил ее остаться и вместе с ним пить.

— С тех пор, как мы расстались,—говорила дева, сердце у меня так и горело беспокойством: мне все казалось, что мне нечем отблагодарить тебя за твою высокую и добрую душу. А теперь я нашла тебе чудесную подругу. Может быть, этим мне и удастся вполне погасить свой долг. Как ты думаешь?

— Кто-же это?—осведомился Цзун.

— Это не из твоих знакомых,—отвечала дева.—Завтра с раннего утра отправляйся к южному озеру и, как только увидишь девушку, рвущую водяные каштаны и одетую в прозрачную креповую накидку, то сейчас же нагоняй ее на лодке. Если потеряешь ее следы, то посмотри у запруды: там увидишь лотос с коротким стеблем, укрывшийся под листком. Сейчас же сорви и поезжай домой. Возьми свечку и подпали стебелек—и получишь красавицу-жену, а вместе с ней и продление своей жизни.

Цзун с вниманием все это выслушал и воспринял. Вслед за тем дева стала прощаться. Цзун упорно удерживал ее и тащил к себе, но она не хотела и говорила:

— С тех пор как со мной приключилась та, помнишь, беда, я вдруг прозрела и поняла Великое Дао. Неужели же я стану теперь из-за любви под одеялом навлекать на себя злобу и ненависть человека?

Сказала это с серьезным, строгим видом, простилась и ушла.

Цзун поступил, как она ему указала. Пришел к южному озеру. Видит: среди лотосов толпами колышутся красивые женщины, а между ними девушка с челкой, одетая в креповую накидку,—красавица, на земле не встречаемая. Быстро погнал он лодку и стал уже ее вплотную настигать, как вдруг потерял всякий ее след. Сейчас же раздвинул гущу лотосов, и в самом деле, нашел красный цветок, у которого стебель был не выше фута. Сорвал и принес домой, где поставил на столе, а рядом с ним огарок свечи. Только что хотел поджечь,—оглянулся—цветок уже стал красавицей. Цзун в крайнем изумлении и радости пал ниц и поклонился.

— Ты, глупый студент,—говорила девушка.—Я, ведь, оборотень лисы и буду твоим мучением!

Но Цзун не хотел и слушать.

— Кто тебя научил?—допытывалась лиса.

— Я сам,—отвечал тот,—твой ничтожный студент, сам сумел тебя узнать, милая. К чему было бы меня учить?

Схватил ее за руку и потащил... И вдруг она упала вслед за движением его руки, упала и превратилась в причудливый камень, высотой приблизительно с фут, весь фигурный, резной, с какой стороны ни взглянь. Цзун взял его, положил с почетом и вниманием на стол, возжег курения, поклонился ему: и раз, и другой, произнося молитвы. Наступила ночь. Он запер все двери, заложил все отверстия—все боялся, что камень уйдет. Утром стал его рассматривать—глядь: опять уж не камень, а креповая накидка, от которой как-то издали доносился запах духов. Раскрыл накидку, и видит, что на воротничке и на груди еще сохранились следы тела. Цзун накрыл накидку одеялом, обнял ее и лег с ней. Вечером он встал, чтобы зажечь свечу; когда же вернулся в постель—на подушке уже лежала девушка с челкой. В безмерной радости, боясь, что она снова изменит свой образ, он сначала умолял ее сжалиться, и тогда только приник к ней.

— Что за несчастье! — смеялась девушка, — кто это в самом деле, дал волю своему языку и наболтал этому сумасшедшему, который на смерть измолол меня...

И больше уже не сопротивлялась. Однако, в самые любовные моменты она делала вид, что больше не может, и все время просила перестать, но Цзун не обращал внимания...

— Если ты так, то я сейчас же изменю свой вид, — грозила дева. — Цзун пугался и переставал.

С этих пор у обоих чувства пришли к полному единению. А между тем, серебро и всякая одежда наполняли сундуки, при чем неизвестно было, откуда все это бралось. Дева в обращении с людьми говорила только „да-да“, словно ее рот не мог выговорить ни слова. Студент тоже избегал говорить о ее чудесных похождениях.

Она была беременна более десяти месяцев. Сосчитала, когда должна была родить, вошла в комнату, велела Цзуну запереть двери, чтобы никто не постучался. Затем сама взяла нож, отрезала себе пуповину, вынула ребенка и велела Цзуну нарвать тряпок и завернуть его. Прошла ночь — и она уже поправилась. Прошло еще 6—7 лет. Как-то раз она говорит Цзуну:

— Мои прежние грехи я искупила полностью, — позволь с тобой проститься!

Цзун, услыша это, заплакал.

— Милая, когда ты ко мне пришла, я был беден и без положения. Теперь, благодаря тебе, я понемногу богатею. Могу ль я вынести, чтобы ты так скоро уже заговорила о разлуке и об уходе куда-то далеко? Кроме того, у тебя, ведь, нет ни дома, ни родных. В дальнейшем, сын не будет знать своей матери — а, ведь, это тоже вещь неприятная, вечная досада.

Дева грустно задумалась:

— Соединение, — сказала она, — влечет разлуку. Это уж непременно и всегда так. Счастье нашего сына обеспечено. Ты тоже будешь долго жить. Чего же вам еще? Моя фамилия Хе *). Если соблаговолишь когда-нибудь вспомнить обо мне, возьми в руки какую-нибудь из моих прежних вещей и крикни: «Третья Хе!» И я появлюсь!

*) Лотос по-китайски тоже Хе, но пишется с легким добавлением четырех черт сверху.

Сказала, и добавила, как бы освобождаясь от земли: — Я ухожу. — И на глазах у изумленного Цзуна она уже летела вверх над его головой. Цзун подпрыгнул, быстро схватился за нее, но поймал только башмачек, который вырвался из рук, упал на пол и стал каменной ласточкой *), красною — красною, ярче киновари, причем снаружи и изнутри сияла и переливалась, словно хрусталь. Цзун подобрал ее и спрятал. Пересмотрел вещи в сундуке. Нашел там креповую накидку, в которую она была одета, когда появилась впервые.

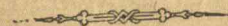
Каждый раз, как вспоминал о деве, он брал в руки накидку и кричал:

— Третья!

И перед ним являлось полное подобие девы, с радостным лицом и смеющимися бровями. Совершенно, как живая. Только вот что не говорит!

Друг рассказчика добавил бы:

«Еслиб цветы нашу речь понимали — много бы было хлопот нам. Камень — тот говорить не умеет: нравится сильно он мне». Это прекрасное двустиие (Лу) Фанвэн'а **) можно было бы сюда приписать: подошло бы хорошо!

*) О которой рассказывают, что она ласточка, пока летит, и камень, когда сидит.
**) Поэт Лу Ю (XII—XIII в. по Р. Х.).

ВОЕННЫЙ КАНДИДАТ.

Военный кандидат, некий Ши, взяв в кошель деньги, поехал в столицу, чтобы там добиваться назначения на ответственную должность. Доехав до Дэчжоу *), он вдруг заболел, захаркал кровью и не мог вставать,—так и лежал все время в своей лодке. Слуга украл его деньги и скрылся. Ши был совершенно вне себя от гнева, и ему стало еще хуже. Запасы денег и провизии иссякли, и лодочники решили его где-нибудь бросить. Как раз в это время какая-то женщина ночью, при свете луны, подошла к их стоянке и, узнав об их решении, вызвалась перенести Ши в свою лодку. Лодочники были очень рады и помогли Ши перелезть в лодку женщины.

Ши смотрит на нее: ей уже за сорок, но одета она великолепно, и в ней все еще сохранилась тонкая красота. Ши простонал ей свою искреннюю благодарность. Женщина подошла к нему, посмотрела на него внимательно и сказала:

— В вас давно, знаете, сидело чахоточное начало. Ну, а теперь ваша душа уже гуляет у могилы.

Услыша это, Ши жалобно зарыдал:

— У меня есть одно снадобье,—говорила ему женщина,—оно может и мертвого воскресить. Если болезнь ваша от него пройдет, так уж не забудьте обо мне!

У Ши покатались из глаз слезы, и он стал клясться ей в вечной дружбе. Тогда она дала ему принять пилюлю, и в тот же день он почувствовал некоторое улучшение. А женщина садилась у кровати и кормила его сладким и

*) На императорском канале.

вкусным, ухаживая за ним и заботясь куда больше, чем жена о муже. Ши был тронут и обожал ее все сильнее и сильнее. Через месяц с небольшим болезнь почти прошла, и Ши ползал на коленях перед женщиной, выражал ей почитание, как своей родной матери.

— Я бедная, одинокая женщина,—говорила она,—у меня ничего нет. Если вам не противна моя увядшая уже красота, то я хотела бы, так сказать, услуживать вам при туалете.

Ши в это время было с небольшим тридцать. Он год тому назад потерял жену и, слыша такие слова, обрадовался, ибо это превосходило всякие расчеты, и слюбился с ней великолепно.

Женщина вынула из сундука деньги и дала кандидату, чтобы он мог проехать в столицу и найти себе должность. Они уговорились при этом, что он вернется к ней, и они оба поедут домой вместе.

Ши поехал. В столице он нашел протекцию и получил должность по государственной обороне, а на остальные деньги купил себе лошадь и седло. Облачился в свою нарядную форму и стал думать, что его женщине лет-то уж очень много, и она, конечно, не годится в настоящие жены. И вот, он за сто лан устроил себе свадьбу с девицей Ван, сделав ее второй женой. Однако, в душе его поселился страх: он боялся, как бы женщина не узнала об этом, и поэтому, сделал изрядный крюк, избегая проезда через Дэчжоу. Затем, прибыл к месту служения.

Целый год, а то и больше, от нее не было никаких известий. Но вот, один родственник Ши, приехав случайно в Дэчжоу, оказался соседом этой женщины. Узнав, кто он, она явилась к нему и стала расспрашивать о Ши. Родственник рассказал ей все, как следует. Женщина начала браниться и затем сообщила все, как было. Ши тоже стало как-то неловко перед ней и он стал ее уговаривать.

— Может быть, ему на службе слишком много дела,—старался он объяснить поведение Ши,—и он просто все еще не удосуживается вам написать. Пожалуйста, напишите ему письмецо, и я ему от вас, милая сноха, его вручу.

Женщина написала. Родственник с почтением передал

письмо Ши, который не обратил на него ровно никакого внимания.

Так прошел еще с чем-то год. Женщина тогда отправилась сама, чтобы поселиться у Ши. Она остановилась в гостинице и попросила лакея, служившего у Ши, доложить о ней, назвав свою фамилию и имя. Ши велел отказать.

Однажды, когда он сидел за большим обедом и пил, он услышал оглушительную брань. Отнял от губ чарку, стал прислушиваться, а женщина уже входила, подняв дверной полог. Ши страшно испугался. Лицо его стало цвета пыли. Женщина, тыча ему пальцем в лицо, ругательски ругалась:

— Бессердечный ты человек, небось, веселишься! Ну-ка подумай,—все твое богатство и весь твой почет: откуда все это? У меня к тебе чувство не легковесное, и не легкомысленно мое увлечение... Если ты захотел купить себе наложницу, посоветовался бы со мной, что за беда?

У Ши как-то отнялись ноги, дыханье сперло,—в ответ ей он не мог сказать ни звука, и так долго сидел. Потом опустился на колени и, отдавая себя в ее власть, выдумывал всякую ложь, лишь бы она его простила. Гнев женщины стал понемногу утихать, и она успокоилась.

Ши стал теперь уговаривать свою Ван пойти и приветствовать эту женщину, как младшая сестра старшую. Ван это совершенно не понравилось, но Ши усердно и настойчиво упрашивал ее, и она пошла. Ван поклонилась женщине, та ответила тем же.

— Ты не бойся, сестрица,—говорила та,—я не из ревнивых и наглых женщин. То, что было, ведь, действительно, нечто такое, чего человек вынести совершенно не может. Но и тебе, милая, не следует обладать этим человеком!

И рассказала ей все, от начала до конца.

Ван тоже овладела досада и злость, и они обе пошли к Ши браниться. Ши не мог уже стать на почву какого-нибудь определенного решения, и только просил дать ему возможность откупиться. На этом и успокоились.

Дело, оказывается, было так. Еще до прибытия женщины в его дом, Ши запретил привратникам ее впускать. Теперь он рассердился на них и стал потихоньку их допрашивать и бранить. Но привратники решительно за-

явили, что ключа никому не давали и что никто не входил, так что они не виноваты. Ши пришел в недоумение, но не посмел обо всем этом женщину расспросить.

И обе стали жить вместе, но, хотя и разговаривали, смеялись, конечно, все это было не то: настоящего ладу не было. К счастью, женщина оказалась милой и мягкой. Она не стала требовать себе у Ши вечеров; после ужина закрывала свою дверь и укладывалась спозаранку спать, не интересуясь даже, где спит ее милый друг. Ван сначала тревожилась, считая ее для себя опасной, но, видя теперь, какая она, преисполнилась к ней уважения, ходила приветствовать ее по утрам, делая вид, что прислуживает ей, как тетке.

Женщина в обращении со слугами была мягка, приветлива и в то же время умна, проникательна, как божеество. Однажды у Ши пропала его казенная печать. Вся канцелярия была поднята на ноги, кипела, металась, суетилась, роясь во всех углах—и ничего не могли поделать. Женщина смеялась и говорила, что беспокоиться не стоит: надо лишь вычистить колодезь. Ши послушал ее, и, действительно, там нашли печать. Ши стал расспрашивать ее, как это случилось,—она смеялась и не отвечала, что-то скрывая, словно по уговору, и как бы зная, как зовут вора. Однако, так-таки и не согласилась открыть его имя.

Так прожила она у него целый год. Ши, заметив в ее поведении много странностей, стал думать, что она не человек, и посылал к дверям ее спальни слугу подглядывать и подслушивать. Однако, тот только слышал шорох переворачиваемого на постели платья, не понимая, что это она делает.

Женщина очень сильно любила молодую Ван. Однажды вечером, когда Ши, сказав, что пойдет к судье, не вернулся домой, она села с Ван пить и незаметно напилась совершенно пьяной, легла тут же у стола и превратилась в лисицу. Ван смотрела на нее любовно и ласково, покрывала ее расшитым матрасиком. Вскоре вошел Ши. Ван рассказала ему про эти чудеса, и тот хотел ее убить.

— Пусть она даже лисица,—протестовала Ван,—чем же она перед тобой-то провинилась...

Но Ши не слушал, нащупал свой карманный нож...

А женщина уже проснулась и принялась его брать.

— Ты человек с поведением гада, душой волка и шакала! Конечно, с тобой дольше жить нельзя. Соболаговлика сейчас же вернуть мне то лекарство, которым я тебя в свое время накормила...

И плюнула ему в лицо. Ши почувствовал резкий холод, словно в него прыснули ледяной водой. В горле вдруг страшно зазудело. Он плюнул, и вышла прежняя пилюля в том самом виде. Женщина подобрала ее и в сердцах вышла. Ши побежал за ней—ее уже и след простыл.

Ночью к Ши вернулась прежняя болезнь, он стал харкать кровью без конца и через полгода умер.

МУЖИК.

Мужик полел под горой. Жена принесла ему в горшке поесть. Закусив, он поставил горшок с краю, на меже. К вечеру, смотрит—оставшаяся в горшке каша вся съедена; и так не раз и не два. Недоумевая, мужик решил наблюдать получше, чтоб доглядеть, кто это делает.

Вот прибегает лисица, сует голову в горшок. Мужик с мотыкой в руке подкрадывается, и хват ее изо всей силы. Лисица в испуге пустилась наутек, но горшок сдавил ей голову, и она с большими мучениями старалась от него освободиться, но не могла. Мотаясь в остервенении, она треснула горшком о землю: тот разбился и упал, а она вытащила голову, увидела мужика и принялась бежать все быстрее и быстрее, перебежала через гору и исчезла.

Через несколько лет после этого, по ту сторону горы, в одной знатной семье девушка мучилась от привязавшегося к ней лисьего навождения. Писали талисманы—не помогло, и лис говорил девушке:

— Что мне все эти ваши заклинания, написанные на бумаге?—А девушка притворялась и спрашивала его:

— Твоя божественная сила, конечно, очень велика, и к счастью, мы с тобой в вечной дружбе. Вот только не понять мне, есть ли на свете что-нибудь, чего бы ты боялся?

— Я решительно ничего не боюсь,—отвечал лис.—Вот только лет десять тому назад, когда я был по ту сторону горы, я как-то украдкой поел на полевой меже, и вдруг явился какой-то человек в широкой шляпе, с орудием, искривленным на конце, в руках,—и чуть было меня не убил. До сих пор еще его боюсь.

Девушка рассказала отцу. Тот решил отыскать того, кого лис боится, но не знал, как того зовут и где он живет, да и спросить было не у кого. Затем, как-то так случилось, что слуга из этого дома зашел по делам в горную деревню и с кем-то заговорил об этом происшествии. Человек, стоявший у дороги, в сильном изумлении сказал:

— То, что вы рассказываете, совершенно похоже на то, что со мной в свое время случилось. Уж не тот ли это лис, которого я тогда прогнал, творит теперь навождение?

Слуге это показалась странным. Он пришел домой и рассказал господам. Господин его пришел в восторг и велел ему сейчас же взять с собой лошадь и пригласить к ним мужика. Слуга с почтением обратился к мужику и изложил, о чем его просят.

— Что было, то, конечно, было,—смеялся тот.—Но, ведь, не обязательно, чтоб эта самая тварь у вас и поселилась. Да и то сказать: уж если она умеет так чудесно превращаться, то неужели она после этого испугается какого-то мужика?

Однако, богатая семья настаивала и силой принудила мужика одеться в то самое платье, которое он носил тогда, когда ударил лиса.

Вот он вошел в комнату, поставил свою мотыку на пол и закричал:

— Я тебя ищу каждый день и все не могу найти, а ты, оказывается, здесь укрываешься! Вот теперь мы встретились, и я решил тебя убить, без всякого сожаления!

Как только мужик это проговорил, сейчас же послышался в комнате вой лиса. Мужик принял еще более грозный вид. Лис жалобно заговорил, прося оставить ему жизнь. Мужик кричал:

— Вон отсюда сейчас же! Тогда пропущу!

И девушка увидела лиса с опущенной головой, который юркнул, как мышь, и исчез.

С той поры в доме стало спокойно.

СТУДЕНТ ГО И ЕГО УЧИТЕЛЬ.

Студент Го жил у восточных гор в нашем уезде. Он смолоду отличался любовью к ученью, но в глухой горной деревушке некому было его поправлять, и вот, ему уже было за двадцать лет, а писал он с большими ошибками.

Давно уже в его доме терпели от лисьего навождения. И платье, и посуда часто куда-то пропадали, так что все были в постоянной тревоге и сильно горевали.

Однажды ночью студент сидел и занимался, положив книгу на стол. Лиса вдруг все измарала—черным-черно, так что в тех местах, где она особенно старалась, нельзя было уж разобрать ни строк, ни букв. Пришлось отобрать листы, оставшиеся еще сравнительно чистыми, сложить их и читать. Оказалось, из всей книги—всего на всего 60 или 70 отрывков. Брала досада и злость до глубины души, но делать было нечего.

Студент написал двадцать, приблизительно, сочинений на разные темы, нужные для экзамена, и готовился дать их на просмотр одному известному лицу. Утром он встает, смотрит, а его сочинения валяются по столу, словно на развале, перевернутые, как попало, и так густо измазанные тушью, что от написанного не осталось живого места. Досада Го была неопишима.

Как-то раз пришел по делам к ним в горы студент Ван. Он был в дружбе с Го и зашел его навестить. Увидел измаранные тетради, стал расспрашивать, и Го рассказал ему о всех своих мучениях, при чем показал то, что еще осталось неизмаранным. Ван стал внимательно просматривать, и то, что осталось от вымарывания, повидимому, содержало в себе все лучшее, как-бы сказать, знаменитую «Летопись»

Конфуция... А затем он стал пересматривать и измазанные тетради—там, повидимому, было лишнее, сборное, вообще, все, что можно бы выбросить.

— Знаешь что,—сказал он приятелю с изумлением,—в этой лисе есть смысл! Не только тебе нечего горевать, но именно ее-то и надо тебе сделать своим учителем!

Через несколько месяцев Го просмотрел свои старые сочинения и вдруг понял, что все измазанное было измазано правильно. Теперь он написал еще на две темы, уже по иному, и положил на стол, чтобы посмотреть, какое с ними будет чудо. На утро написанное опять оказалось измазанным. Прошел, однако, еще год—и тетради более не марались, только жирною тушью там и сям делались огромные круги *), которыми пестрела вся страница.

Го страшно удивился, взял с собой тетради и пошел показать их Вану. Тот, просмотрев их, сказал:

— Лисица, брат, твой настоящий учитель! Эти прекрасные сочинения прямо таки продавать можно!

Действительно, Го в этот самый год выдержал экзамены в уездном городе, и это привело его в умиление перед лисой, которой он теперь стал ставить курицу и кашу, предлагая ей вволю есть и пить. Каждый раз как он покупал в лавке сочинения известных авторов**), то выбирал их не сам, а ждал окончательного решения лисы.

После этого он на двух экзаменах подряд оказался в первых именах, а затем и на крупном экзамене прошел во вторые кандидаты.

В это время сочинения господ Е и Му считались особенно тонкими и изящными по стилю. Их передавали из семьи в семью, и каждый их штудировал. У Го была рукописная копия этих сочинений, которой он страшно дорожил, как любимую вещь, и вдруг на нее вылилась чуть не целая чашка жирной туши, и все было так измазано, что не осталось ни буквы. Кроме того, он, подражая этим мастерам слова, сам написал кое-что, чем был приятно удовлетворен—и все это было также измазано, прямо волнами туши. С этих пор он уже мало-по-малу перестал доверять лисе.

*) В знак одобрения.

**) Для подражания.

Через некоторое время сочинения Е в своей основной части были закончены и убраны, и Го начал понемногу уважать те, что видел раньше; однако, всякий раз как он заканчивал какое-либо сочинение, то как бы ни трудился, ни старался в горьком и благородно-простом усилии,—его писания оказывались всегда зачеркнутыми. Сам он, в виду того, что неоднократно вырывал, так сказать, знамена из рук передовых бойцов, дух имел весьма гордый. И от всего этого он еще более стал разочаровываться в лисе, считая ее взбалмошной.

Желая испытать лису, он переписал то, что раньше было испещрено кругами жирной туши. Лиса все это измазала.

— Ну, ты и впрямь с ума сошла! Почему, в самом деле,—вчера это хорошо, сегодня плохо?

Вслед за этим перестал ставить перед ней обед, взял учебные тетради и запер на замок в сундук. На утро он заметил, что сундук закрыт и запечатан весьма основательно, но когда открыл, то увидел, что на обложке тетрадей намазано четыре черты, толщиной больше пальца. В первом сочинении проведено пять таких черт, во втором тоже пять, а на остальных ничего. С этой поры лиса окончательно замерла.

Го на одном экзамене прошел четвертым, на двух других пятым—и понял, что эти черты были знаменем ему, ибо в чертах был смысл.

ОЖИВШИЙ ВАН ЛАНЬ.

Ван Лань из Лицзиня скоропостижно умер. Янь Ван *), пересмотрев дело о его смерти, нашел, что это произошло по ошибке одного из бесов, и велел взять Вана из ада и вернуть его к жизни. Оказалось, однако, что труп Вана уже разложился. Бес, боясь наказания, стал говорить Вану:

— Быть человеком, стать нечистой силой—это мука. Быть нечистой силой, стать святым—это радость. Если это радость, то к чему обязательно рождаться к жизни?

Ван согласился, что это так.

— Здесь есть некая лисица,—продолжал бес,—у которой золотая красная ярь бессмертия уже готова. Если украсть эту пилюлю и проглотить—душа не уйдет, и жить можно долго. Ты только дай мне идти, куда я поведу—все будет так, как тебе желательно. Хочешь ты или нет?

Ван согласился, и бес повел его.

Вошли они в высокий дворец. Видят—высятся большие здания, но томительно грустно и пустынно. Какая-то лисица сидит под луной, подняв голову кверху и смотря в пространство. Выдохнет—и какой-то шарик выходит изо рта и взвивается вверх, и там влетает в середину луны. Вдохнет—и он падает обратно. Поймает его ртом и опять выдохнет... И так до бесконечности. Бес подкрался и стал выслеживать, поместившись у ней сбоку. Дождался, когда она выплюнула шарик, быстро схватил его в руку и дал Вану проглотить. Лисица испугалась и с грозным видом обернулась к бесу, но, увидев, что тут двое, побоялась,

*) Судья мертвых.

что ей не справиться, и, разъяренная досадой, убежала. Ван простился с бесом и пошел домой.

Когда он пришел домой, то жена и дети, увидев его, испугались и попятились. Ван, однако, все рассказал, и они стали мало-по-малу сходитьсь. Ван стал спать и жить попрежнему. Его приятель Чжан, услышав про все это, пришел проведать. Свиделись, разговорились о здоровье и других делах.

— Мы с тобой были всегда бедны,—говорил Ван Чжану.— А теперь у меня есть секрет: можно им добыть себе богатство. Можешь ли ты пойти со мной, куда я пойду?

Чжан нерешительно соглашался.

— Я могу лечить без лекарства,—продолжал Ван.— Решать будущее без гаданья. Я хотел бы принять свой вид, но боюсь, что те, кто меня знает, испугаются меня, как навождения. С тобой я пойду и при тебе буду. Согласен?

Чжан опять сказал «да», и они в тот же день собрались и пошли.

Пришли они к границе губернии Шаньси. Там, в одном богатом доме, вдруг захворала девушка, перестала видеть и погрузилась в обморок. Пичкали ее всеми лекарствами, служили всякие молебны, словом, все испробовали, что было можно. В это время Чжан пришел в дом и стал хвастаться своим искусством. У богатого старика она была единственная дочь, он ею дорожил и любил ее, говоря, что тому, кто сможет ее излечить, он даст в награду тысячу лан. Чжан просил разрешения посмотреть девушку и в сопровождении старика вошел в комнату. Видит, она лежит в забытьи. Открыл одеяло, пощупал тело. Девушка в полном обмороке ничего не чувствовала. Ван шептал Чжану:

— Ее душа ушла. Пойду поищу ее.

— Хотя и опасна болезнь,—заявил Чжан старику,— однако, спасти можно. Старик спросил, какое здесь нужно лекарство, но Чжан ответил, что никакого лекарства не нужно.

— Душа барышни,—говорил он,—ушла куда-то в другие места, и я уже послал духа искать ее.

Часа так через два, вдруг появился Ван и сказал, что нашел душу. Тогда Чжан еще раз попросил у старика позволения войти. Опять пощупал, и сейчас же девица стала потягиваться, и глаза ее открылись. Старик очень обрадовался, стал ласково ее расспрашивать.

— Я играла в саду,—рассказывала девушка,—и вдруг вижу—какой-то юноша с самострелом в руке стреляет в птицу. Несколько человек ведут прекрасных коней и идут за ним. Я хотела сейчас же убежать, но мне нагло загродили дорогу. Юноша дал мне лук и велел стрелять. Я застыдилась и закричала на него, но он сейчас же схватил меня и посадил на лошадь, сел со мной, и мы поскакали. «Я люблю с тобой играть», говорил он мне, «не стыдись!» Через несколько верст мы въехали в горы. Я сидела на коне, кричала и бранилась, юноша рассердился и толкнул меня так, что я упала у дороги. Хотела идти домой, но не знала куда. Но вот, идет какой-то человек, берет меня за руку, и мы быстро мчимся, словно скачем на коне... И в мгновение ока мы дома. Все это произошло быстро, словно во сне, от которого просыпаюсь.

Старик боготворил Чжана и, действительно, подарил ему 1000 лан. Ван ночью решил с Чжаном так: они оставят 200 лан на путевые расходы, а все остальное Чжан унесет, постучится к Вану в ворота и передаст деньги его сыну, веля при этом послать 300 лан в подарок Чжанам. Затем он вернется.

На следующий день Чжан пошел прощаться со стариком, но и не взглянул даже, где лежат деньги, чему тот еще более удивился, и проводил его с самым большим почетом.

Через несколько дней Чжан встретил на окраине города своего земляка Хэ Цая. Цай пил и играл, не занимаясь производительным трудом, и был до смешного беден, словно нищий. Услыша, что Чжан добыл секрет, которым загребает деньги без числа, побежал и отыскал его. Ван стал советовать дать ему поменьше и отправить обратно. Но Цай не исправил своего прежнего образа жизни, и в какие-нибудь десять дней все промотал до конца. Хотел опять идти искать Чжана, но Ван уже об этом знал и говорил Чжану:

— Цай—сумасшедший наглец: с ним жить нельзя. Нужно сунуть ему что-нибудь—и пусть убирается. Все-таки меньше будет беды от его поведения.

Через день Цай, действительно, явился и стал жить у Чжана, против его воли.

— Я знал, конечно, что ты снова придешь,—говорил ему Чжан.—Если целые дни проводишь в пьянстве и картеже, то и тысяча лан не смогут наполнить бездонную дыру. Вот, если ты серьезно справишься, я тебе подарю сотню лан.

Цай изъявил согласие. Чжан отсыпал ему деньги, и тот ушел.

Теперь, с сотней в кармане, Цай стал играть еще азартнее, да к тому же связался со скверной компанией и стал мотать и сыпать деньги, словно пыль. Сторож в городе, заподозрив неладное, задержал его и представил в управление, где его пребольно отдубасили, и он рассказал всю правду о том, откуда взялись эти деньги. Тогда его послали под конвоем, чтобы арестовать Чжана, но через несколько дней раны его стали болеть, и он по дороге умер.

Однако, его душа не забыла Чжана и опять пристала к нему,—встретилась, значит, с Ваном. Однажды они собрались и пили вместе у какого-то холма, одетого туманом. Цай напился страшно и стал орать, как сумасшедший. Ван пробовал его остановить, но тот не слушал. Как раз в это время проезжал местный цензор. Услышал, что кто-то кричит, велел искать. Нашли Чжана, который в испуге рассказал все по правде. Цензор рассердился, велел дать ему палок и послал с бляхой к духу. Ночью ему явился во сне человек в золотых латах и заявил следующее:

— Дознано, что Ван Лань умер без вины, а теперь является блаженным бесом. Лечение—милосердное искусство. Нельзя узаконять его силой бесовщины. Сегодня я получил приказание Владыки вручить ему титул вестника Чистого Дао. Хэ Цай подл и развратен. Он уже казнится, скрытый в горе Железной Ограды *). Чжан невинен, его надо простить.

*) В аду.
Ляо Чжай. Рассказы, т. I.

Цензор проснулся и подивился сну. Отпустил Чжана, который собрал свои пожитки и вернулся на родину. У него в мошне оказалось несколько сот лан, из которых он половину почтительно передал семье Вана, и ей эти деньги принесли богатство.

ТОТ, КТО ЗАВЕДУЕТ ОБРАЗОВАНИЕМ.

Некий учитель был сильно глух, но дружил с лисой, которую слышал, даже когда она шептала. Всякий раз, как он представлялся по начальству, то брал с собой лису, и никто не знал, что он на ухо туг.

Через пять-шесть лет лиса простилась с ним и ушла, наказав ему:

— Вы—словно истукан! Стоит сыграть с вами злую шутку, и все пять ваших чинов слетят. Вместо того, чтобы по глухоте своей проштрафиться, не лучше ль было бы вам пораньше уйти со службы, оставшись на высоте?

Учитель любил деньги и не сумел последовать этим словам. Ответы его стали часто весьма странны, и инспектор просил разрешения прогнать его, но он умолил начальника, который ласково уговорил инспектора этого не делать.

Однажды учитель был на государственном литературном экзамене. Когда кончили выкликать учеников, инспектор удалился к себе и сел обедать вместе с преподавателями. Все преподаватели лезли в книжные сумки и делали инспектору свои подношения, чтобы при его посредстве выхлопотать себе дальнейшее продвижение по службе. Наконец, инспектор с улыбкой обращается к нашему учителю:

— Почтенный педагог, почему же вы один ничего не подаете?

Учитель растерянно смотрел, не расслышав. Сосед его по столу, толкнул его локтем и рукой полез в сумку, чтобы

показать, в чем дело. Учитель как раз только что взял с собой, по поручению одной своей родственницы, известный суррогат-секрет супружеской спальни, чтобы продать его, и спрятал его в сумку. Куда бы он ни приходил, всюду и всем предлагал эту штуку купить. Видя, что инспектор улыбается, он решил, что ему требуется эта вещь, и с поклоном, весь согнувшись, ответил:

— Самые лучшие, позвольте заметить, на 8 цяней *), а этот уж ваш покорнейший слуга не смеет вам поднести.

Весь стол фыркал. Инспектор велел вывести учителя и лишил его должности.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РАССКАЗЧИКА.

Область Пин'юань в древности одна ничего не имела представить **). Да, ее князь был словно скала среди течения! А здесь: инспектор, и вдруг требует себе подношений. Конечно, ему нужно было поднести как раз это самое. А человека за это, извольте видеть, увольняют. Что за несправедливость!

ПЛОТНИК ФЫН.

Генерал Чжоу Юдэ, желая перестроить заново чей-то старый дворец под свое министерство, начал набирать рабочих. Плотнику Фын Минхуаню пришлось спать на постройке. Только что он стал укладываться на ночь, как вдруг видит, что оклеенное бумагой окно наполовину приоткрылось, и луна светла, словно это день, не ночь. В отдалении, за окном, виден был невысокий забор, а на заборе красный петух. Фын уставился на него глазами, и в это время петух слетел наземь.

Вдруг какая-то молодая девушка подошла, просунулась наполовину в окно и поглядела на Фына. Он решил, что ее заговорил кто-нибудь из товарищей, и стал тихо прислушиваться, но все уже крепко спали. И сердце его, об'ятное своевольной мечтой, стало сжиматься: в него закралась надежда, что дева ошибется и придет к нему. Вскоре она, действительно, влезла в окно и прямо прошла в его об'ятия. Фын, полный радости, молчал, не говоря ни слова... Когда наслаждение кончилось, дева ушла также в окно. Но с этой поры она стала приходить каждую ночь. Сначала плотник все еще не говорил, что он, но потом, однажды, решился открыто заявить ей это.

— Я и не ошиблась,—отвечала ему дева,—когда к тебе пришла. Нет, я отдалась тебе сознательно и с уважением.

И любовь их с каждым днем становилась все крепче. Затем работы окончились, и Фын решил идти домой. Дева уже ждала его в поле. Деревня, где жил Фын, от города была совсем недалеко, и дева пошла за ним. Но когда она

*) Около фунта.

**) На настойчивые требования богдыхана.

вошла в дом плотника, никто из семьи Фына ее не видел, и Фын теперь только понял, что она не человек.

Прошло несколько месяцев. Его силы стали падать и падать, и это вызвало в нем страх за жизнь. Он пригласил мага, чтобы тот своим заклятием задавил и изгнал нечистую силу, но из этого ничего не вышло.

Однажды ночью явилась дева в роскошном наряде.

— Всякая связь в этом мире имеет свой определенный счёт дней,—заявила ему она.—Раз суждено ей быть, то гони ее—не прогонишь. Если ей положено прекратиться, то хоть держись обеими руками—не удержишь. Сегодня я с тобой прощусь.

И ушла.

СТУДЕНТ ПЬЯНИЦА ЦИНЬ.

Студент Цинь из Лай-чжоу сделал настойку из трав и, по ошибке, положил туда яду. Вылить вино было выше его сил; он запечатал жбан и поставил стоять.

Через год как-то ночью ему захотелось пить, а вина нельзя было нигде достать. Вдруг он вспомнил про спрятанную настойку. Сорвал печать, понюхал: аромат замечательный, ударяет в нос до умопомрачения, кишки зудят, слюна так и бежит... Не мог справиться с собой, взял чарку и хотел попробовать. Жена предостерегала и усердно упрашивала его не делать этого, но студент только смеялся.

— Попить всласть и умереть—куда лучше, чем умереть от мучительной жажды.

Выпил чарку, нагнул жбан и налил еще. Жена встала и разбила жбан. Вино растеклось по всему полу. Студент припал к земле и стал пить, словно корова. Вскоре в кишках начались боли, рот сомкнулся. Ночью он умер. Жена с плачем и причитаниями стала готовить ему гроб, и уже положила его туда, но на следующую ночь явилась в дом какая-то красивая женщина, ростом не более трех футов, и прямо пошла к месту, где стоял гроб. Взяла воды из чашки, попрыскала на покойника, и тот разом ожил.

Он стал спрашивать, как это так случилось.

— Я фея-лиса,—отвечала женщина.—Мой муж как раз теперь пошел в семью Чжай, украл вино, опился им и умер. Я пошла его спасать, и на возвратном пути случайно проходила мимо вашего дома. Мужу стало очень жаль вас, вы и он были больны одним и тем же. Он и послал меня оживить вас остатками того лекарства, которое ему так помогло.

Сказала, и стала невидима.

ДОЖДЬ МОНЕТ.

Некий студент из Бань-чжоу сидел у себя в кабинете и занимался. Кто-то постучал в дверь. Открыл, смотрит—какой-то старик, весь белый, очень почтенной наружности. Студент, пригласив его войти, почтительно осведомился, как его зовут. Старик сказал, что его имя Янчжэнь (Питающий Истинное), а фамилия Ху *).

— Сказать по правде,—говорил он,—я лис-волшебник. Восхищенный высотой и тонкостью вашего ума, я хотел бы проводить с вами все время.

Студент был свободен от предрассудков, независим и с глубоким пониманием вещей,—так что он не счел это за пугающую странность. Сел и начал говорить со стариком, споря обо всем, что когда-либо было, в древние и новые времена.

Старик оказался исключительно образованным, с большою начитанностью. С его уст не сходили тонкие цветистые выражения и словно скульптурные фразы. Попробовал студент коснуться вещей поглубже, классиков—оказалось, старик знает и понимает их так глубоко и проникновенно, что студенту с особенной силой представилась для себя полная невозможность даже постичь такую мудрость. Он пришел в крайнее изумление и, исполнившись большого почтения к старику, оставил его у себя и долго с ним жил.

Однажды он тихо взмолился старику:

— Вы любите меня, повидимому, очень сильно, а я, как видите, бедный человек. Ведь, вам стоит лишь поднять руку, и золото и деньги сейчас же появятся по вашему

*) Связочно с Ху—лисица.

мановению. Почему бы вам не оказать и мне такое щедрое внимание?

Старик молчал и, повидимому, не думал, что это можно сделать, но через минуту он уже смеялся и говорил студенту:

— Это очень легкое дело. Мне нужно лишь с десятков монет, так сказать, на рассадку.

Студент дал, и старик пошел с ним в комнату, где они заперлись. Там он начал ходить магическим шагом и творить заклятия. И вдруг миллионы монет зазвякали о пол. Они сыпались прямо с потолка, словно проливной дождь. Миг—и уже в деньгах вязли колена. Студент вытащил ногу, встал и опять увяз по щиколотку. Огромная комната наполнилась на три-четыре фута, если не более.

Старик тогда говорит, смотря на студента:

— Ну, как? Удовлетворены выше меры? Или, может быть, нет еще?

— Довольно с меня,—отвечал студент.

Старик махнул рукой—и поток денег остановился, словно кто провел черту запрещения. Они заперли дверь и оба вышли.

Студент был всей душой рад, считая себя разбогатевшим. Тут же он вошел в комнату, чтобы взять денег на расход... И вдруг—вся комната, ведь, была полна этими милыми вещами, а где же деньги? Остались лишь там и сям монеты, данные на рассадку—только и всего.

Надежды рухнули. Студент свирепо напустился на старика, браня его за обман.

— Я, ведь, с вами был дружен по книгам, по знаниям, по литературе,—гневно возражал старик.—Я не думал, что для того, чтобы удовлетворить вас, мне придется с вами вместе стать вором. Вам, знаете, надо найти этого, как говорится, синьора с балки *). Вот тогда вы и сдружитесь с ним, как следует, а мне, старику, вам не угодить.

Отряхнулся и ушел.

*) Т. е. вора.

ПАРА ФОНАРЕЙ.

Вэй Юньван из Пыньцюаня в Иду происходил из старинной и знатной семьи, которая, однако, впоследствии—увы—обеднела, так что у него не хватало уже средств на продолжение образования, и он еще лет двадцати от роду уже прекратил занятия науками и вошел в дело зятя по торговле вином.

Однажды вечером он лежал один в винном складе. Вдруг слышит стук чьих-то шагов. В испуге он вскочил и стал с замиранием сердца прислушиваться. Стук все ближе и ближе, вот уже ищут лестницу, идут вверх, шаги перебивают друг друга... И сейчас же две прислуги с фонарями в руках очутились у его постели. За ними появился молодой человек, из интеллигентных, который вел за руку девушку. Он подошел к постели Вэя и стал улыбаться. Вэй страшно испугался и ничего не понимал, но тут же начал догадываться, что это лисицы. Понял, и волосы на голове встали, словно деревья в лесу. Поник головой, не решаясь даже взглянуть.

— Не смотрите на нас букой,—смеялся молодой человек.—Моя сестра с вами связана давней судьбой, еще до рождения. Вот ей и следует за вами поухаживать!

Вэй смотрит—молодой человек одет в расшитый шелк и соболя, глаза горят... Застыдился своего грязного вида, покраснел и не знал, что на это сказать. Молодой человек и служанка оставили фонари и исчезли.

Вэй стал внимательно рассматривать девушку, которая была светла, свежа, словно фея. Она ему сильно понравилась, но он был совершенно сконфужен и никак не мог

с ней заговорить в заигрывающем тоне. Дева смотрела и смеялась...

— Послушайте,—говорила она,—ведь, вы же не из этих, зарывшихся в книги... К чему этот напыщенный вид книжника?—Подошла близко-близко к постели и сунула ему на грудь руку, чтобы погреть ее.

Вэй теперь только оттаял, лицо раскрылось, и, теребя ее, начал с ней пошучивать, а затем, привлек к себе и стал любить.

Еще не пробил утренний колокол, а служанка с букольками уже пришла тащить ее домой. Условились ночью опять свидеться и, действительно, поздним вечером она пришла и говорила ему, смеясь:

— Глупый мой, какое тебе счастье! Не затратил ни копейки, а получил такую красивую жену, которая каждый день к тебе сама бежит.

Вэй, обрадовавшись, что никого тут нет, поставил на стол вино и стал с ней пить. Играли в «спрятанные пальцы», при чем дева выигрывала в девяти случаях из десяти.

— Не лучше ль будет,—смеялась она,—если я буду прятать пальцы, а ты будешь их угадывать? Угадаешь—выиграл, нет—проиграл! Если же заставишь меня отгадывать, то никогда не выиграешь.

Сделали так, и забавлялись весь вечер, а затем пошли было спать, но дева сказала:

— Вчерашней ночью на твоём одеяле и матрацах было ужасно холодно, прямо нестерпимо.

И крикнула прислугу, веля принести одеяло. Развернули его на постели—тонко вышитый нежный шелк был мягкий, весь душистый... Вэй развязал ей пояс, стал с ней любовничать... Ее красные губы блуждали, метались—совсем как «мягкое и теплое царство» у ханьского государя*), если даже не лучше. И с этой поры их отношения установились окончательно.

Прошло полгода. Вэй вернулся на родину. Раз ночью при луне он разговаривал с женой у окна. Вдруг видит, что его дева в роскошном наряде уселась на стене и машет ему рукой, зовет его. Вэй подошел к ней. Она взяла

*) Который так выражался о нежном теле своей знаменитой наложницы.

его руку, перелезла к нему через забор и, держа его за руки, говорила:

— Сегодня я с тобой расстанусь. Пожалуйста, проводи меня несколько шагов, окажи мне этим внимание, заслуженное, надеюсь, за полгода нашей с тобой связи.

Вэй испуганно спросил, в чем дело.

— Брачная связь имеет свою определенную судьбу. О чем гут разговаривать?

Так они шли и разговаривали, пока не пришли к окраине сада, где ее ждала служанка с двумя фонарями. Они направились прямо к южным горам, и дойдя до возвышений, дева простилась с Вэем. Тот удерживал ее, но бесполезно. Она ушла.

Вэй долго стоял, не сходя с места, и устремив взор ей вслед. Он все время видел пару фонарей, то мелькающих, то исчезающих, пока они не удалились настолько, что различить что-либо было уже невозможно. С болью в душе вернулся к себе Вэй.

В эту ночь, говорят, все крестьяне видели в горах огни фонарей.

СТУДЕНТ ЛЭН.

Студент Лэн из Пинчэн'а сначала был чрезвычайно туп. Так что, когда ему минуло уже двадцать лет, он не знал еще ни одной канонической книги. Потом к нему явилась лисица и стала с ним есть и спать. Все слышали, как он всю ночь болтает. Однако, даже если спрашивали братья, он не хотел говорить об этом ни слова. И так прошло много дней.

Вдруг с ним случилась какая-то болезнь: припадки сумасшествия и, вообще, глубокая перемена. Бывало, сядет писать сочинение, возьмет тему, запрется и сидит, как высушенный, а немного погодя, разразится раскатистым смехом... Бегут смотреть—а у него уже рука безостановочно бежит по черновику, и сочинение совершенно готово. Когда, затем, он оторвется, глядят опять—и что же? Все—и стиль, и мысли превосходны, изумительны.

В этом же году он вошел в храм «бассейна»*), а на следующий год был уже стипендиатом. Но вообще, на каждом экзамене хохотал так, что эхо гудело в стенах зала. С этих пор имя хохочущего студента стало известным повсюду.

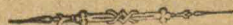
К его счастью, инспектор уходил в это время отдыхать и смеха не слышал. Но потом назначили такого, у которого во всем была суровая строгость и порядок. Он целый день сидел в зале, не пошевелившись, и вдруг слышит раскаты смеха. Рассердился, велел схватить студента, и уже готов был наложить на него кару, но заведующий канцелярией рассказал о его помешательстве, и гнев инспектора стал утихать. Однако, его имя он вычеркнул.

*) Выдержал первый экзамен

С этих пор студент принял безумный вид и погрузился в поэзию и вино. У него есть сборник стихотворений в четырех книгах, под заглавием: «Наброски свихнувшегося». Стихи парят где-то вне земли, поднимают ввысь... Стоит читать!

ПОСЛЕСЛОВИЕ РАССКАЗЧИКА.

Запереться и хохотать—чем это отличается по существу от буддийского прозрения? Смеяться во всю, и в то же время сочинить цельную вещь—это, ведь, одно из живых и радостных явлений. Разве можно дойти до того, чтобы за это уволить студента? Такое начальство, знаете, очень уж далеко заходит!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Критико-биографический очерк В. М. Алексеева . . .	7 — 21
Смешливая Ин-Нин	23 — 37
Четвертая Ху.	38 — 43
Лис выдает дочь замуж	44 — 48
Товарищ пьяницы.	49 — 51
Чародейка Лянь-Сян.	52 — 67
Лиса-урод.	68 — 70
Лисий сон.	71 — 77
Дева-лиса.	78 — 79
Лис из Вэйшуйя.	80 — 82
Мохнатая лиса.	83 — 86
Лиса-наложница.	87 — 93
Красавица Цинфын.	94 — 101
Лис-невидимка Ху Четвертый.	102 — 107
Злая тетушка Ху.	108 — 111
Великий князь Девяти гор.	112 — 117
Лиса наказывает за блуд.	118 — 119
Лисица в Фыньчжоу.	120 — 121
Как он схватил лису и стрелял в черта.	122 — 124
Сея лотоса.	125 — 131
Военный кандидат.	132 — 136
Мужик.	137 — 138
Студент Го и его учитель.	139 — 141
Оживший Ван Лань.	142 — 146
Тот, кто заведует образованием.	147 — 148
Плотник Фын.	149 — 150
Студент пьяница Цынь.	151
Дождь монет.	152 — 153
Пара фонарей.	154 — 156
Студент Лен.	157 — 158

В целях ознакомления русского читателя с наиболее выдающимися произведениями иностранной литературы за последние годы, издательство „Всемирная Литература“ приступило к выпуску серии

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Вышло из печати:

Ж. Ромэн. — „Доногоо-Тонка“, кинематографический роман.

В ближайшее время в этой же серии выйдут:

Э. Синклер. — „100% или история одного патриота“.

П. Бенуа. — „Атлантида“, роман.

К. Гамсун. — „Силы Земли“, роман.

Г. Дж. Уэллс. — „Неугасимый огонь“, роман.

Р. Роллан. — „Колл Бренъон“, роман.

О. Генри. — Избранные рассказы.

С. Бржозовский. — „Зарево“, роман из эпохи народовольцев.

Г. Верфель. — „Виновен убитый“, новеллы.

К. Мейринг. — „Зеленое лицо“, роман.

Д'Аннунцио. — „Ноктюрн“, роман.

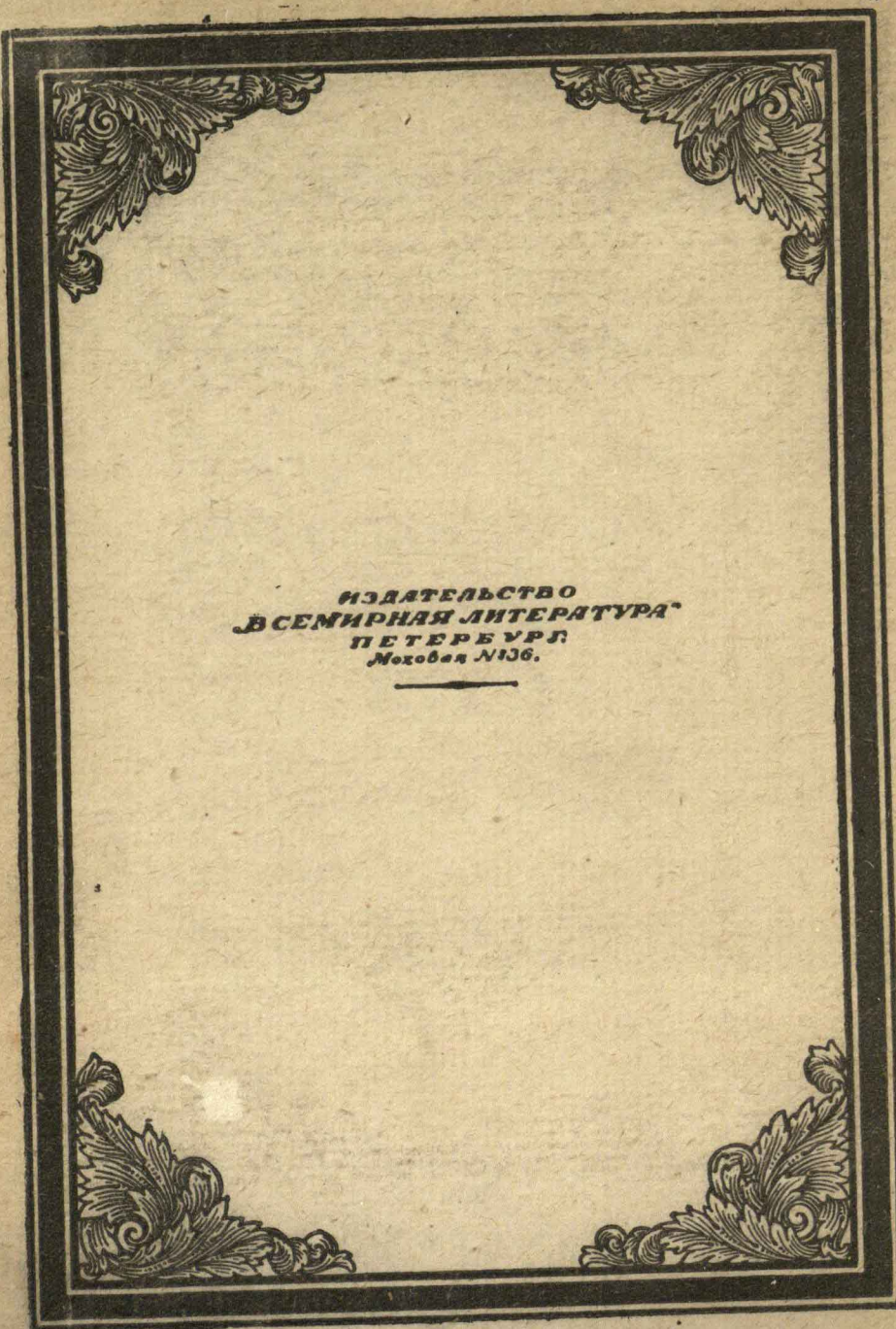
Печатается и скоро выйдет в свет № 1 издаваемого „Всемирной Литературой“ иллюстрированного журнала „Восток“ под ред. акад. С. Ф. Ольденбурга, акад. И. Ю. Крачковского, проф. В. М. Алексеева, проф. Б. Я. Владимирцова и А. Н. Тихонова.

В журнале — художественно-литературный, научный и критико-библиографический отделы, а также хроника жизни Востока и художественные репродукции с памятников восточного искусства.

Готовится к печати № 1 издаваемого „Всемирной Литературой“ журнала „Современный Запад“ под ред. К. И. Чуковского, Евг. Замятина и А. Н. Тихонова.

В журнале — переводы стихов и художественной прозы наиболее выдающихся из современных европейских писателей, обзор художественной жизни Европы, отчеты о новейших достижениях западной науки. В первом номере журнала, между прочим, будут напечатаны: Шпенглер — „Пруссизм и социализм“, роман О. Генри — „Короли и капуста“, рассказы Дюамеля, Рильке, статья Н. Радлова о современном немецком и французском искусстве и пр.

д. 90. 1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА
ПЕТЕРБУРГ
Моховая №136.
